

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 4(44)-2020

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Основатель — Николай Година

Редактор — Александр Мишутин

АВТОРСКИЙ СОВЕТ

Абдуллина З., Белобородова Е., Гаспарян К., Дубровина Н., Калугин В.,
Китаева В., Кухтурский А., Мякушко В., Рудковский М., Ружин В.,
Федосеенкова А., Хрипко П., Шалыгина М.

Александр Мишутин

Мнение редактора 5

СТИХИ

Михаил Авдейчик Из цикла «Иранские мелодии».....	6
Тамара Барейшина Стало всё белым-бело.....	6
Елена Дуденкова Снова звёздная ночь.....	7
Сабиржан Кильметев Танцевал петух на сцене.....	7
Елена Кожунова Осенний блюз.....	9
Людмила Куковенкова У рассвета завидная должность.....	11
Александр Кукушкин Без стихов — я один.....	11
Анатолий Омельчук Вся жизнь — это гонки и драки.....	12
Лидия Осминина И снова открытка цветная.....	13
Иван Плетухин Там, за дальней горой.....	14
Игорь Полинов Ты идёшь по вечному мосту.....	15
Александр Савенков Переход на зимнее время.....	16
Ирина Соловьёва И счастлива, что вместе мы опять.....	18
Тильтан-Лаван 38 попугаев.....	20

Алексей Фролов Холодный воздух вяжет кружево.....	20
Александр Фунштейн С негаснущим в душе огнём.....	21
Анатолий Чигинцев Будет значимый день.....	23

Проза

Светлана Андриевская	Цирк.....	25
Валерий Богушев	Любовь и море	26
Елена Дуденкова	Мишка	28
Олег Иванов	Светкино счастье.....	29
Александр Кукушкин	Два Сашки (роман).....	31
Валерий Мякушко	Дом на Советской (повесть)	33
Наталья Рахматуллаева	Лёнька (из цикла «Мои соседи»)	46
Виктор Ружин	Тугодум	47
Андрей Смолюк	КГБ.....	49
Наталья Сумина	Начало	50
Александр Яхут	Яблоки падают.....	52

Мемуары

Людмила Пичугина	Встреча на переломе (очерк)	62
	Разговор с памятью	63

Земля моя

Анатолий Кухтурский	Волжане на Урале	67
----------------------------	------------------------	----

Александр Кибальник	К Шукшину. В Сростки.....	68
Нина Кысса	Встреча с медведицей	71
	Случай в садике	72
Дмитрий Чапаев	Там, в глубине Уральских гор	72
	Горы.....	73
Николай Шукшин	Дом моего детства.....	73

Юмор

Рудольф Сырейщиков	Ну Танька! Вечно она что-то скрывает!	83
Игорь Щербаков	Pro Prokrusta	84

Гостевая

Александр Попов	Не заслони мою свечу.....	86
------------------------	---------------------------	----

Пробник

Людмила Бояринцева	Нагайбаки.....	88
Наталья Челинова	И песня польётся широкой рекой.....	90

Молодо — зелено?

Дмитрий Чапаев	Пока ещё нас согревает	91
-----------------------	------------------------------	----

Детская комната

Нина Калева-Прохоренко	Рассказы Евы Малининой	92
Наталья Карымова	Рождественская сказка о жёстком индюке.....	94
	Сказка об исчезнувшей королеве.....	97
	Сказка о доброй девушке и беспечном короле	99

Лидия Микрюкова	Ква-свадьба.....	102
Анатолий Омельчук	Погрейся под моим крылом.....	102
Валентина Почтарёва	Ладушки-оладушки.....	103
Зоя Романова	Прибежала вся родня	104

75

Николай Банных	Женские лица войны: две истории.....	105
Валерий Дивянин	Мы помним	107
Елена Кожунова	Наступит снова мирная весна.....	108
Лидия Осминина	Забывать нельзя.....	109

Шпаргалка

Каринэ Гаспарян	Преломление света.....	110
Александр Мишутин	12 строк.....	112

Мнение редактора

В 80-х (возможно в 90-х, не помню точно) была такая песня: «Кто не знает Любочку». И дальше — припев, оглушительный по привлекательности. Говорю: «Кто не знает Большакова?» И дальше — припев...

И дело не в том, что личность Большакова — хлестаковская. А в том, что его мнение (ого-го! Большаков!) формирует, пардон, мнение. Общественное. Печально.

По его мнению, журнал «Графоман» — для начинающих. У меня другое мнение: журнал «Графоман» — для всех. Почувствуйте разницу.

Большаков — руководитель (куратор!) литобъединений Челябинской области.

Не прозаик, не поэт — руководитель... Звучит, однако!

В панегирике Н. А. Ягодинцевой по поводу семинара в Ельцин-центре (а не в Ельцин Центре, ау, Большаков!) Павел Васильевич громогласно унизил статус «Графомана» — для начинающих.

Кстати: семинар субсидировал Дом народного творчества под руководством Оксаны Громовой.

И я ему ответил в соцсетях:

«Большаков, журнал “Графоман” не ДЛЯ начинающих, а И ДЛЯ начинающих. Почувствуй разницу. Что Саша Савенков из Горловки (Донбасс), лауреат всяческих премий и член СПР — начинающий? А Тильган-Лаван из Киселёвска? Или, может быть, Елена Шай из Александрова? А может быть, наши челябинцы Ческидова, Хрипко, Гаспарян (список можно продолжать) — начинающие? Это стихи. А проза? Ты Ружина читал? Ну конечно, нет, я же знаю. А почитай авторов “Детской комнаты”. Читай и думай, Большаков, что пишешь».

Абзац о «Графомане» Большаков убрал. Стёр: не говорил он так. Но мнение статусного «руководителя» осталось и у прочитавших, и тем более у него самого. И это печально.

Ещё раз: журнал «Графоман» — для всех. Россия унавожена провинцией. Провинцией только и живёт. Там она сохранилась, Россия. И оттуда таланты. Убеждён: на квадратный километр России талантов больше, чем на квадратный километр крохотной Швейцарии. Лелеять и растить надо начинающих. Без спеси троицкой и миасской. И Союзу писателей России (Челябинское отделение) хороводы надо водить вокруг литобъединений. Пока это делает только Оксана Громова, Дом народного творчества Челябинской области.

Приму как редактор журнала любое другое мнение и опубликую.

Александр Мишутин

6
Граффити № 4(44) - 2020

Михаил Авдейчик

Из цикла «Иранские мелодии»

Ты

Хороши сады цветут в Иране,
Девушки в Иране хороши.
Только ты теперь, моя родная,
Грустных дум во мне не вороши.

Розы отцветут и в Тегеране,
Опадут, увянув, лепестки.
И в России я с сердечной раной
Без тебя болею от тоски.

И в мечтах любимую Саади
До самозабвенья целовал.
И воочию готов я до упада
Целовать под песню соловья!

Яблоки колен

Мне твои обнять хотелось ноги,
Яблоки колен расцеловать.
Только увела их даль дороги,
Не нужны зовущие слова.

Множество имеется соблазнов,
И легко пойматься в краткий срок
Девице, идущей мимо, красной,
Кто бы овладеть тобою мог...

...Ловит цель и не поймает око,
Зыбкий твой ещё остался след.
Ты давно уехала далёко,
Укатились яблоки колен.

Два огня

Почему ты меня не узнала
И умчалась стремглав стороной?
Словно множество ярких русалок
Увлекли тебя бурной волной.

Твои очи мне в душу запали,
Обжигающие два огня.
Очи испепеляют запалом
Без остатка мгновенно меня.

Ой вы, очи, глаза голубые,
Вы сильнее любого огня;
Вам подвластны задачи любые:
И покой мой навеки отнять.

г. Бакал

Тамара Барейшина

Стало всё белым-бело

* * *

По мосту шагает взвод
Дружно в ногу он идёт.
Мостик хлипким оказался —
В резонансе расшатался.

Резонанс тогда бывает,
Когда в ритме совпадает
Топот ног, иль стук сердец,
Иль ход мыслей, наконец.

В резонансе, говорят,
Усиление в сто крат.
Потому иметь хотела
Резонанс души и тела.

Он вам встретился случайно.
Его взгляд, такой печальный,
В сердце вам запал, потом
Долго думали о нём.

В то же время, в тот же час
Он же думает о вас.
Будет встреча как романс,
Получился резонанс.

Вспоминаю ваши лица —
В душу тёплый свет струится.
Получаю, как аванс,
Чувств и мыслей резонанс.

* * *

Посмотрела я в окно:
Ночью выпал первый снег,
Стало всё белым-бело,
Меж деревьев чей-то след.
И не важно: первый чей —
Он ведёт других вперёд.
Вьётся змейкой, как ручей,
За собою вдаль зовёт.
Так же вьётся жизни путь.
Он зависит от тебя,
Только б птицу не спугнуть
Под названием судьба.

* * *

Мы пойдём на лыжах в лес,
Там, где множество чудес.
Возле леса на опушке
Встали ёлочки-подружки.
Здесь им холодно стоять,
Надо в гости их позвать.
Дед Мороз их пожалел —
Шубки белые надел.
Ёлка нам помашет лапой
В белой варежке лохматой.
Значит, ёлочка придёт
К нам на праздник — Новый год.

г. Плест

Елена Дугенкова

Снова звёздная ночь

Шёлковый шарф Айседоры

Стелется, стелется по полю шарф,
Шёлковый шарф Айседоры.

Злится метель, бьётся пурга —
Буйство стихии и света.
Чего же я жду у ночного окна
В стихийном сплетенье сонетов?

И кажется мне: то не шлейфы пурги
Напрочь пути заматают —
То Айседора в танце кружит,
С Россией навеки прощаясь!

Ноги босые над кромкою льда,
Руки вздымаются к небу...
Чего ты хотела? Чего ты ждала?
Не был Есенин твоим никогда,
Да и ничьим он не был.

То не метель, не злая пурга —
Мёртвых цветов узоры...

Через топь...

Через топь, да мостом...
Мой единственный,
Я не стала потом
Тихой пристанью.
Боль внутри превозмочь —
Эка невидаль!
Снова звёздная ночь
Рваным неводом.
Не скажу, как грущу,
Что греха таить!
А уйдёшь — отпущу,
Чтобы волком выть!

г. Троицк

Сабиржан Кильметев

Танцевал петух на сцене

Мать

Кружит метель снегами,
В лицо бьёт чёрный снег.
Луна за облаками
Не видит белый свет.
Дорогу за околицей
Сразу занесло.
С дороги шла тропинка —
Теперь белым-бело.
Намело сугробов,
Зверю не пройти.
Одинокий путник
Давно сошёл с пути.
Потерял тропинку
И попал в овраг:

До пояса сугробы —
Не выбраться никак.
Ресницы залепило,
Не видать не зги.
Снегу понабилося
Полны сапоги.
Силы все иссякли,
Страшно тянет в сон:
«Помоги мне, мама!» —
В небо крикнул он.
Метель остановилась,
Очистилась луна,
И тропинка к дому
Стала вдруг видна.
Мальчик встрепенулся,
Силы подсобрал

И по этой тропке
К маме пошагал.
Существуют силы,
Пока их не понять:
Как в такое время
Нам помогает мать?..

Петух

Танцевал петух на сцене, ногами делал па.
Посмотреть на это чудо собралась толпа.
Хозяин с сытой мордью в губную дул гармонию:
Извлекал мелодию, доволен был собой.

Люди наслаждались, смеялись: ха-ха-ха!
Ах, если бы узнали, как учат петуха.
Его сажают в клетку, с железным чтобы дном,
И нагревают снизу медленным огнём.
Начинают птице лапы обжигать,
А садист-хозяин — музыку играть.
Мучают страдальца неделю или две,
Пока не щёлкнет что-то у птицы в голове.
А теперь лишь станет мелодия звучать,
И петух несчастный будет танцевать.

Степан

На краю деревни в маленькой избушке
Всей роднёй забытый жил бобыль Степан.
У него под печкой, как-то объявился
Рыжий и усатый странный таракан.
Стёпу все любил: бескорыстен был,
Именно за это народ его любил:
Где забор подправить, калитку починить,
Кабанчика зарезать, дровишек напилить —
Всё это бесплатно делает Степан;
Ну а кто-то сунет бутылочку в карман.
Как-то раз домой пришёл, обед себе сварганил,
И только поднял он стакан и сразу же поставил:
«Погоди, не торопись! Ты поставь стакан!»
На него в упор смотрел огромный таракан.
Степан хотел его поймать и выбросить за двери.
Тот стал знаки подавать, Степан глазам не верил.
А тот усами шевелил
И как будто говорил:
«Стёпа, ты меня не бей,
А лучше капельку налей».
Засмеялся наш Степан и на клеёнку капнул.
Присосался таракан и всю каплю жажнул.
Завертелся, закружился, лапками затопал
Ну а пьяненький Степан ему в ладоши хлопал.
И вот с этих самых пор пьянки участились.
Компаньону рыжему капля подносилась.
С ним Степан и выпивал и как с другом толковал.
Рыжий шевелил усами, головой своей кивал.
Случай был забавный, деревня вся смеялась,
И никто не заподозрил, что беда подкралась.
Нашли Степана на полу, в руке зажат стакан,
И сквозь мутное стекло был виден таракан.
Хоронили всей деревней бедного Степана,
Кто-то с горсточкой земли бросил таракана.
Над деревню — печаль, и собаки воют,
И у всех односельчан резюме такое:
Мог бы жить и жить Степан,
Если бы пореже
Поднимал он свой стакан
С тараканом прежним.
А моё пророчество:
Устал от одиночества...

п. Чесма

Осенний блюз

Осеннее одиночество

Мне сегодня смеяться не хочется:
На душе золотая печаль.
Это рыжая осень-пророчица
Снова манит в заветную даль...

Там рябинки багряными свечками
Полыхают, сжигая мосты
Между прошлым и будущей вечностью,
Где становятся явью мечты.

Веселиться сегодня не хочется,
Я по старому парку пройдусь,
Наслаждаясь своим одиночеством,
В листопад прежних чувств окунусь...

Осыпаются, кружатся в воздухе
Миллионы сердечек резных,
Вдаль умчавшейся юности всполохи,
Разноцветные, яркие сны.

Мне сегодня смеяться не хочется,
Ностальгия на сердце и грусть.
Я в осеннем души одиночестве,
В бесконечности чувств растворяюсь...

В. Высоцкому посвящается

Живу — бегу
    по лезвию ножа,
Дышу — пишу,
    надорвана душа...
Молчу — кричу
    в звенящей тишине,
Гитары стон
    как память обо мне...
Люблю — молю,
    чтоб жить своей судьбой,
В согласье быть
    и с миром, и с собой.
О, мой Господь,
    я знаю, что ты есть,
Меня прости:
    грехов не перечесать...
Но я живой...
    прошу тебя, мой Бог,
Свободы дай
    хотя б один глоток.
Я жить хочу,
    любить, творить и петь...
И даже пусть
    придётся умереть.

Нежность

Нежность бескрайняя, светлая грусть...
Летним дождём я на землю вернусь,
Радугой яркой зажгусь в небесах,
Кроткой улыбкой замру на устах.

Я не ушла, просто стала другой,
Лёгкой, как дымка над спящей рекой,
Словно летящие вдаль облака...
Жизнь на земле так порой коротка...

Жизнь быстротечна земная, и пусть,
В небе душа продолжает свой путь...
Стала я дальше, но всюду с тобой
Тихая нежность моя и любовь.

Свидание с собой

По осенней листве под дождём морозящим
Я на важную встречу сегодня спешу:
На свиданье с собою, другой, настоящей —
На прогулку меня в старый парк приглашу.

Мы пройдемся вдвоём по тенистой аллее,
Помолчим и посмотрим друг другу в глаза.
И скажу я себе, ни о чём не жалея:
Хорошо, что нас вместе свели небеса.

Я со мною другою неплохо знакома:
Молчалива, грустна, пребывает в мечтах...
Я хотела б себя понимать с полуслова.
Между нами любовь, но лишь только во снах.

А в реальности что... бесконечные споры,
Разногласья, измены, нелепость обид.
Не пора ль прекратить бесполезные ссоры,
Научиться прощать и себя полюбить.

Нам бы чаще с душою своею общаться,
Возвращаться к себе из людской суеты.
Нелегко в этом мире собой оставаться,
Не скрывая душевной своей наготы.

Осенний блюз

Твоё прощальное: «Прости»...
Моё ответное: «Не надо»...
И вниз по лестнице шаги,
И тихий шёпот листопада...

А музыкант играл в метро
Осенний блюз на саксофоне,
А я смотрела сквозь окно,
Как ветер листья рвёт и гонит.

И всё ждала, что ты придёшь,
На плечи вновь положишь руки...
А за окном тоска и дождь —
Мои свидетели разлуки.

И, отпустив тебя уже,
Благословив на жизнь с другою,
Жила с надеждою в душе,
Что вот однажды дверь открою...

И растворюсь в твоих глазах...
Без лишних долгих объяснений,
«Привет» друг другу лишь сказав
За облепиховым вареньем.

На кухне чай попьём, потом
Жизнь потечёт легко, как прежде...
В обнимку с ласковым котом
Уснула с чувством безмятежным...

И блюз звучал мечтаньям в такт!
Вдруг в дверь звонок, бегу скорее,
А там... продрогший музыкант...
Что ж, заходи, тебя согрею...

В погоне за призрачным счастьем

В погоне за призрачным счастьем,
Богатство души растеряв,
Спешил я в жару и ненастье.
От долгой дороги устав,
Прилёг на ковёр бархатистый
Из мягкой травы луговой.
Цветов ароматом душистым
Накрыло меня с головой...

И снится мне сон мой давнишний:
Берёзки и домик родной,
Цветение яблонь и вишни,
Как будто из жизни другой.
И первая встреча с любовью...
Тоской неизбывной душа
И сердце наполнились болью...
Проснулся, тревожно дыша.

И голос родной и далёкий
Услышал, а может быть, дождь,
С небес проливаясь высоких,
Шептал: «От себя не уйдёшь...
Постой, оглянись на мгновенье
И в душу свою загляни.
Ты сердца почувствуй биенье,
Небесных ветров дуновенье,
Свободы полёт ощути».
В погоне за призрачным счастьем,
Не зная куда, мы спешим
И часто не видим богатства
Своей драгоценной души...

Стихи — души моей язык

Историю своей души,
Живой, мятежной и ранимой,
Пишу одна в ночной тиши,
А жизнь спешит неумолимо...

И время быстрою рекой
Течёт, считая дни и ночи,
То безмятежность и покой,
А то страдания пророчит.

И сердце вещее пером
Слова незримые выводит,
Что станут, может быть, стихом.
Так незаметно ночь проходит...

А после настанет рассвет,
Я просыпаюсь со стихами
И выпускаю их на свет.
Пусть летят за облаками...

И жизнью вольною живут,
Свободой бесконечной дышат,
Или найдут себе уют
В родной душе, что их услышит.

Стихи — души моей язык,
Пред небесами откровенье,
От серых будней исцеленье,
Любви живительный родник...

Кленовый листок

Я — кленовый листок,
что от ветки родной оторвался,
На холодном ветру,
под дождём проливным оказался,
Закружив в облаках,
среди листьев других затерялся
И, на землю упав,
в разноцветье осеннем остался.

Отрывает нас жизнь
от родных и от отчего дома.
Словно листья, кружим
мы по свету, судьбою ведомы.
Затерявшись в толпе,
мы себя зачастую теряем
И в людской суете
о душе о своей забываем.

И тоскует душа,
и страдает, и плачет от боли,
Хочет взмыть в небеса,
надыхаться свободой и волей,
И парить над землёй,
и любить, и мечтать о высоком...
Но без ветки родной
неуютно и так одиноко...

г. Челябинск

У рассвета завидная должность

Осень

Под окном тропинка пожелтела,
Листопад в саду заговорил,
Под ногами так листва запела —
Защемило сердце... нету сил.
Эти осени оранжевые лики —
У берёзы, липы и осин...
И прохожему хотелось крикнуть:
Понимаешь, как прекрасен мир!?
И дурманом тянет полегоньку
Этот сладковатый аромат.
В стороне моей, сторонкушке-сторонке,
В плен возьмёт, хоть ты не виноват.
Листопад, осенняя отрада,
Землю закрывает, бережёт,
Словно шаль цветастую в нагладу,
От души в узорах отдаёт...

Идти

Небо вдруг продырявилось,
От дождя и ветров;
Окна все затуманились,
Серый облик дворов...

Осень, слякотно праздная,
Прицепилась ко мне;
Небо — пятнами грязными,
Как заплатки в окне...
Проворонила солнышко,
Налетели дожди.
Тучи, где моё гнездышко,
Надо встать и идти!

Рассвет

У рассвета завидная должность:
Он хозяин в предутренний час.
И ему вот несколько не сложно
Одарять утром солнечным нас.

Всё с рассветом становится ярче,
И, целуясь с туманом, река
Отразит небеса, словно в чарке
Золотистую прелесть вина.

Искупавшись во всех его красках,
Насладившись дурманом от рос,
Полежать хочу в травах атласных,
Тех, что дед мой сгребал на покос.

г. Троицк

Александр Кукушкин

Без стихов — я один

* * *

Я нынче раненою птицей
летел к тебе. О ангел мой!
Ничто, казалось, не случится
со мной, дорогой кочевой.

Но небо в молниях сверкало
и гром раскатами играл.
Вся в чёрном
буря
нарастал,
и ветер вихрем танцевал.

Взмахнув крылами напоследок
и устремив на Землю взор,
я вспомнил, что вот так же предок
летел познать небес простор.

Не в силах совладать стихией,
ведь сердце ранено моё,
я прокричал: «Прощай, Россия!»
и погрузился в забытьё.

И брэнно тело подхватила
стихия,
мяла и рвала,
и зовом сердца уносились
лишь
перья
моего
крыла...

* * *

Я смотрю на фотографию
и не знаю сам, что делаю;
вот в глазах вся биография,
и на фото вишня зрелая.

Колдовство в глазах отчаянных,
и с грустинкой брови чёрные,
был бы молод, я б отчаялся,
всё б отдал, но мысли сорные...

...мыслить так, но не по праву я —
ах! — не знаю сам, что делаю.
целовал бы сперва правую
и ласкал бы нежно левую...

...опоила б своей спелостью,
губ сильнее, пьяней вина,
но! — увы! — травинка прелая —
разве в том моя вина?

Я не знаю сам, что делаю.
Думать так не вправе я:
целовал бы сперва левую,
а потом ласкал бы правую...

* * *

Прочитай мне свои стихи.
Умоляю тебя.
Ну, прочти!
В них я вижу свои грехи.
Без стихов —
я один.
Взаперти.
Я без них
совсем одинок,
словно птица
в клетке сижу;

в них я вижу
обрывки нот...
поэтесса,
стихами
живу.
Твои строки —
они
мой
порок,
я от них
улететь
не могу,
и ещё...
для себя урок.
Ты прости,
но себе
не лгу.
Ты прочти мне
свои стихи.
Клеть открой мою,
отпусти.
Отпусти мне
мои
грехи...
ты сказала:
«Свободен.
Лети...»

с. Долгодеревенское

Анатолий Омельчук

Вся жизнь — это гонки и драки

Время

Я еду всегда с опозданием,
И время в пути не догнать.
Не терпит оно отлаганья,
И трудно его обуздать.

Пытался его заарканить,
В огромную клеть посадить.
Но стало оно вдруг буянить,
Готовое всё сокрушить.

Оно надо мной издевалось:
«Желаешь уйти на покой,
Но ты не учёл одну малость —
Последнее слово за мной.

Ты можешь в тиши отсидеться,
Зарыться под землю, как крот;
Как суслик, на солнце погреться,
Не зная житейских забот.

А ну, дружок, вышел из мрака!
Запомни мой строгий наказ:

Вся жизнь — это гонки и драки
Цени каждый прожитый час!»

Любовь

Лежит в гробу в нарядном платье,
Я ей кричу: «Не уходи!»
Я смерти шлю свои проклятья,
И сердце рвётся из груди.

Я не забуду твоё имя,
Хоть ты уходишь в мир иной.
Всегда останешься любимой,
Желанной, милой, дорогой.

А смерть коварна и готова
Любви жестоко отомстить.
И на земле мечтает снова
Людскими судьбами вершить.

Любовь — божественная сила,
Чудес таинственных полна.
Сердца земные покорила,
В награду каждому дана.

Свидание (шуточное)

Я дамам назначал свиданье,
Благою жизнь им обещал.
Одних любил я с содроганьем,
Других же просто отвергал.

Вот, нарядившись генералом,
Пошёл с блондинкой в ресторан.
Она, конечно, и не знала,
Что я «артист» и «донжуан».

Я угощал её отменно:
Шампанским, красною икрой.
Тост произнёс весьма почтенный:
«За наше счастье и покой».

К другой (во фраке бизнесмена)
Я подогнал свой «мерседес».
Мы с ней решили непременно
Поехать в дальний тёмный лес.

Приехали, она не плакса!
Вдруг оказалась деловой:
И предложила мне за «баксы»
Любви отдаться неземной.

Хромоногий (шуточное)

Вы назвали меня хромоногим,
И по факту вы правы, мадам.
Не сужу вас решительно строго,
С батожком я хожу по делам.

Для меня он — дружище надёжный,
И насмешкою злой не кольнёт.
И следит, чтоб я был осторожным,
И беду от меня отведёт.

Вы назвали меня хромоногим,
Да, печально. Но это ведь так.
Все, однако, мы ходим под богом.
Не забудьте, мадам, этот факт.

Сад

Как быстро летом всё светлеет,
Уходит в горы тихо ночь.
Лучами солнца нежно греет,
Готово мне всегда помочь.

И свежей дышится прохладой,
Блестят росинки на траве.
Я опьянён безумно садом,
И хмель играет в голове.

Чаепитие с дождём

По крыше дождь игриво скачет,
И никаких ему забот.
Я намекнул: «Что это значит?
Полей мне лучше огород».

И поработал он на славу,
Богатый будет урожай.
Я восхитился, крикнув: «Браво!
Давай, попей со мною чай».

Дождь

Дождь ночью топает на крыше,
Как из ведра проказник льёт.
А я пишу стихи Ирише,
И дождь мне песенку поёт

Он понял всё, не извинился
И вновь пустился в дикий пляс.
Стихи лились, и дождик лился
Он шумом всех жильцов потряс.

С рассветом солнце засияло,
И тишина уже кругом.
А мне дождя так не хватало,
Немного я взгрустнул о нём.

г. Челябинск

Людия Осминина

И снова открытка цветная

* * *

Букет роз, как сердце на блюде,
Несу не спеша, чуть дыша.
Раскрылась записка: «Для Люды»,
Всю радость мою сокруша.

И снова — открытка цветная
Мне радует душу и глаз.

Увы, оказалась чужая:
Как прежде, Людмиле от вас.

Запарились вы в Интернете
С утра до вечерней зари.
Раскрылись все ваши секреты
И чувства: храни не храни.

Не знала сложнее загадки.
 Попробуй её отгадай:
 Одной назначал ты подарки,
 Другой отсылал. Невзначай?

* * *

Твои слова как приглашенье:
 «Ты приезжай» — волнуют кровь.
 Как знак вниманья, уваженья;
 Признание в чём-то, не любовь.

Признание в чём? Не понимаю.
 А соловей ведь пел в саду!

В твоих стихах я проживаю,
 И там душа с твоей в ладу.

Восторг, и грусть, и умиление
 Волнуют душу горячо.
 Защищлет глаз от наважденья,
 Где сердца боль, где без сомненья
 Подставляю бережно плечо.

Твои слова как приглашенье:
 «Ты приезжай» — волнуют кровь.
 Признание — мне лишь утешенье.
 Чиста к поэзии любовь.

г. Плат

Иван Плетухин

Там, за дальней горой

Родины глоток

Сегодня я немножко пьян,
 Не от того, что что-то выпил,
 А пьян от близости полян
 И оттого, что пахнет липой.

Знакомый вид,
 Привычный фон
 Ласкает взгляд, щекочет душу,
 Когда нестройный гвалт ворон
 Кричит мне вслед:
 — Пстой, послушай!

Мне всё знакомо здесь до слёз,
 И всё живёт не понарошку:
 И стайка солнечных берёз,
 И строй солдат, бегущих кросс,
 Напоминают мне о прошлом.

У той вон молодой сосны,
 Когда-то пареньком незрелым
 С девчонкой редкой красоты
 Я занимался важным делом.

Мы с ней сидели на пеньке
 Плечо в плечо, её — пониже;
 Её рука в моей руке,
 Сердца же бились ещё ближе.

Просты, наивны и чисты
 Те помыслы все были наши.
 В мечтах мы строили мосты
 И замки, с каждой встречей краше.

Прошли года, немалый срок.
 Я стал постарше, но не старым.
 Спешу увидеть тот пенёк,
 Вдохнуть лесной глоток нектара.

Хочу найти былого след,
 О чём я думал неустанно.
 И пусть весны ушедшей свет,
 Согреет новые поляны.

Меня опять в деревню манит

Меня опять в деревню манит:
 Не в радость день, и сон не в сон.
 Там без меня малина вянет,
 И увядает старый клён;

Там без меня тоскует осень,
 Копится ряд мирских забот,
 А по утрам слезятся росы,
 И скука лезет в огород.

О, если б был я чуть моложе,
 Подвижней в собственной судьбе,
 Я б бросил городскую сложность
 И убежал туда, к тебе.

В твою доверчивую ясность,
 Приветливость и простоту,
 В твою неброскую прекрасность
 И деловую доброту.

Я б влился вновь в твою безбрежность
 Полей, лесов земную даль,
 В твою крутую неизбежность
 И в каждодневную печаль;

И утонул бы вновь в заботах,
 В кругу простых и нужных дел.
 И каждый день, как вол, работал,
 Чтобы облégчить твой удел.

Утренний подарок

Лето. В окнах горит серебро.
Спит спокойно моя половина.
Я на кухне беру небольшое ведро,
И иду в огородный малинник.
Он не спит. В ожиданье июльского дня
Тянет к свету зелёные перья,
А под ними, как искры живого огня,
Спелых ягод рубиновых звенья.
Я иду меж кустов, собирая росу,
На лицо, на загривок и уши,
И малине, как верному другу, несу,
Своё доброе сердце и душу.
И она открывается мне до корней:
Отдаёт, всё что в тайне хранила.
И отныне я буду признателен ей
За ту сладость и мудрость, накопленных в ней.
За здоровье, что мне подарила.

Там, за дальней горой

Есть за лесом гора,
А за этой горой
Перевалы довольно крутые.
Там когда-то у речки весенней порой
Встретил я своё счастье впервые.

А вокруг тишина,
Хвойный лес и покой,
И гора Уреньга смотрит в небо;
И черёмухи запах плывёт над рекой
Нашим юным сердцам на потребу.

Всё случилось как в сказке,
Как в радужном сне:
Мы писали судьбы своей строчки.
Был свидетель тому,
Он сидел на сосне
И выстукивал точку за точкой.

Годы минули.
Сизый осенний туман
Нам с тобой уже головы метит
Неужели тот день — это просто обман:
Нет и не было прошлого лета.

Почему же тогда так волнуется кровь,
И теплеет на пальце колечко?
Значит, были однажды и страсть, и любовь,
И черёмухи запах над речкой.

пос. Новосинеглазово

Игорь Полчнов

Ты идёшь по вечному мосту

Седая тишина

Говорили люди: «Всё пройдет!»
Я не верил — трудно жить с бедою.
Знать никто не может наперёд,
Где столкнёшься с тишиной седою.

Оглянулся я сейчас назад —
Молодой отец с вихром упрямым
Подаёт мне сладкий лимонад —
Три копейки — был он вкусным самым.

А ещё мне видится сюжет:
На параде мы, я на закорках!
Эх, как много пролетело лет,
Затерялись годы на задворках.

Слышь, батяня, как случилось так?
Захандрил — и разом вдруг свалился.
Был же ты шутить острó мастак,
А сейчас с сырой землёй сроднился.

Я присел поближе чуть к кресту,
Чтоб побыть немного рядом, вместе.
Ты идёшь по вечному мосту...
Ход обратный будет неуместен.

Наливая рюмочку с горой,
Закушу не хлебом — сигаретой.
Жалко, что не чокнемся с тобой,
Да и в жизни встретимся не в этой...

Крадётся ночь

Крадётся ночь туманная, сырая,
Фонарный луч колышется в воде,
Промокший зонт прохожего, блистая,
Скрывается бегом в своём дворе.

В асфальте, все морщинки выпрямляя,
Ручьями заливает землю дождь.
Стучит в окно погода грозовая,
Бубнит на бубне краснокожий вождь.

Впущу её, зачем — и сам не знаю?
Своих хлопот хватает за глаза,
К утру слегка как будто бы оттаю,
И высохнет полночная слеза.

Обнажённые души

Разве можно назвать справедливой
Жизнь, которой мы все здесь живем?
Она может казаться игривой,
До тех пор лишь, пока не урём.

Всех нас холит она и лелеет,
Пеленой застилает глаза;
Но момент настает — не жалеет,
Вздых последний — застыла слеза.

Что же нам уготовано дальше:
То ли райские кущи, то ль ад?
Обнажённые души без фальши,
Ждут смиренно решенья у врат.

Задумано творцом

Стихи писал — луна светила,
Бывало, что писал и днём;
А ты о том мне говорила,
Как вместе к алтарю пойдём.

Но не сбылась твоя надежда:
Уж так задумано творцом.
И мы живём с тобой, как прежде:
На третьем — я, ты — на втором.

Накрыло дождём

Опять городок накрыло дождём,
Спелёнут луч солнца тучей.
Свернулся Барбос тугим калачом,
День серый, слегка тягучий.

Не каждый этакой слякоти рад,
Дождя лишь природа хочет.
Зонтов и плащей устроив парад,
На крышах с утра хлопочет.

Рассыпались буквы-бисер в блокнот,
Пером собираю в строчку.
Сегодня объявлен ливнем цейтнот.
Стихам лишь дана отсрочка.

Осенняя пастораль

На циферблате снова осень.
Большая стрелка — к сентябрю.
И птичьих стай многоголосье
Влетает в алуя зарю.

Поля покрылись мягким шёлком —
Ковыльным вызревшим руном;
И по его сухим метёлкам
Кружится Фён¹ веретенном.

Смешались краски на деревьях
В сумбурный, спутанный колор,
А сосны в чопорных ливреях
На север устремляют взор.

Дождей косых прохладных пряди
Прольют колючки-облака.
Опят-солдатиков отряды
Рассыплет щедрая рука.

Весь мир пронизан пасторалью,
Спокойствием коротких дней,
Окутав мягкой тёплой шалью
Всю землю: лес, поля, людей.

г. Троицк

Александр Савенков

Переход на зимнее время

переход на зимнее время

Нескорбный и нехитрый труд —
для милых гнёздышек и лежбищ
отсрочить жизнь на час, на круг,
на шаг назад, чтоб всё — как прежде:

и день воскресный, и в дому
ведут на кухню все дороги,
и память прячется в дыму
том самом — сладком, босоногом —

и доевангельским дитём
бредёт в степи, глядит закату
в глаза, горящие огнём,
рвёт волчьей ягоды и мяту

и рвётся в дальние края,
скачая за вечерним чаем,
покуда ангелы кроют,
пока сапожники тачают...

из поминальных суббот

/

фотографические розы

(Димитровская)

...седую канителью в пряди,
подмешивая в морок сны,
туманы зреют в палисаде
на черных ветках бузины,

¹ Фён — сильный, порывистый, тёплый и сухой местный ветер, дующий с гор в долину.

за день устав от пантомимы,
и полночь тусклую свечу —
в один фонарь — пронесит мимо,
тень волоча по кирпичу.

А над комодом в ярких позах,
что и двенадцать лет тому,
фотографические розы
свою роняют бахрому
в её весны последний промельк,
и льнут, и тянут за рукав
как дети в стариковском доме:
и — в вечность, и — по пустякам.

И явь движением обманым
так нервно обрывает вздох,
что ясно слышно, как чеканно
мгновенья покидают дом,
и несказанное безмолвье,
светлея где-то с цифры шесть,
готовит, опрокинув кровли,
им бальзамическую смесь.

дождь накануне Рождества

Обними же меня сильнее
в первый раз и в последний:
вовремя — это не обо мне,
обо мне — это значит намедни.
Заворкует над степью звезда,
препояшется синим пламенем —
сердце слепнет не по годам,
перед нею как на экзамене,
и, не зная ответов верных,
голова склоняется низко:
ах, как глупо, как стыдно, как скверно
есть из собачьей миски.
В четырёх углах под бездомный вздох
допознать одинокий ужин,
пресмыкаясь на четырёх,
ибо на двух и того хуже,
подливая слова незрячие
в эти скудные дни и ночи.
Только если с обмана начали,
кто сказал, что обманом кончим?..
А пока — ходить нагишом
под своєю звездой доверчиво
и латать холщёвый мешок
накануне святого вечера.
да у неба просить, словно это базар,
сбавить цену на аллилуйя,
чтоб любимые нам закрывали глаза
тихими поцелуями,
чтоб ни шага, ни слова, ни вдоха
в сторону от мечты
и на каждой купюре эпохи
карандашом простым:
если любишь лишь то, что нравится,
сердце свивая кольцами,
с окаянством путей не справиться,
за удовольствие
надо платить — тоскою

рук о живом тепле,
как о жилом покое
на нежилой земле,
где вчерашним — не помню,
новым — не знаю,
нынешние — не в счёт,
где за каждым окном
без конца и без края
дождь печали идёт, идёт...

кольцевой трамвай

Трамвай, ползущий по кольцу
с отдушиной ночлега,
похож на сонную осу,
присыпанную снегом:
торчат из сердца провода
и ржавые скрижали,
и ты не знаешь никогда —
когда оса ужалит.

Слегка кружится голова
от непривычных звуков
привычной жизни, звук в словах
безжизнен, словно руки
у пугала — наперекос
движенью, где неловко
упал февраль под сталь колёс
больничной остановкой,

где переполненный трамвай
наигранно-учтиво
по мёртвым колесит словам
прелестной перспективой,
смеясь и пряча чёрный смех,
как нищий корку хлеба,
как темень в белоснежный мех
глаза живого неба,

где сам я двойствен, как дыра
комичного в трагизме,
где страху смерти равен страх
прожить здесь дольше жизни
хотя бы день: любой момент
проигрывая в лицах,
дерзнуть — вчера не умереть
и не ожесточиться.

сквозь ряды вечернего конвоя

брату

Падал снег...
На тёмный сад строений,
сквозь ряды вечернего конвоя
падал,
не отбрасывая тени,
высотой отвесной — на земное,
падал
так безропотно, безмолвно,

так по-детски смешиваясь с грязью...
 Падал снег...
 И напознала полночь
 на идущих уличною вязью,
 на осин последние наряды
 у оси застёгнутых подъездов,
 на огни гирлянд, фасады, взгляды,
 тихо оседающие в бездны...
 Падал снег...
 На города и веси
 как безумство — спрашивать у пыли:
 и о чём молчат слова их песен,

и как много в сказках чёрной были,
 над которой
 плавниками Млечный
 в темноте, не помнящей запретов,
 их сердец перебирает речи,
 как осколки тающего света...
 Падал снег...
 Бездомно, безымянно,
 падшему понятный с полуслова,
 падал
 как единственная данность
 дня сего от Рождества Христова...

г. Горловка

Ирина Соловьёва

И счастлива, что вместе мы опять

* * *

Вот вновь наступила зима.
 Ночами снежок чуть кружится.
 В Прилепах красиво... Но я
 Никак не могу с тем смириться.

Взрастил седоусый Урал,
 И мать на Урале вскормила,
 Хоть вдаль меня поезд умчал,
 Но всё же к Уралу манило...

* * *

Снег идёт, метель метёт...
 Скоро ль милый мой придёт?
 Он уехал на базар...
 Закипает самовар...

Буду чай тихонько пить,
 Да о миленьком тужить,
 Чтоб товар скорей продал,
 Да ко мне чтоб поспешал.

Чтоб доехал хорошо,
 Чтоб ко мне он подошёл,
 Подошёл, поцеловал
 И любимой чтоб назвал.

* * *

Когда ты едешь в поезде, в автобусе,
 В машине иль ещё на чём,
 Ты вспоминаешь радости и горести
 Минувших дней, мечтаешь ли о чём.

Что сделаешь — не нами жизнь устроена,
 Что в прошлое нас память возвратит.
 И часто жизнь под впечатленьем прошлого
 От будущих ошибок оградит.

А в поезде, в автобусе, в машине ли
 Не знаешь ты, заняться чем, порой.

Тогда есть время: соберёшься с мыслями,
 И станет ясною картина пред тобой.

Пока ты едешь, многое обдумаешь:
 Что сделал так, а что совсем не так;
 Что от тебя зависит теперь в будущем;
 Что жизнь вообще — уж не такой пустяк.

* * *

Ты обещал прийти сегодня.
 Я жду... Душа тобой полна.
 Чем ближе час — труднее ожиданье,
 В трепещущей душе кипит волна.

Но вновь боюсь: не сбудется желанье.
 Ты, как и прежде, раз — и не придёшь,
 И не поймёшь, увы, мои страданья,
 Мою душевную не успокоишь дрожь...

Последнее слово

Вот последний звонок отзвенел,
 Госэкзамены все позади.
 Вот диплом вручили тебе,
 И путёвку ты в жизнь получил.

Все разъедемся мы кто куда —
 Раскидает судьба по стране,
 Только техникум наш никогда
 Не забыть нам: ни мне, ни тебе.

Ни за что не забыть нам вас,
 Педагоги, вы нам дорогие,
 Хоть ругали вы нас — и не раз:
 Было всякое — мы ведь такие...

И не слушались мы иногда,
 И грубили порой, рассердившись.
 Но промчалась уже та пора...
 Теперь плачем мы, с вами простившись...

Вам спасибо большое за всё,
Наши мамы и папы вторые.
Ведь немало вы пролили слёз,
Чтоб мы стали людьми неплохими.

И теперь, когда час подошёл
Нам прощаться, и к горлу ком,
Всем, кто с нами бок о бок шёл,
От души до земли поклон!

На всю жизнь мы запомним всё:
Всё, что было здесь, что учили.
Не забудем и ясных звёзд,
Что на практике нам светили.

Только звёздами сами стать
Мы должны. Даже ярче звёзд.
Знания, что сумели взять,
Мы теперь воплотим всерьёз!

* * *

Я дрожу от мысли,
Что тебя увижу.
И дрожу от мысли,
Что ты не придёшь.
Я люблю тебя
И тут же ненавижу,
Что ты в моём сердце
С осени живёшь.

12.01.1991

* * *

Предугадать никто ничто не может,
И каждого судьба — судьба своя.
Кто знает: кто предаст, а кто поможет?
И мы не знаем то — ни ты, ни я.

* * *

Зачем судьба так с нами пошутила?
Зачем она с тобою нас свела?
Скажи, зачем нам голову вскружила?
Зачем покой душевный отняла?!

Ведь жили да и жили бы спокойно,
Тревог не зная, не терзая души,
Растили бы детей, не знали б горя,
Покой семей никто бы не нарушил.

Как быть теперь, как жить — скажи мне!
Душа болит, и сердце рвётся вон!
Какие силы надобно скопить мне,
Чтоб не нарушить жизненный закон?

Ведь если трезво, здраво рассудить,
Откинув чувства, мысль о своём счастье,
Так значит — вместе нам с тобой не быть:
На чьём-то горе не построить счастья.

Итак, расстаться надо нам с тобою...
Но сделать это как — того не знаю.

Пока пишу — владею я собою,
Но как тебя увижу... сразу таю...
29.09.1990

* * *

Ты вдруг нарушил мой покой.
Кто дал тебе такое право?
Ты никогда не будешь мой...
Такая жизнь не жизнь — отрава.

Оставь меня навеки ты,
Мне не нужны мои страдания,
Несбывшиеся мечты,
Со всех сторон непониманье.
12.01.1991

* * *

Кручусь, верчусь: как, что? Никто не знает.
Всё по течению: куда меня прибьёт.
Как ненормальная, звонки я поджидаю,
Сама звоню и жду: когда придёт?!

С ума схожу не дожидаясь встречи.
Работа — да куда! Не до того!
И вот приходит снова синий вечер.
В душе — хаос! И больше ничего.

А голова — как пухлый Дом Советов:
Каких там за день мыслей только нет!
Но на вопросы не найду ответов...
Эх, кто б скорей мне дельный дал совет?!..
02.11.1990

* * *

Тебя тут нет, но вот в воображенье
Ты, милый, здесь. И я с тобою рядом.
Стоим, обнявшись. Головокруженье
От глаз твоих. Тебя пронзаю взглядом.

И счастлива, что вместе мы опять:
Опять могу с тобою поболтать,
Обнять могу, руками обласкать,
Смотреть в глаза и нежно целовать...

Тебя тут нет, но вот в воображенье
Ты, милый, здесь. И я с тобою рядом.
Стоим, обнявшись. Головокруженье
От глаз твоих... И большего не надо.
12.01.1991

* * *

Я долго чувствам волю не давала,
Держала их, как бешеных коней.
Держала крепко. Но... не удержала.
И понесло меня в водовороте дней!..
Окт. — нояб. 1990

г. Снежинск

Тчльтан-Лаван

38 попугаев

38 попугаев

Мой сосед — пережёванный жизнью шизик.
С фейсом спившегося Ришара.
И нутром из отборнейших книжек
и абсентного перегара.

Он обычно стоит перед дверью долго,
не решаясь нажать звонок. Поправляет
мятый галстук, надетый поверх футболки.
И на «Вы» меня называет.

Бог однажды взял ластик и стёр ему
полноги /я художник, я вижу так/.
И с тех пор все левые башмаки
ненавидят правых за каждый шаг.

Они сложены в пыльный архипелаг
в недрах шкафа, куда не проникнет свет.
Как утраченный артефакт
безвозвратно двуногих лет.

Мой сосед, скажи мне: какого чёрта
мы застряли на этих задворках мира.
Гибнуть в хосписе, нам отчёркнутом
от стены до стены квартиры.

Два слона, пять мартышек. Ещё в попугаях
тридцать восемь выходит — ночами, бывало,
от бессонниц себя спасая,
от стены до стены считала.

Нас с тобой намотало на круг сансары.
Бог не в духе — гоняет её, как спиннер.
«Да вертел я вас всех на сансаре, слышали?» —
было брошено нам, отверженным, в спину.

...мы ботинки, забытые в недрах шкафа.
И закрыты на шпингалет.
Слушай Шниток, штудируй Кафок...
Тщетно пробуя «выйти на свет».

Вечер. Чай на задворках мира.
В кухне, маленькой, словно гроб.
Бог — глядит недолго в квартиру...
и отводит свой телескоп.

подвенечное

1. Мой профиль, склеенный из вырезок газетных.
2. И тело — полое папье-маше.
3. Над кладбищем окурков сигаретных — стишки об изувеченной душе (Как некролог. Как эпитафия таланту. Как обязательная траурная речь под духовые хрипы музыкантов и под синхрон поникших плеч.)
4. Просроченных квитанций по квартплате досадный ворох (на одной из них сейчас пишу я. В подвенечном платье. Съев препаратов горсть с пометкой «псих»).

Вот это всё — приволокёшь, скажи?
В свой дом. Где мебель-люстра-кот-герань.
Не отвечай мне. Не пиши. Держи
на расстоянии гибнущую дрянь.
А я — в железной кружке сургуча
расплавлю. И залью в свой рот.
Чтоб наконец заткнуться. За-мол-чать.
Не причинив тебе хлопот.

г. Киселёвск

Алексей Фролов

Холодный воздух вяжет кружево

Незавершённый диалог

Последних яблок отмороженных
О стылу землю мокрый шлёп,
Сорók, предзимьем растревоженных,
Неугомонный бабий трёп,
И чучел, на зиму разобранных,
Незавершённый диалог...

Из слов, небрежно в душу брошенных,
Чуть не случился эпилог.

...Но в небесах луна задумчива.
Она мудрей земных затей.
Холодный воздух вяжет кружево
Следов воздушных кораблей.

И восхитившись этой прелестью,
Поймёшь ты мелководье ссор,
И вспомнишь радость нашей верности,
Как глубину родных озёр.

Под Биргильдой

Вдвоём с конём в полночной прерии
При шике скромном полнолуния
Коленами мы грязи меряли
И вылезали из безлюдия...

От головы — все приключения.
От воли — все преодоления.
А лёгкость главного решения —
От ваших глаз ночного бдения.

Вахта

Глотками меряя бутылки,
А бутылкáми вечерá...
Все эти вахтовые вилки —
Дожить без милой до утра.
А утром снова за работу,
Кубы-квадраты на рубли.
Работа любит идиотов,
Но мы всё выдюжить смогли.

Удачи, снова неудачи
И одиночество вдали —
Мы от судьбы не ждали сдачи,
По полной пёрли, как мулы.
...А ждали — только скорой встречи,
Не помня, за каким ушли.
И Купидон по нам картечью
Палил во все края земли...

На мороз

Лязг щеколд —
и открылись ворота.
На мороз
вывожу я коня.

Обо мне
не печалится кто-то,
Кто-то даже
не вспомнит
меня.

Кто-то в утрени не затоскует,
Не завоюет в белёсый рассвет...
Лишь позёмка заструживает будет
На приснежье лежащийся след.

Полнолуние

В небе — шторм облаков
На луны полнофазие,
А у нас на земле —
Лязг и визг тракторов.

Мы с задумчивым псом
На небес безобразия
Одномерно глядим,
Пар пуская в котов.

Туман с подсветкой

Туман с подсветкой
незамеченной луны
Оденет ветки
в иней белизны...

Роскошен час
полуночи предзимней,
Когда почти все в мире
влюблены.

г. Челябинск

Александр Фунштейн

С негаснущим в душе огнём

* * *

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А. С. Пушкин

Когда я один остаюсь
И день угасает в окне,
Приятная лёгкая грусть
Неслышно приходит ко мне.

Я думаю: верно ли жил
И был ли всегда справедлив,
И искренне ль женщин любил,
Нечаянно флирт заводив?

А мир так хорош наяву
И россыпи звёзд в вышине,
И как хорошо, что живу
Я именно в этой стране.

А чем мне страна хороша?
Внезапно задумался я:
Моя родилась в ней душа
Здесь дети, здесь внуки, друзья

* * *

Промчалось двести лет, друзья,
Как будто бы давно,
Но забывать никак нельзя
Нам про Бородино.

Тогда сказал народ: «Шалишь!»
Дороги далеки,
Но их прошли, пришли в Париж
Российские полки.

Нам нелегко сегодня жить
И кто-то очень рад,
Заставить нас уже забыть
Бессмертный Сталинград.

Берлин мы брали нелегко,
Но всё ж повержен он.
А ты от нас недалеко,
Ты слышишь, Вашингтон?

Война, поверьте, не парад,
В войне весь мир сгорит.
Так вспоминайте Сталинград,
Умерьте аппетит.

В экспедиции

Огонь костра, огонь души
В глухой тайге в ночной тиши,
Он и очаг, он и жильё.
Погас — осталось лишь смольё.

И мы уходим от костра,
Который домом был вчера,
Уходим мы за новым днём
С негаснущим в душе огнём.

Друзья мои, ведь мы ни дня
Прожить не можем без огня.
Нет без огня у нас путей.
Виват, великий Прометей!

Солнце и луна

Солнце Землю держит на орбите,
Нас теплом ласкает, наших чад.
Солнцу рад бывает каждый житель,
Разве только в засуху не рад.

А луна — причина размышлений.
Ночь — мечтаем: что там впереди.
А в любви лишает нас сомнений,
Помогает трепету в груди.

Ночь за днём и снова день за ночью
Друг за другом солнце и луна.
Изо всей своей вселенской мочи
Помогают людям жить сполна.

Лето

Вот и лето наступило..
Открываю я окно.
Да, зимой морозно было —
Нынче греться нам дано.

Солнце светит очень споро,
Каждой травке по лучу,
Оживают лесом горы,
Я, конечно, в лес хочу.

Ночью тучки прилетели,
Тёплый дождь над лесом был
И, едва вскочив с постели,
Мы несёмся по грибы.

«Он кормилец, лес наш русский», —
Говорили старики.
В мире нет вкусней закуски,
Чем солёные грибки.

Хочешь вкус особый чая,
Так получше приглядиись:
Лес душицу предлагает
И смородиновый лист.

Наше лето невелико,
Так поменьше говори.
Наклонись и землянику
На варенье собери

Чтоб зимой морозной стылой,
Под весёлый снег с небес
Нам приятно вспомнить было
Наш уральский летний лес.

На озере Увильды

У воды милей улыбки,
Окунусь — и благодать,
Стали маленькие рыбки
Возле ног моих мелькать.

День утихнет понемножку.
Вечер. Звёзды. Тишина.
Вот и лунная дорожка,
А по ней плывёт луна.

Миг такой бывает редко.
Затихает ветерок.
Из невидимой беседки
Еле слышен говорок.

Я к воде придвинусь ближе,
Буду ждать всю ночь не зря,
Но зато ведь я увижу,
Как рождается заря.

Как она, огнём играя,
Предвещает нам восход
И как солнце выплывает
Из глубин озёрных вод.

Новый день пусть будет ясен.
Солнце, бликами играй!
До чего же ты прекрасен,
Мой родной уральский край!

Посвящение Лермонтову

Мартынова мартышкой называл,
Насмешками достал его не мало —
И гения великого не стало:
Мартышкин выстрел в грудь ему попал.

«Собаке смерть собачья, — царь внушал. —
Простой поручик должен быть потише».
Цари любили всяческих мартышек,
А гений... гений часто им мешал.

У гениев нелёгкая судьба,
Их всяческая бездарь ненавидит,
Ведь в них она свою никчемность видит,
Так будьте к ним помягче, господа!

У гения тяжёлая судьба:
Над ним повсюду грозовые тучи.
Но несгибаем ум его могучий,
Его всегда вперёд зовёт труба.

г. Челябинск

Анатолий Чигинцев

Будет значимый день

Беда

Небеса подождут,
Надо многое сделать:
Выбрать правильный путь
И идти к нему смело.

Постучится беда
В день ответственный срочно.
Кто поддержит — семья,
Это знаю я точно.

Вижу берег во сне:
Он меня поджидает.
Подъезжаю к реке —
Ветер южный ласкает.

Небеса подождут...
По реке отплываю,
Будет дальним маршрут;
Птицы вольные — в стаю.

Взмах крыла над рекой...
Чайки летней порою
Близко, рядом со мной,
Слышен клик за кормою.

Если снова беда
Постучится по новой,
Знать, такая судьба
В этой жизни бедовой.

Голоса

Голоса, голоса,
Вас я слышу всегда,
Молчаливая ночь, отзовись!
Я иду в никуда,
А вокруг тишина.
Ты, судьба, мне хоть раз улыбнись.
Голоса, голоса,
Между вами стена...
В церкви ранней порой помолиться...
Голоса, голоса,
Вы ведёте туда,
Где со мной ничего не случится.

На пороге любви

Вы в дороге любви
Не гоните коня,
Лучше встань — посмотри
На врата и меня.

Если вдруг невзначай
Конь споткнётся на миг —
Из беды выручай,
Хоть уже ты старик.

На дороге любви
Будет значимый день.
Отдохни и смотри
На живую капель.

От судьбы до сумы,
Говорят, один шаг.
На пороге войны
Встанет памятный враг.

На пороге любви —
Не тяни, заходи!
И счастливые дни
Рядом с ней проживи.

Судьба

Стою, сутулясь, у церковного порога.
Звон колокольный отдаётся в голове
Но не проходит та душевная тревога,
Что с маем связана в трагической судьбе.

Вот только дал бы мне Господь ещё немного
На этом свете полюбить и пошуметь.
В последний путь моя прощальная дорога
Поможет к ангелам на небо улететь.

Третий лишний

Бросать не стоит в будущее взгляд —
Довольствоваться надо настоящим.
Итак, легло немало тех ребят,
Им было всем тогда по восемнадцать.

Бросало в жар от ножевой резни
«Аллах акбар!» повсюду было слышно.
Не дрогнули советские штыки,
Как в песне о любви, здесь третий — лишний.
О контингенте тех советских лет
Написано и сложено немало...
Советского Союза, уже нет,
И нет того, афганского, начала.

с. Чесма

Цирк

Свежесрубленные избы с расписными ставнями и кружевными наличниками дивились окнами на ночное действо. Мимо них конные казаки нагайками гнали пятерых босоногих людей. Пешие пытались бежать: то в одну сторону кинутся, то в другую. Один из них закричал, попросив о помощи: «Товарищи, нас рубят!» Ни одна занавеска не колыхнулась, никто не спешил на помощь. А казаки вынули сабли и... Избушки испуганно тарасились лунными отсветами окон на ночную кровавую расправу. К утру небо заплакало, смывая алые следы.

Прошло немного времени, и революция победила. В память о пролитой крови место расправы назвали площадью Павших революционеров.

Через десяток лет любопытные домишки с расписными ставнями наблюдали, как на площади Павших построили деревянный цирк шапито. «Сосед» был покрыт брезентом, огромный, даже немножко страшный. Когда воздушные гимнасты взмывали на трапециях ввысь, зрителям казалось: циркачи могут упорхнуть сквозь купол в открытый кружочек неба. Шапито был популярен, люди приезжали из далёких городов и деревень поглазеть на дрессированных голубей, собачек, тигров, на жонглёров с горящими булавами, на таинственных магов-фокусников. Конечно, зрители привозили с собой ребятишек. Невзирая на трудности пути. Например, из городка Пласта надо было добираться часа четыре. Два часа удивления, восхищения, смеха в цирке, и обратно ехать четыре часа! Зимой представление смотрели, не снимая шубеек и пальто. Летом, конечно, было лучше: тепло, а то и жарко. И детям, и взрослым.

За десятки лет шапито состарился, деревянные опоры сгнили, годы его подходили к концу. Из людских разговоров стало ясно, что где-то на другом берегу реки построен новый цирк — современное, красивое здание. У циркачей долгожданное новоселье! Старое помещение решено было сжечь, чтобы ускорить и удешевить процедуру сноса.

Наступил этот знаменательный день, для пожарных — своеобразные учения. Красные машины, словно стая жуков-пожарников, со всех сторон облепили площадь. Главный ответственный поджигатель чиркнул спичкой, огонёк шустро побежал по деревяшкам... Огонь запылал, входя в раж. Частные деревянные дома вокруг площади, опасаясь длинных пламенных языков, в ужасе засверкали глазами-окнами. Слава богу, силами доблестных пожарных ни один из них не пострадал.

Однажды на площадь привезли большой камень с высеченной надписью: «Здесь, на площади Павших революционеров, будет сооружён памятник борцам за Советскую власть в городе Челябинске». Потомки не забыли о той кровавой ночи! Каков будет этот монумент? Как скульптор увековечит память революционеров?

Но... судя по разговорам людей, началась какая-то перестройка. Вместо памятника на площади Павших появилась пивнушка. Мужчины с озабоченными лицами, часто нервные, хмурые, входили внутрь и, чуть успокоенные, выходили наружу. Сказывалась ли остаточная аура старого цирка, кто знает. Вскоре и пивнушка с площади исчезла.

И теперь ветхие столетние домишки с резными наличниками уютно окружают обновлённую светлую площадь с голубыми елями, тренькающими по периметру площади трамваями, камнем-обещанием, которое, видимо, уже никогда не будет исполнено. Столетние избушки-вековушки по-стариковски вспоминают былые времена, отражая в окнах, словно в зеркалах, голубизну неба, щебечущих, прыгающих на трамвайной остановке детей.

г. Челябинск

Валерий Богушев

Любовь и море

У Вики умопомрачительные карие глаза, полуоткрытый, красиво очерченный рот, круглое лицо, маленький нос. Роста Вика небольшого. Она сидит в белом пластмассовом шезлонге, застланном махровым полотенцем, читает «Завтрак у Тиффани».

— Ростик, — зовёт она, откладывая книгу.

Молодой человек в сланцах, шортах и обтягивающей футболке, подчёркивающей спортивное сложение, заканчивает расставлять по пляжу ровными рядами деревянные лежаки и собирать подати с отдыхающих. Подходит к девушке и усаживается на соседний шезлонг, придвинутый почти вплотную к шезлонгу Вики. Ее лицо до этого скушающе-серьёзное, оживает.

— Ростик, давай поговорим.

— Что с тобой разговаривать. Ты меня продинамила вчера.

— Не переживай, ты мне всё равно нравишься, — Вика приобнимает парня. — Ростик, мне все знакомые говорят, что ты шутишь. У тебя это хорошо получается. Ты можешь быть серьёзным?

Ростислав пожимает плечами, его зовут заплатить за лежак, и он уходит.

Вика достаёт сотовый и подносит к уху.

— Мамочка, мамочка, ну возьми же трубку!

Наконец, с третьего раза дозвонилась.

— Мамочка, привет, солнышко, как дела? У меня тоже отлично... Вчера допоздна купались и гуляли с подругами, они до сих пор спят. Была весёлая тусовка... Нет, ни с кем не встречаюсь... Познакомилась с одним молодым человеком из нашего города, но ничего серьёзного... Он студент... представляешь, устроился на всё лето на работу на пляже... Лежаки расставляет... Не волнуйся, далеко не заплываю... Хорошо, мамочка, буду сама осторожной...

Парень возвращается.

— Ростик, а знаешь, в меня был влюблён один мужчина. Однажды он принёс целую охапку роз и стал по одной бросать мне под ноги. Просил выйти замуж. Пачку денег давал — вот такую!

— Тебе, наверное, самое дорогое предлагали...

— Деньги — не главное в жизни.

— А что главное?

— Не знаю. Я бы сейчас на оперетту или балет ходила. У нас в городе один из лучших театров. Мама мне говорит: «Ты облазила все ночные клубы и бильярдные и ни разу не была в театре...» Ростик, сводишь меня в театр?

— Конечно. Только мне здесь ещё до середины сентября работать.

— Я буду тебя ждать.

Как только Ростик уходит, девушка словно гаснет. Она то звонит подругам, которые обещали скоро быть, то раскрывает книгу и сосредоточенно читает.

С утра она сидела в купальнике и надетой поверх белоснежной мастерке на молнии с капюшоном, затем натянула ещё белые спортивные брюки.

— Что-то я мёрзну сегодня, — жалуется Вика, как только парень возвращается, но шезлонг из-под соломенного зонтика на выглянувшее из-за облаков солнце не выдвигает, только набрасывает на себя ветровку.

— На что я мерзляк, но ты меня удивила, — говорит Ростик.

— Наверное, я просто вчера перекупалась. Хочешь, я тебе погадаю?

Берёт его ладонь, долго рассматривает и гладит, потом сгибает пальцы в кулак и, взглянув на образовавшиеся на сгибе складки, говорит:

— У тебя будет двое детей. А я хочу одного — мальчика. Ростик, возьмёшь меня за муж? — улыбается Вика.

— Я подумаю, — после некоторого молчания в тон ей отвечает Ростик.

— На ночь я пью бутылку «пепси». Пока не выпью, не могу уснуть.

— «Пепси» очень вредная.

— Я знаю. Но ничего не могу с собой поделать.

— Извини, я сейчас, — парень снова уходит на другой конец пляжа взимать деньги за только что занятый лежак.

Она вглядывается в морскую даль, на летящий над синими волнами жёлтый «банан» с визжащими от восторга и страха пассажирами в купальных костюмах и красных спасательных жилетах, на стремительно рассекающий пространство гидроцикл, на весёлых и беззаботных отдыхающих, радующихся жизни и морю...

Когда Ростик, вернувшись, присаживается рядом, лицо её вспыхивает, светится улыбкой, лукавством — влюблённостью!..

г. Воронеж

Мишка, поздний и единственный сын школьной технички Раисы. Как он появился?! Каким ветром надуло, история умалчивает.

Живут Раиса с Мишкой очень скудно, зарплата Раисы мала, алиментов папаша не платит. Живут тут же, при школе, в одном флигеле с дворником Бареем и его женой Марьям. Хорошо хоть директор школы очень добрая тетенька, она разрешает матери помогать на кухне, и за это Раиса приносит домой объедки, булочки, коржики и даже котлеты. Хватает Мишке, собаке Пальме и щенкам. Мишка, конечно, понимает, что отличается от сверстников, его вещи старые и кем-то уже ношены. Рая сама стриже́т непокорные вихры сына, и волосы торчат нелепыми, смешными лесенками.

Но Мишке пока только восемь лет, он не воспринимает это за беду и радуется жизни. С удовольствием помогает матери, двигает парты, моет доску и пол. Потом бежит к дворнику Барее, помогает подметать и убирать мусор. Освободившись, играет со щенками Пальмы. Учится Мишка хорошо, он сообразителен, у него замечательная память, и если бы жил мальчишка в других условиях — школа бы гордилась Мишкой.

Мать Мишкина почти не пьёт, так, в праздники пригубит чуток и долго болеет. Когда-то, говорят, пила Раиса крепенько. Вот курит Рая много, хрипит, сипит, но курит, и в доме всё прокурено. Мишка решил, что он никогда не будет курить: очень противно и так плохо пахнет, а ещё этот страшный кашель-хрип матери, пугающий мальчишку по ночам.

В третьем классе Мишка уже стал ощущать своё неравенство. Первую обиду нанесла Лиля, отличница, вся в кружевах и бантах. Она отказалась сидеть рядом с Мишкой, потому что от него «дурно пахнет». Вслед за ней отказались и другие ребята. Мишке было стыдно и очень обидно. Он плакал, не стесняясь, горько всхлипывая. Его посадили на последнюю парту с новеньким учеником Славой. Тому тоже было непросто в чужом, новом классе. И Слава молча согласился.

Следующая обида была на празднике Нового года. Раисе кто-то отдал старый костюм зайчика, комбинезон с хвостом и ушками. Мишке очень понравилось скакать в этом костюме под ёлочкой. А когда раздавали призы за костюмы, Мишке приз не дали. Слава, друг, подошел к учительнице и спросил:

— А Мише почему приза нет?

— Спроси Мишу. Постирать и отбелить костюм его мама, видно, не догадалась, — ответила учительница.

И праздник был испорчен.

Мишка уже не плакал, он просто глотал свою обиду. А Барей сказал:

— Плюнь, не расстраивайся, намотай на ус и сделай выводы.

Усов у Мишки нет, мотать не на что, но выводы он сделал.

Следующая обида не заставила себя ждать. Школа закупила для малообеспеченных детей одинаковые пальто, спортивные костюмы и ботинки. Мишка отказался надевать «униформу нищих»: в школе этих ребят было видно сразу. Марьям собрала обновки и унесла на базар, к вечеру у Мишки была новая куртка, спортивный костюм и кроссовки. Мать вызвали к директору. Директор кричала, что они неблагодарные, школа так о них заботится... Но дело сделано.

Мишка рос. Менялся характер. Рая все хирела, из школы её уволили, оказался у нее туберкулёз. Ей выделили однокомнатную квартиру в старом доме, оформили пенсию. Мишка пошёл на улицу. Мыл машины, собирал деньги, чтобы одеться к школе. Дружил с Бареем и Марьям — ближе и роднее людей рядом не было. Окончил школу, затем профтехучилище, поступил на завод. Мать совсем еле ходила. Мишка нанял Марьям ухаживать за матерью. На работе смышлёного и рукастого парня оценили. Дали направление в техникум. Потом поставили мастером. Выделили двухкомнатную квартиру улучшенной планировки. Мишка давно встал на ноги, обставил квартиру, своими руками сладил гараж и дачу, на участке в заводском саду. Теперь он возил туда мать и Барее с Марьям. Свежий воздух, рыбалка.

Как-то на завод пришли ребята из Мишкиной бывшей школы. Завком предложил Михаилу провести экскурсию школьникам. Михаил увидел свою первую учительницу, о которой и вспоминать не хотел.

— Ребята, смотрите — это наш бывший ученик Миша, он хорошо учился и вот достиг звания мастера. Я горжусь, что воспитала такого парня, — гордо сказала учительница.

Дети захлопали в ладошки.

А Михаил, бывший Мишка, вдруг почувствовал прилив бесшабашной радости. «Я сам себя воспитал, вопреки всему, вопреки вам», — подумал он. А детям улыбнулся и повёл в цех на экскурсию.

г. Троицк

Олег Иванов

Светкино счастье

Она старалась быть для него свечкой, маячком, но лишь издалека.

Школьная любовь — это вечная загадка; кто-то её перенёс как развлечение, кто-то — на всю жизнь, с болью в душе, а то и с раненым сердцем.

Промчатся годы, все разбегутся-разойдутся куда: свои семьи, свои заботы. И лишь когда через много лет встретятся любившие в родной школе на вечере выпускников, посмотрят в глаза друг другу, тяжело вздохнут, понимая: первая любовь — это на всю жизнь, но поздно чего-то менять...

...Она в восьмом, он в десятом, целых два года разделяет его от неё. Он красивый, умный, девчонки так и липнут к нему, к такому разве подойдёшь, да и девичья гордость — это же деревня, свои устои.

Учебный год пролетел, он покинул школу, она словно осталась одна на острове — никого нет, пустота.

— Что, внученька, ходишь словно туча, вот-вот слёзы пустишь? Или твоё сердечко стало биться для другого?

Светка посмотрела на бабушку (она всегда ей доверяла самое сокровенное) и расплакалась в её подол — рассказала про своё горе.

— Глупая моя внучка, не плачь. Если любишь, то борись за своё счастье, но не делай при этом другим зла. Всё взвесь, брось все предрассудки, подойди сама, не навязываясь, и поймешь тогда, нужна ли ты ему.

Июль. Травы в пору вошли; сенокос, не хватает рук в колхозе, старшеклассники пришли на помощь. Мальчишки на тракторах, девчонки с граблями ворошат свежее сено; оно душистое, девчонки смеются, мол, сами бы ели, да коровушкам будет мало.

И он тут, её Лёшка, лихо управляет трактором, ребята его слушают. Вот берёт фляжку, чтобы напиться воды, а она пуста. Светка словно чувствовала, что будет так, подошла к нему, протянула свою фляжку с домашним квасом.

Он посмотрел в её глаза и тихо прошептал:

— Я думал никогда не подойдёшь. Прости, я боялся спугнуть тебя, такую маленькую, как красивую птичку с ветки.

С этого дня они стали встречаться. Лето пролетело в один миг, журавлиный клин унёс лето на своих крыльях.

— Света, ты будешь ждать меня из армии?

— Но отчего не подождать, если есть в этом смысл.

Лёшка по натуре был парнем скромным, не то что его отец: остёр на язык, да и в доме хозяин. Бурцев Аким Егорович рассуждал так:

— До армии — никаких женитьб! Это что за жизнь: ты где-то два года мотаешься, а жинка с ребёнком тут горе мыкает. А не выдержит верности, тогда что?

— Вот отслужите, — наставлял он сыновей, — скатертью дорожка, как говорится.

В доме кроме Лёшки жили ещё три брата и младшая сестрёнка Ленка.

И не один из сыновей не слушался отца. И до армии ни один не курил, а про спиртное — вопрос вообще не поднимался.

Автобус увёз Лёшку, а Светка ещё долго стояла, глядя, как автобус скрылся за поворотом, оставляя за собой клубы пыли.

Она после восьмого поступила в техникум, благо, он находился в своём районе, недалеко от своей деревни.

Осень отшумела своей красотой, нехотя сдала свои позиции матушке зиме. Светка писала Лёшке часто. Тот получал её письма и отвечал, что служит где-то в Средней Азии, описывал природу, рассказывал про своих товарищей. Но она не чувствовала тепла, что ли, в этих письмах. Он писал ей как хорошему другу, но не любимой девушке. Но Светка поступила мудро: не стала капризничать и приняла всё, как есть.

Год пролетел, она по-прежнему ждала своего Лёшу. Но не фанатично: встречала с друзьями праздники, дни рождений. За год бывшая школьница превратилась в красивую, статную девушку. И конечно, со стороны парней сыпались предложения: предлагали погулять, кофе выпить. Но тут же вступались подружки, мол, что пристал, есть у неё парень, родине служит.

Да и сама Света понимала, что не сможет она никому составить пару, кроме Лёшки — только он. Хотя часто задавала себе вопрос, а любит ли он меня, может, это просто мираж.

Любит? Не любит?

Вечный вопрос.

Мучительно тяжело на душе, когда некуда обратиться за помощью.

Мы уверили сами себя, что страдание нас унижает, и готовы кинуться к любому средству, лишь бы утешиться.

И при этом не пробуем разобраться сами в себе.

А сама-то любишь? Нет? Да люблю, люблю!!!

Дежурный по штабу батальона зашёл во вторую роту:

— Дневальный, найди Бурцева и бегом его в штаб, замполит вызывает.

Через пятнадцать минут Лёшка стоял перед замполитом.

— Алексей, в добровольном порядке набираем взвод для прохождения дальнейшей службы в Афганистане. Ещё раз повторяю: доб-ро-воль-но! Последнее слово за тобой.

Погрузка, самолёт, вот и жаркий, пыльный Кабул.

Письма от Алексея стали приходиться реже, но в них она стала ощущать больше тепла, надежды.

«Светочка, моя радость, вот нашёл время, чтобы написать тебе письмо. Служба идёт своим чередом. Жаркое солнце, пекло, но я уже привык. Часто вспоминаю наши деревенские заливные луга, наше разноцветие, как мы с тобой гуляли по этим лугам... Светочка, осталось немного, восемь месяцев, и я приеду домой. Твои письма всё это время были для меня как родничок чистой, прозрачной воды. Ты прости, что были они сухие, быстрые, похожие на отчёты, Свет, я просто хотел, чтобы ты определилось до конца в своих чувствах.

Пока всё, целую нежно, твой Алексей».

Через два дня его отделение будет прикрывать автоколонну с горючим. В бою сразу ранят командира, и он, Алексей, возьмёт на себя командование... Четыре часа практически непрерывного боя. Наши вертолеты помогли: вовремя нанесли смертельный удар на головы врагов.

...Света зашла в магазин, купила необходимое, повернулась, чтобы пойти домой и столкнулась с отцом Алексея.

— Подожди меня на улице, дочка, — прошептал тот ей на ухо.

Она поняла, что ему известна переписка с Алексеем.

Её сердечко ёкнуло: всё ли, нормально? Целая вечность пролетела для неё, пока Аким Егорович вышел из магазина.

— Ну, что стоишь, пошли, проводишь немножко.

Они пошли вдаль по улице. На перекрёстке он остановился, посмотрел в её глаза.

— Лёшка там, в Афганистане дослуживает, никто не знает, кроме меня да тебя теперь. Он просил, чтобы мать не расстраивалась. Я давно смотрю на тебя со стороны. Правильная ты, буду рад, если у вас всё срастётся. Иди, дочка, с богом, скоро придёт он.

Светка посмотрела на него, замотала головой, тихо сказала:

— Я всё поняла, спасибо.

Развернулась и пошла по своей улице. В ушах звенело: «Он там, в Афганистане...», «скоро придёт...», «ты правильная...».

Любовь и надежда скрасили её ожидание.

...Подружка прибежала, с порога стала тараторить:

— Светка, твой Лёшка едет! Наши бабы на базар ездили, видели его на станции, он там друзей, ну, сослуживцев, провожал. Сказал, что автобусом поедет, так что встречай, через час будет.

Подружка развернулась, хлопнув дверью, побежала по улицы, как сорока, разнося новость.

Светка ещё какое-то время так и стояла, прижав руки к груди, перебирая кухонное полотенце, которым вытирала посуду. Но вдруг встрепенулась, накинула на себя куртку, и, пригладив волосы, бросилась на автобусную остановку.

Люди выходили один за одним, покидая салон автобуса, последней вышла бабка Ведёхина, таща за собой корзину с покупками, прошла мимо неё чуть не задев, проворчала: — Что стоишь, голуба, на дороге, отойди.

Светка отошла в сторону, посмотрела вдоль улицы, увидела, как проехало такси, правда пустое, сердце ёкнуло: он приехал, он.

Алексей стоял возле её дома, не решаясь открыть калитку. Он услышал быстрые шаги позади себя, развернулся, она стояла возле него: её волосы были растрепаны ветром, и он смотрел на неё, любовался!

Она взяла его за руку, завела в сени, прижалась к его груди головой, тихо прошептала:

— Вернулся, славу богу, теперь всё будет хорошо.

— Да, Света, я вернулся, всё будет хорошо.

— Лёша, иди скорей домой, там родители ждут, а я уже дождалась. — Она поцеловала его в губы. — Иди, Лёша, иди.

Дома, когда снял шинель, тогда поняла мать, где сын служил: на груди был орден Красной Звезды и боевые медали.

Прижала к себе сына, запричитала:

— Сынок, как же так, в мирное время. — Он перебил её, обнимая нежно.

— Мама, успокойся, я вернулся живой, здоровый, честно отдав свой воинский долг, прости, не хотел тебя расстраивать.

К дому Бурцевых стал подтягивается народ: друзья, одноклассники, просто любопытные. Весть, что вернулся герой, облетела деревню быстро.

...Через месяц сыграли свадьбу, веселую и шальную; народ три дня гулял, поздравляя молодых.

В июле родила Светка здорового сына, назвали его в честь деда Егором. За это время братья построили дом. Завёл Алексей хозяйку с сыном в дом, но сначала запустил кота, как положено.

Светка была счастлива.

Вот и сейчас, провожая мужа на работу, глядя через окно ему вслед, вспомнила слова свёкра, которые он сказал на свадьбе:

— Деревья тянутся вверх, а человек идёт по земле будничным торопливым шагом, не спеша, желая запомнить малую черточку этого дня.

«А помнишь?» — спросят влюблённые друг друга спустя много лет, и испытают оба то счастье, с которым ступали словно не по земле, а по легким ступенькам ввысь, туда, где сливаются с облаками древесные кроны.

— Да, он прав, мы будем стараться ступать так, чтобы не потерять своё счастье.

с. Чесма

Александр Кукушкин

Два Сашки*

роман

Книга первая. Прозрение

Часть первая. Солнце встаёт

Одиннадцатая глава. Бессонная ночь

— Саша, ты будешь кушать?

— Нет, меня мама пельменями накормила. Давай я тебе анекдот на эту тему расскажу. Приходит муж домой с работы, а жена говорит: «Представляешь, закрутилась, первое сготовила, а на второе, хоть сама ложись, не успела». Мужик отвечает ей: «Отставить первое. Два вторых».

Гая засмеялась, он поднял её на руки, положил на диван-кровать.

— Ну, подожди, — смеялась девушка. — Дай раздеться.

Но он, всё целовал и целовал её, жадно, срывая исподнее...

...и, когда... принц вошёл в тёплые врата ада, ему стало так тепло... хорошо... и... уютно... и лучезарные лучи осветили весь небосвод... словно... и в этих... невидимых лучах...

* Публикуется в авторской редакции. Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2019.

этом влажном тепле... начали распускаться... не видимые до селе... но осязаемые цветы... и обуреваемое жаждой терпения желаемое... и ...томное блаженство... и всё это... и огненный порыв... всё... лишило его... последних сил... и... он... в изнеможении... пал ниц... казалось... в осязаемые... ароматы... цветов...

...и после... этого... блаженства... он целовал и целовал... бутоны этих невидимых цветов на её груди... губах... шее...

— Ты же говорила, что через три дня...

— Но, прошло значительно больше...

— Ты обещала рассказать кое-что и откуда у Илюши это пятно...

Она села к нему в ноги, подложила подушку под спину, как в их первую ночь, накрылась до подбородка одеялом.

Лицо её сразу изменилось: былая сладость слетела с её губ, лицо сделалось суровым.

— Пят-но-о-о?... Да-а-а... пят-но-о-о... А ты... не боишься? — как-то странно, не глядя на Сашку, проговорила женщина. — Тогда слушай. Мне всё равно уже...

...Когда отец узнал, что я беременна... аборт, тогда ещё были запрещены по закону после войны, да и на работу сразу сообщали, он меня сильно избил и выгнал из дома. Обозвал всяко — всяко... Я долго искала жильё, мыкалась по подругам, искала какую — то знахарку, чтобы сделать аборт... Наконец- то, нашла, но срок был уже большой. Едва-едва уговорила... Бабка запросила очень большие деньги, сказала: «А вдруг сдохнешь, что я делать буду с тобой? Мне тюрьма! Расстрел!» Я ответила: «Зароешь на помойке где-нибудь...» Мне тогда, до того всё было противно... руки готова была на себя наложить. Я занимала у всех, у кого только можно было... но... деньги собрала... тысячу рублей... и... она взялась... Вводила в матку самогон с мылом... было очень больно... я орала ... Так повторялось несколько раз... но... не помогло... родился... И-лю-ша... Это имя я дала в честь деда по матери... он погиб на войне...

Галя рассказывала, лицо её преобразилось. Стало суровым, злым. Сашка не видел её глаз в темноте, но чувствовал, как её терзают воспоминания о минувшей трагедии. Она говорила медленно и голос, из бархатистого, ласкового, стал желчным, упругим, злым... словно она повествовала это всё не о самой себе, а рассказывала, наизусть заученную драму, очередной пьесы со сцены. Она говорила медленно, чётко расставляя слова, постоянно прерываясь:

— А потом... постоянные переезды из одной временки в другую... разные кавалеры... Вы же, мужики, падкие на сладкое... словно мухи... на говно... И всё одно и то же... Днём работала в ателье, вечером играла в ансамбле, в ресторане... В одиннадцать часов ресторан закрывается После чего — долгие посиделки... Эта каждодневная попойка... Я искала способы, как рассчитаться с людьми. с долгами, брала заказы. но постоянно, что-то мешало, сдерживало... как-то явно тормозило ...и как бы я ни старалась... всё получалось иначе... И всё больше и больше влезала в долги, снова занимала, отдавала... и казалась, что всё это замкнутый круг, из которого никогда не вырваться Работала ночами, как каторжная, но... всё понапрасну Приходила поздно из ресторана и садилась за машинку шить... И когда вновь забеременела, то решила: буду рожать... на зло всем... будь, что будет... хоть один ребёнок со мной будет. К врачам не ходила... Перед самыми родами выяснила вдруг, что серьёзно больна венерической болезнью. Потом пришли клиенты и забрали машинку за долги. Стала продавать материалы клиентов, что бы хоть покушать что купить... Рожала дома, в холодной временке...

Зи-ма-а... дров не-е-т... да и очередной кавалер, от которого забеременела, узнав, что я беременна, ушёл от меня... Родила девочку ... У неё не было носа, тельце... было всё... в каких-то волдырях... не знала, что делать. Сходила с ума в буквальном смысле... волосы на голове рвала... об стенку билась головой... об пол... Все сразу от меня отвернулись, даже самые близкие подруги... Лишь, все требовали вернуть долги... Пошла домой, да нет ...в сарайку... хотела повеситься... на зло всем, но в темноте... не нашла верёвки... или чего подобного... Наощупь, в полной темноте, нашла свой старый школьный портфель, с которым ходила в школу... Девчонка сильно кричала... Что б не кричала, засунула ей тряпку в рот, положила в портфель... Положила в портфель и утюг, которым гладила... он очень тяжёлый... чугунный... что б утонул сразу... И пошла к мосту... Так с моста... и бросила... в воду...

Голос её срывался до, грубого, скрипящего и та суровость, с которой Галя всё это рассказывала, приниживала до костей. Сашка лежал, слушал не прерывая. По спине ползали холодные мурашки, волосы, казалось, стояли дыбом...

— А, потом... пошла в больницу... долго лежала, ...лечилась. Потом... в психичке... выписалась. На работу сообщили... Тут же уволили... по тридцать третьей... Потом повторное

лечение... За квартиру платить было нечем... Потом, ещё и ещё лечение... И вот тут ты меня и нашёл...

Она как то сникла, горько усмехнулась, голова опустилась на грудь...

— Так, это же бортарий, — наконец-то произнёс Сашка...

— Да, нет, милоч, это другое заведение... и гинекология по совместительству... Там, внутри, дверь с решёткой, она-то и разделяет с основным отделением — гинекологией... Просто всё в одном здании... в захолустье... подальше от людских глаз Официально никаких бортариев нет и не существует. Просто гинекологическое отделение... Бортарий — это по-народному.

— А как же те замужние женщины, что с тобой лежали в одной палате?

— А ты что, думаешь, замужние все здоровы?

— М-да-а... — протянул парень, — Ну, а сейчас-то, всё нормально?

— Я поэтому тебе и говорила, что...три дня. Должен был прийти контрольный анализ. Всё нормально.

...И все четыре дня, пока Сашка работал в смену с утра, он днём на работе, а с вечера до утра Галя всё рассказывала и рассказывала, всё подробней и подробней о себе и о своей жизни: об отце, о матери... Он слушал, не прерывая, а утром, совершенно разбитым, от всего пережитого за прошедшую ночь, от бессонной ночи, шёл на работу. Ему казалось, что всё, о чём так подробно рассказывает эта совершенно не похожая на себя женщина, происходит в реальности с ним самим. Он постоянно терялся в мыслях; сколько противоречий... её красота, её доброта, её виртуозное мастерство... и... всё это... и почему-то... постоянное нежелание половой близости, хотя и не отказывала. От чего всё это?

Не от того ли, что отец её с раннего детства начал таскать за собой по ресторанам? Ну, что ж? Заслуженный сталевар страны, всю войну прошёл: граница — Сталинград — Курская дуга — Берлин — голод-холод — слава — медные трубы... вся жизнь — по лезвию ножа. Его, конечно, понять можно: в войну потерял всю семью, всех родных, сам столько пережил... Не хотел, чтобы дети всё это испытали...

...После последней смены, идя на выходной, Сашка пришёл домой.

— Слушай, Галка, я завтра выходной. Идём в загс, подаём заявление. А сейчас не тревожь меня.

Она как-то виновато улыбнулась ему:

— А кушать? Будешь?

— Не буду, — он тут же лёг, укрывшись с головой одеялом и мгновенно заснул.

с. Долгодеревенское

Валерий Мякушко

Дом на Советской (повесть)

Часть 1

Глава четвёртая

Раздался телефонный звонок, Сергей Степанович взял трубку.

— Алло, вам кого? Эллину Викторовну? Минутку... Эля, тебя!

Эллина вошла в комнату, ставшую рабочим кабинетом мужа, взяла трубку:

— Даша? Дарьюшка! Заходи, конечно, и как можно быстрее. Советская, 15а, квартира 8. Ты где сейчас? Ну, это совсем недалеко. Жду, очень жду!

— Кто это? — спросил Сергей.

— Моя бывшая соученица Дарья Рокова. Сейчас придёт! Пойду приготовлю что-нибудь. — И направилась в кухню.

Довольно быстро раздался звонок в дверь и Эллина, успевшая сменить халат на платье, заспешила открывать дверь. Сергей услышал возбуждённые женские голоса и тоже вышел навстречу гостье.

— Здравствуйте! — поправляя кофту и причёску, в комнату вошла невысокая плотная женщина, сразу видно, деревенская — по не знающему косметики обветренному лицу,

простой серенькой одежде, хотя и самой лучшей, выходной, по случаю приезда в областной центр.

— Здравствуйте! Проходите!

— Спасибо! — оглядывая просторную комнату, обставленную мебельным гарнитуром тёмного цвета. — Зима какая переменчивая в этом году! Вчера было минус шесть, а сегодня закрутило.

— Морозы повсюду! В Индии люди гибнут от холода, снег в Алжире выпал даже.

— Познакомьтесь! — предложила вошедшая за ней Эллина. — Сергей...

— А мы ведь уже знакомы, — сказал Сергей. — Помнится, лет пять назад мы с вами встречались в областном комитете.

— Точно! — вспомнила и Эллина. — Тогда мы были там вместе. Проходи, садись. Сейчас я стол накрою.

— Да не беспокойся! Я скоро... Вот вам сметанки свежей привезла. — Гостья достала из сумки трёхлитровую банку и передала её хозяйке.

— Спасибо, Дарьюшка, не стоило тебе надрываться: у нас всё есть.

— Есть, да не то.

— Присаживайся, — кивнула хозяйка на диван и унесла банку в кухню. Оттуда вышла с подносом, заставленным тарелками, вазой с салатом, горшком разогретого мяса.

— Ой, что ты! — застеснялась гостья. — Я же ненадолго.

— Нет уж! Раз через столько лет зашла, то скоро не отпущу. Садись к столу.

— Спасибо! Так и ты могла бы навещать в родные края почаще.

— К кому? Родители давно переехали, дом наш бывший продан. Больно видеть в нём других!

— Извините, но я вас оставлю, — кивнул в сторону кабинета Сергей. — Дел много.

— Да-да, конечно!

— Рассказывай, как поживаешь? — Эллина присела тоже за стол, выкладывая с подноса снедь поближе к гостье.

— Да как тебе сказать! Как всегда. Ничего интересного. Это ты у нас хорошо училась и продвинулась, а я в школе еле тянула и вот хвосты коровам кручу.

— Не прибедряйся! Это я простой учитель, хоть и числюсь завучем, а ты — орденосная доярка. У меня даже где-то газетная вырезка сохранилась, как тебе орден вручали.

— Орден где-то лежит, а вот по-прежнему вставать приходится в четыре утра, чтоб к пяти уже быть на ферме. Там толчешься почти целый день, потому как то одно не так, то другое... А вечером туда же. А ещё дома корова, две свиньи, куры, гуси... Вертишься с раннего утра до позднего вечера, не зная выходных и праздников. Молодёжь на такую тяжёлую работу не заманишь, так что приходится самой, хотя чем дальше, тем тяжелее.

— А механизация? Колхоз ведь зажиточный, может себе позволить. Лучшее хозяйство в области, а то и выше.

— Есть, конечно, механизация! Но и с ней хлопот немало.

— А как твои дети? У тебя же их трое.

— Все уже закончили школу. И разъехались. Дочери замужем, сын, самый младший, в армии служит. На Камчатке.

— А муж?

— Фёдор? Да я уже о нём и забывать стала. Как ушёл, потому что пить не давала, подался куда-то в район, потом на Севера... Там где-то и затерялся. А у тебя как?

— Да вот как видишь!

— Сын твой, Артём, помнится?

— Да, Артём. Закончил институт, остался в аспирантуре.

— Не женился?

— Нет ещё.

* * *

Дни заметно становились длиннее, по утрам, собираясь на работу, уже можно было и не включать свет. Днём с чистого неба подогревало поднимавшееся ещё невысоко солнце, пытаясь добраться и растопить слежавшиеся почерневшие кучки снега, притаившиеся на цветочных палисадничках в тени дома. По ночам подмораживало, иногда основательно, однако все уже убрали поднадоевшие зимние одежды, в предвидении скорого настоящего весеннего тепла без всяких поддевок облачаясь в лёгкие разноцветные куртки, какие висели в прихожей квартиры Бромина; две дочерние — жёлтенькая, из которой она выросла, но иногда ещё надевала, зелёнькая — на вырост.

Бромин надел тапки, прошёл в ванную помыть руки. Настроение после напряженного дня было отвратительным. Так и не удалось подвести расчёты роста производительности труда к планируемому уровню, внести корректировку общего квартального плана завода. Самое неприятное во всём этом — какая-то надуманность показателей, по которой, например, машиностроительному заводу план могли снести или нет из-за недопоставки комплектующих, а тем — недопоставки материалов, тем же, в свою очередь, — недопоставкой сырья, и так далее по цепочке разным ведомствам, тысячам предприятий, с принятием правых или неправых волевых решений ввиду практически невозможной координации из единого центра. Дурдом такая плановая система...

— Андрей, кран подтекает, — подавая в кухне ужин, сказала Надежда. — Посмотри, может что-то можно сделать?

— Новый и протекает?

Бромин взглянул на капающий кран, встал и покрутил туда-сюда ручку: действительно, после закрывания вода продолжает капать, и довольно интенсивно.

— Ты звонила в ЖЭК?

— Я должна звонить? — осторожно заметила жена. — Краном, по-моему, мужчина должен заниматься.

— Но не буду же я его ремонтировать! — Он сел за стол и стал есть, склонив низко голову, чтоб пока прекратить этот разговор.

— Так позвони в ЖЭК! — после некоторой паузы вернулась к теме Надежда.

— Когда звонить? Вечер уже, там никого нет.

— Завтра с работы позвони.

— Ты знаешь, какая у меня на работе запарка? Не успеваешь по одному телефону переговорить, как другой уже звонит. И так с утра до вечера, никакого продыху.

— Извини, но я краном заниматься не буду. У меня и без того забот по дому хватает.

— Ладно, не кипятись! — уступил жене Бромин. — Завтра вызову.

Он действительно дозвонился на следующий день в жилищно-коммунальную контору, но там ему ответили, что со слесарями у них проблема: остался один, которого едва хватает на аварийные ситуации. Никто к ним работать не идёт: маленькая зарплата. Так что извините, заказ примем, но лучше решайте проблему сами.

Возмущаться бесполезно, Бромин хорошо представлял сложившуюся в стране обстановку. Сплошь и рядом висят объявления с приглашением на работу, дефицит рабочей силы. Завоевание социализма — нет безработицы! А если разобраться, то безработица скрытная, во многих учреждениях сидят люди, которым там делать, в сущности, нечего, или они сами не хотят ничего делать. И от таких бездельников не избавишься: проще найти ещё одного работника. Не надо далеко ходить, у них на заводе то же самое, и ничего не поделаешь, такая система защиты интересов трудящихся.

От такого конкретного явления мысли Бромин обратились к привычным обобщениям, основанием для которых был проходивший XXVII съезд КПСС, названный историческим, как было, впрочем, и со всеми предшествующими. Принята программа «планового и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны». Условия реализации — перестройка хозяйственных отношений, демократизация и гласность, открытость миру. Пока только лозунги! На фоне общепринятых весьма сдержанных оценок выделяется выступление нового секретаря Московского горкома партии Ельцина против вмешательства партийных органов в деятельность хозяйственных структур и имеющих распространение у них льгот и привилегий. На вопрос журналистов, почему раньше об этом молчал, ответил: не хватало мужества и политической зрелости. Несмотря на откровенность, от выяснения, почему сам пользовался всем этими благами, газетчики вежливо воздержались.

— Как с краном? — спросила на другой день жена.

— Пока ничего! — отмахнулся тот.

Видя беспомощность мужа, Надежда сама взялась за дело. Ситуация частая, через которую проходили многие из сотрудников. Они дали телефон некоего «дяди Васи» из того же ЖЭКа, и тот за наличные быстро заменил прокладку и устранил течь.

«Работающая параллельно государственной теневая структура, — отметил этот факт Бромин. — И так во многих отраслях».

* * *

— У нас сегодня будет гость, — предупредил жену Гудков.

— Кто ещё? — спросила Вера, всё ещё не привыкшая к визиту множества гостей. И сообщение мужа поняла как намёк о том, что надо кое-что приготовить на стол.

— Виктор Храмов, мой одноклассник. Старший лейтенант-десантник. Афганец! — И добавил: — Проездом, после ранения.

Вскоре раздался звонок, и в открытую хозяином дверь вступил сильно прихрамывающий коренастый молодой черноволосый человек среднего роста, в гражданской одежде, с большой дорожной сумкой.

— Вот ты, оказывается, где обосновался! — они обнялись. — Номера домов в каком-то странном порядке.

— Новый дом вписался в старый ряд. Раздевайся! — помог гостю снять куртку Николай и кивнул на ногу: — Где это тебя... так?

— Память о Паншерском ущелье.

— Проходи! — проводил гостя в комнату Николай.

— Здравствуйте! — выглянула из кухни Вера.

— Знакомьтесь! Это моя жена, Вера.

— Очень приятно! Виктор.

— Коля, освободи стол.

— Не беспокойтесь, что вы! У меня поезд через полтора часа.

— Успеем! — сказал Николай, освобождая стол от нескольких книжек и развёрнутых газет. — На вокзал на такси быстро примчим. — Билет есть?

— Имеется!

Они уселись, гость осторожно придерживая повреждённую ногу рукой, вытянул её мимо ножки стола.

— Как это тебя? — кивнул на ногу Николай. — Расскажи поподробнее.

— Дорога в ущелье, одна-единственная! Узкая местами до того, что БМП стен почти с обеих сторон касается. Заминирована, духи сверху на вершинах и в пещерах в засадах сидят — не выковыряешь их оттуда ни артиллерией, ни бомбардировкой. Казалось, западня, не пройти такое. Но прошли! Научились воевать и в таких условиях. Не сразу, правда.

— Здорово повредили ногу?

— Не очень! Кость цела. И руку слегка задело, — пошевелил он рукой. — Я даже сразу не заметил ранения в пылу перестрелки. Заболело, но подумал, что острый камень задел. Когда духи ушли, товарищ показывает мне: вся штанина в крови.

— А, правда, что в... Афганистане... наши вертолёты американскими «Стингерами» сбивают? — услышав их разговор об Афгане, вошёл в комнату сын Андрей, невысокий плотенький парнишка, с восхищением глядя на гостя.

— Поздоровайся сначала! — сделал ему замечание Николай.

— Здравствуйте!

— Здравствуй! Правда! И весьма неожиданно, многих наших сбили. Но быстро приспособились — тепловые ловушки стали отстреливать.

— Веруня, скоро ты там? — громко спросил Николай.

— Да сейчас! — донеслось из кухни.

— А ты иди уроки делай, — сказал Николай сыну, но тот не отставал от гостя:

— А правда, что наш автомат АК-74 самый лучший в мире?

— Правда! Ни разу никого не подвёл.

— Иди давай, не мешай нам! — выставил всё же сына отец, доставая из встроеного в шкаф бара бутылку водки.

— Вы десантник? — не уходил тот.

— Десантура! — вместо гостя с гордостью за друга ответил Николай; сам он служил срочную в строительных частях и похвастаться нечем: сооружали сверхсекретные объекты с подпиской о неразглашении. — Ну, иди, уроки делай.

Как раз жена принесла закуску.

— Спасибо! — поблагодарил Виктор. — Садитесь с нами.

— Что вы! Мне обед готовить надо. — И удалилась, хотя совсем бы не против посидеть в компании приятного мужчины, для чего одного короткого приглашения гостя было недостаточно, а муж почему-то промолчал.

Мужчины остались в комнате одни. Выпили за встречу, разговорились.

— Смотрю, жизнь у вас перестраивается, — сказал Виктор. — В Москве Ельцин порядок наводит.

— Да! Он открыто говорит о предательстве интересов трудящихся, махровом равнодушии и бесхозяйственности. Что нынешние секретари отдают предпочтение не служебным обязанностям, а личным делам, проявляют завидную инициативу в приобретении дач, организации своих зарубежных вояжей... И то, что эти факты признаются не только журналистами и публикуются сейчас во всех газетах, а руководителями такого высокого уровня, обнадёживает! Вместе с генсеком Горбачёвым, молодые относительно предшествующих старцев, энергичные и инициативные, они образуют хороший тандем.

Но самая больная тема — Афганистан.

— Для многих непонятно, зачем вообще мы влезли туда, — заметил гость. — Хотя американцы умело свергли дружественный нам и неугодный им режим в пользу своего ставленника и могут оказаться со своими ядерными ракетами в нашем подбрюшье. Но... после блестящего штурма дворца Амина — затяжная война вот уже сколько лет «ограниченным контингентом» войск, как всегда говорят.

— Это говорят под напором международной буржуазной пропаганды и разного рода санкций.

— Получается, как некогда с Финляндией безуспешно воевали ограниченными силами Ленинградского округа, а разрешили быстро конфликт когда приложились всей мощью. Так и здесь — либо решать сразу, либо уйти, раз не получается, раз просчитались в чём-то, а не затягивать.

— Сложный вопрос...

— Что же касается наших военных, то это, скажу без преувеличения, как живой свидетель, герои, выполняющие свой долг в любых условиях, как в Великую Отечественную... Потери? Были большие поначалу: условия необычные, но быстро научились. Иные крупные операции проходили вообще без наших потерь. Такая была установка, хотя промахи случались.

— Когда, думаешь, победа в этой войне будет? — спросил Николай.

— А никогда! Столько лет воюем, а конца не видно. Мы там как инородное тело. В столице у них есть некоторая прослойка интеллигенции, которая принимает нас, торговцы ищут выгоду... А остальные, можно сказать, все против. Ведут, можно сказать, партизанскую войну. Убиваем мы их, а они нас, за что им платят. Любой пацан может выстрелить тебе в спину. Так что зря мы туда встряли, и надолго.

— Не мы, так американцы бы там были. Досадно им, что сами не успели влезть, опередили их.

— Досталось бы и американцам как следует.

— И куда ты теперь? В отставку?

— Нет, конечно! Подлечусь, и снова туда.

— Обязан вернуться?

— Нет, по собственному желанию. Там же остались мои друзья-однополчане.

— А правда, что боевая машина пехоты защищает солдат от... — вновь появился в комнате Андрей. — От...

— БМП? Защищает, но не всегда.

— Опять ты здесь? — прикрикнул на сына Николай, в воспитательных целях избегавший того, чтоб сын присутствовал при застольях взрослых.

— Интересуется военным делом? — спросил Виктор, когда Андрей нехотя удалился.

— Известно, пацан ведь!

— Спортсмен?

— Разрядник! Дзюдоист.

— Это здорово!

* * *

Вскоре в квартире Комарковой появился новый человек: худющий, как и его предшественник, низкорослый и подвижный мужичок с повадками, претендующими на джентльмена; выражался витиевато, брал стакан и закуску двумя пальцами, жеманно оттопыривая другие. Вёл себя тихо, в постель к хозяйке не лез. В общем, жил как квартирант, располагаясь в большой комнате на железной кровати у входа, на матраце без простыни, под купленным за рубль при распродаже войскового имущества рыжим солдатским одеялом.

Он передал привет от Горелого, выставил две бутылки крепённого красного вина с завёрнутой в газету закуской и был принят. Даже не представившись, но по наколке на правой руке — Костя.

Они только успели разделаться с одной бутылкой, как тихо вошёл сын Зинаиды, Антон: дверь в квартиру была не запёрта.

— Мама! — не поздоровавшись, сказал он, не глядя на растрёпанную мамашу и гостя. — Бабушка просила денег.

— Опять? Ещё чего? Пенсию в сто двадцать получает, а денег ей давай. Нету у меня денег — так и скажи ей.

— Она просила! — И, глядя на стол с бутылкой вина, раскрытой консервной банкой и огурцами, сглотнул слюну, утёр рукой нос и добавил: — С нашим пропитанием туговато, говорит.

— Скажи — нет у меня денег! — И добавила как бы в оправдание: — До зарплаты.

— Хочешь заработать деньги? — вмешался Костя, он же Хныч; как однажды прилипла к нему эта кликуха, так и сопровождала его по жизни, как тень.

— Ну? — выжидательно посмотрел подросток на того.

— Дело есть! Пойдёшь со мной на вокзал, — жестом пригласил паренька к столу, подал ему кусок хлеба и сыра. — Поможешь мне малость?

— А что делать? — двумя руками удерживая бутерброд и разглядывая голодными глазами другую еду на столе, спросил тот.

— Побывать со мной.

— И всё?

— Всё! И сделать это надо будет сегодня ночью.

— Что это ты задумал такое? — заплетающимся языком спросила Комаркова.

— А ничего особенного! Сначала он подсядет к спящему пассажиру, потом я примкну. К таким, как отец и сын, никаких подозрений даже у ментов.

— На шухере? — догадался Антон.

— Но-но! — мотнула головой Комаркова. — Хошь, чтоб его посадили?

— Что ты такое гундишь? — наливая хозяйке вина в гранёный замызганный стакан, укорил тот. — Я что, бажбан? Вертануть что — моё дело, а твой — веник при этом. А если что выйдет не так — он всегда в отмазке.

Ничего не поняла Комаркова, махнула рукой.

Глава пятая

— Как мы праздники проведём? — за ужином спросила Эллина Викторовна мужа.

— Как всегда! Я начну в первомайской заводской колонне...

— Я тоже, со школой. А потом?

— Потом? Гм! Отдыхать будем от трудовых будней.

— Знаю, как ты отдыхаешь. Что, второго уже на работу?

— Придётся! Завод, Эля, работает все эти дни. Технологический процесс не остановишь! А что?

— Давай, Серёжа, хоть на концерт сходим. Или в театр.

— Концерт — скучно, а в театр можно. В Драматический?

— Давай! Если завтра билеты достану.

Помолчали, сосредоточившись на пережёвывании мяса с куриных ножек.

— Горчицу бери!

— Да!

— Что за авария на Чернобыльской атомной электростанции произошла? — сменила тему Эллина. — Позавчера. Говорят, какой-то взрыв произошёл.

Оказалось, что на одном блоке АЭС действительно произошёл мощный взрыв, разрушивший корпус машинного зала, с выбросом радиоактивности на большой территории, пятидесятитысячное население города атомщиков срочно эвакуируется. Для ликвидации последствий аварии привлечены химические войска.

— Не атомный взрыв? — с тревогой спросила Элина мужа.

— Скорее всего — тепловой. Для ядерного взрыва требуется ряд довольно сложно реализуемых условий. Вроде бы проводили какой-то эксперимент по оптимизации режима работы системы, да что-то пошло не так. Исследования такого рода проводятся по утверждённому, то есть тщательно проверенным ещё при составлении программ. Директором АЭС был назначен электрик, а не атомщик, то есть человек недостаточно компетентный для выполнения такой функции. Есть мнение у кое-кого, что номенклатурный управленец может управлять чем угодно, и вот к чему это может привести.

И хотя была провозглашена гласность, люди по-прежнему не доверяли власти, полагая, что от них скрывают: произошло на самом деле что-то очень страшное.

— Да не скрывают! — возражал таким сомневающимся Сергей Степанович. — Просто находятся в неведении, что предпринять, и растерянности.

— Может, не надо атомных станций? — выразила распространившееся повсеместно сомнение Эллина. — Радиация же...

— Прогресс не остановить! — отвечал супруг. — Такие давние изобретения, как колесо, огонь, электричество, а до сих пор продолжают гибнуть люди. На заре освоения пара сколько взрывов котлов происходило, пока не овладели всеми тонкостями процесса? Атомные станции — самый экологически чистый способ производства электроэнергии, потребность в которой всё нарастает. Тепловые станции, особенно угольные, — ещё как! — отравляют атмосферу и окрестности выбросами пепла и углекислого газа.

— А гидростанции? Ветряные?

— Гидроэлектростанции, Эля, своими водохранилищами выводят из оборота огромные территории, тоже нанося ущерб природе. Ветряные не обеспечивают требуемые энергетические мощности. И тоже не безвредные для экологии, что не столь заметно для одной установки, но множится при массовом применении.

— Так мы что, выходит, заложники прогресса?

— Почему же? Просто надо делать всё как следует. Обнинская АЭС, самая первая, тридцать лет проработала без крупных происшествий. Ответственность была гораздо выше, чем сейчас. А в Чернобыле явно сказалось головоугодничество, которого в стране становится всё больше на всех уровнях. Вот с чем надо бороться! А то уже поезда ходить стали с запозданиями, чего не было и в самые трудные годы; сверять часы по ним можно было.

* * *

Придя домой, как всегда, часам к восьми вечера, поужинав, Бромин полулежа поудобнее устроился на диване. Ковыряя в зубах заостренной спичкой, просматривал газету.

«...Производится 4 пары обуви в год, 50 метров ткани на душу населения — но почти всё это не пользуются спросом, 50 % — импорт из соцстран, и все гоняются за ним. В очередях в среднем человек проводит 2,2 часа в день, в транспорте — 1,4 часа...»

— М-да!

Убрав посуду, вошла жена.

— Я была сегодня на родительском собрании в школе. Выслушала много неприятного о нашей Юле! — Она под села на диван. — Учиться стала хуже, поведение тоже испортилось.

— Да? — отложив газету и подбирая ноги, чтоб не мешать, спросил неопределённо муж.

— Да! Ты бы хоть один раз сам сходил в школу и почувствовал, каково выслушивать там замечания твоему ребёнку. На фоне похвал другим, успевающим, детям. — Надежда присела поудобнее. — Надо что-то делать!

— Что делать?

— Что? Воспитывать!

— А мы разве не воспитываем?

— Ты воспитываешь?

— Я? Гм! Уроки иногда с ней делаю.

— И только?

— Она же девочка, больше ею должна заниматься мать.

— Это почему же?

— Ну... лучше понимание психологии. Был бы сын...

— Было бы то же самое! Кроме работы, ничего больше не хочешь знать.

— Вот что... Не начинай!

Они помолчали.

— Вот где она сейчас? — прервала молчание Надежда. — Десятый час, и неизвестно, сделала ли она уроки даже. Придя домой с работы, я её не застала дома, чтоб спросить.

— М-да! — в задумчивости почесал подбородок Бромин. — Придёт — будем разбираться.

И снова взялся за газету.

«Производство ради производства, рост производства не сказывается на благосостоянии... без расчёта на потребителя». Нет компьютерной и копировальной техники. Видеомагнитофонов нет! Которые появились на западе двадцать лет назад. Экономика рассчитана на производство дефицита. Посудомойки, кофеварки, микроволновки на Западе распространены с 70-х годов! Отсутствует рынок жилья...»

«Советская экономика не экономика в прямом смысле слова!» — подумалось.

Поднялся, включил телевизор, переключал каналы. Одно и то же производственные достижения, международное положение, кинофильм о правильных милиционерах

и пойманных грабителях, концерт классической музыки, футбол... Оставил футбол, хотя не очень им интересовался, снова прилёт, переключил на новости.

Сообщили о Пленуме ЦК КПСС, посвящённому подготовке к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тот же Ельцин выразил сомнение в необходимости революции или что-то в этом роде — из короткого сообщения не поймёшь. За что подвергся критике и, похоже, что струсив, сослался на болезнь.

«Интересно, что он сказал? — задумался Бромин. — Может, и в самом деле так оно есть? Судя по тупиковой экономике и сплошному дефициту товаров, чего нет в странах капитализма?»

«Может, Ельцин в чём-то прав? Может, он и в самом деле какую-то правду сказал, которую скрывают? Принято не говорить народу, в чём у них там возникли разногласия, о существовании которых приходится объявлять. Такое впечатление создаётся, что сами не уверены в своей правоте. Помнится, ещё когда в институте изучали историю КПСС, никак не мог понять, что такое троцкизм, хотя о борьбе с ним немало страниц. Не понимают, что ли, наши партийные идеологи, что подобное сокрытие порождает как раз противоположное — интерес...»

Вскоре появилась дочь.

— Ты где это пропадаешь? — спросил строго отец.

— У подруги Оли была.

— Почему так долго?

— Не заметили, как время быстро прошло.

— А мы волнуемся! Чтоб больше такого не было! — прикрикнул.

* * *

Погода осенняя промозглая... Прохладно, сыро и полумрак в квартире, днём почти как вечером от низко нависающих туч. Но, как пелось в песне из кинофильма «Служебный роман», «у природы нет плохой погоды». Собираясь куда-то, надо не только смотреть на прикреплённый на окне снаружи термометр, но и слушать прогноз погоды: на долгий срок он у метеорологов не получается, но на день-два угадывают довольно точно.

После короткого предупредительного звонка в квартиру Гудкова пожаловал чем-то взволнованный и растрепанный Степан Гранов.

— Проходи! Что-то случилось? — придвинул ему стул Николай. — Садись!

— Да как тебе сказать... Посоветоваться надо. — И вытащил из пакета бутылку водки.

— Только давай без этого! — движением руки остановил его Николай. — Сам понимаешь, сухой закон ведь действует.

— Сухой закон... — задумался тот — что делать с бутылкой, повертел и оставил её в руке. — Липа всё это! Люди как пили, так и будут пить. Да и закон... полусухой — продают, но мало, только по талонам. А процветать будут таксисты, у которых в любое время суток в багажнике всегда найдётся с наценкой бутылка, да не одна, и прочие ловкачи.

— У них, что ли, брал? — кивнул на бутылку Николай, садясь напротив.

— У них!

— И денег не жалко?

— Да я же пью редко. Эпизодически, можно сказать. А малые дозы даже отравы, как сказал Парацельс, полезны.

— Полезны или нет — вопрос, а вот в масштабах страны — катастрофа. Сколько аварий, преступлений и прочих бед причиняет это зелье! Так что ради общего блага можно и не пить, даже если бы в каких-то случаях было сколь-нибудь полезно.

— А вот я выпью! — появилась Вера с тарелочкой нарезанных солёных огурцов и двумя рюмками. — Николаю пить нельзя, он партийный, а мы выпьем. Стёпа, наливай!

Николай от таких слов поморщился, Степан заколебался. Посмотрел на Николая — тот отвернулся. Открыл бутылку и нерешительно налил Вере и себе.

Выпили. Вера по-мужски сунула в рот огурчик и пошла в прихожую, стала одеваться:

— Я к Хановой на пять минут загляну! Вот-вот Андрейка с тренировки придёт, так я ему на кухне всё приготовила.

— Если вот-вот, то могла бы и подождать.

— Ничего, пусть привыкает к самостоятельности. — И вышла.

— Пусть! — Николай переключился на гостя: — Так ты с чем пришёл? — спросил.

— Посоветоваться! — Степан, помявшись, продолжил: — Думаю податься в Хабаровск, на судостроительный завод. Там у меня кореш живёт и работает, с которым в армии служили. Рабочие руки, говорит, нужны, зарплата в полтора раза больше нашей.

— А чем у нас плохо? Повышай квалификацию, зарабатывай больше.

— С нашей бюрократией? Вот недавно отработали в выходной день, смотрю в жировку, а там не все отработанные часы учтены. Пошёл разбираться... Сидят бабы, красятся и кудри друг другу накручивают, чай да кофеи целыми днями распивают. За один день часы наши подсчитают — вот и вся их работа за месяц. А на мой вопрос отвечают, что больше определённой суммы выплачивать не положено, и всё тут. Вот за счёт нашей зарплаты и живут такие.

— Гм! Поедешь, а жена, сын как?

— Скажу тебе честно, с Мариной нам придётся разводиться, — налил себе Степан. — Это тоже одна из причин. Главная даже.

— Что так вдруг?

— Не любит она меня!

— Вот тебе раз! Да вы столько лет уже прожили вместе, что такими вопросами не задаются — подвинул к себе оставленную женой рюмку Николай. — Наливай уж и мне! Попробуем разобраться с твоим столь внезапным решением. — Любит — не любит... Во даёте!

* * *

Квартирант Костя пробыл на свободе недолго. Железнодорожный вокзал в городе один, и, хотя тот старался появляться там не чаще двух-трёх раз в неделю, обратила на себя внимание постоянно отъезжающая, но так никуда и не уехавшая парочка отец-сын, но так никуда и не уехавших, обратила и была задержана с поличным. Комаркову в отдел милиции по работе с подростками вызвали прямо с работы, строго предупредили о последствиях.

— В тюрьму захотел?! — взвизгнула мать, как только они зашли домой, и прямо в коридоре отвесила сыну оплеуху, от которой тот не успел уклониться.

— Был бы папка... не пришлось... — ответил вдруг со слезами.

— Что? Папу тебе?! А мамы мало?! — И пошла молотить двумя руками.

— Не мама ты мне! — Антон выскочил в подъезд, где она не могла его достать, и выбежал во двор.

Прикрыв дверь, разгорячённая Комаркова села в прострации на стул, тупо уставившись взглядом в пол, и вдруг расплакалась. Разрыдалась, запричитала:

— Ой, за что ж мне... судьба такая? За что?

Прослезившись, утёрлась. Очень захотелось выпить вина или водки.

Прошла в кухню, просмотрела стоявшие на подоконнике и полу рядом бутылки: не осталось ли чего на доньшке.

Глава шестая

— Вчера в нашей учительской разгорелся спор об Октябрьской революции, — за ужином сказала мужу Эллина. — Наша историчка, Маргарита Карловна, привезла с какого-то московского семинара много неизвестных и... что-то уж больно сомнительных фактов.

— И что же такого нового? — спросил Сергей Степанович.

— В целом — что был нарушен позитивный ход развития России... Что в Гражданскую войну жуткий красный террор...

— У нас кое-кто такое же говорит. Похоже на один источник — Запад преподносит нам нашу историю.

— ...Что, мол, при царизме хорошо жилось, и всё такое.

— Гм! Это кому как! Представителям элиты, которые даже в мировую войну, когда солдаты гибли и кормили вшей в окопах, увеличивали закупки модных аксессуаров в парижских салонах и заполняли столичные рестораны — да. А народу? Посмотри свидетельства той эпохи. — Он подошёл к книжной полке, взял томик, полистал. — Горький: *«Голод, нищета, рабский труд — этим далеко не исчерпываются силы, гнетущие честного труженика»*. — И спросил, закрыв книжку: — У вас там, в учительской, должно быть, есть Горький?

— В школьной библиотеке есть.

— С историками, Эля, трудно спорить, в угоду той или иной идее они могут вытащить любой факт, их устраивающий, из всего разнообразия событий, ведь до сих пор вызывает сомнения история Руси, которая существует в варианте немецких авторов. Но чем ближе к нашему времени, тем больше доступных нам первоисточников. И ты как специалист по литературе выступай с этих позиций. Возьми для большей убедительности ещё Чехова, — взял он с книжной полки томик с закладкой. — *«Миллиарды людей живут хуже животных — только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх... Голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности...»* Вот и передай всё это вашей историчке. Добавь ещё взятое оттуда же: *«Подлецы сыты и одеты, а честные питаются крохами»*.

— Дай мне книгу, запишу.

— Возьми, — подал он томик и взял другой, с такими же закладками. — Если недостаточно, можешь добавить Льва Толстого: «*Существующий строй до такой степени в основах своих противоречит сознанию общества, что не может быть исправлен, если оставить его основы... Нельзя исправить существующий строй с безумным богатством и излишеством одних и бедностью и лишениями масс...*» Так что такая Россия могла только обрушиться, а не расти и развиваться. Что и произошло.

Эллина впервые слышала, как муж обстоятельно, как это ежедневно, должно быть, делает на работе, разбирает предмет дискуссий. Неторопливо и вдумчиво, исчерпывающе и убедительно. Удивительно и то, что раньше они никогда не обсуждали меж собой подобные темы: настолько единодушны, а сейчас возникают какие-то сомнения.

— Ты что, специально готовился? — спросила с некоторым удивлением.

— Да, бывает, что интересуются и моей точкой зрения на историю.

— У тебя, кажется, телефон зазвонил.

— Да! — Сергей вышел в кабинет-комнату, а вернувшись, продолжил:

— Был прерван рост? Ну какой, скажи, мог быть промышленный рост в безграмотной стране! На начало века в странах Европы грамотных было шестьсот-семьсот на тысячу душ населения, а в России менее двадцати. Насколько я знаю, и намерений просвещать народ не было ни у царского строя, ни у сменившего его в феврале буржуазного. Это когда советская власть в двадцатые годы преодолела безграмотность, стал возможным индустриальный рывок тридцатых.

Походив по комнате он продолжил:

— И, кроме того, Эля, надо разделить меру ответственности: царизм свергла Февральская буржуазная революция, а не большевики. Которые в это время сидели в тюрьмах, в ссылке, включая депутатов Государственной Думы, либо в эмиграции под наблюдением охранки. И лишь когда буржуазная власть вконец развалила страну, экономику и армию, завела страну в ещё больший тупик, за её спасение взялись большевики. Да, революция — это трагедия, но до которой довела власть. Лучше организму быть здоровым, конечно, но, если довели его до болезни, иногда требуется для спасения жизни только хирургическое вмешательство. И народ поддержал большевиков триумфальным шествием советской власти. И победил в Гражданскую войну, выдворил и интервентов, явившихся поживиться на трагедии нашего народа.

Они помолчали, обдумывая сказанное.

— А Гражданскую войну кто затеял? — продолжил Сергей Степанович, шагая туда-сюда. — Большевики уже были у власти, ясно, что такая война была им не нужна. Сразу отпустили восояси защищавших Зимний юнкеров. Отменили смертную казнь, занялись экономикой, учредили с десяток НИИ... Созидательной работой занялись! А война нужна была тем, кто власть эту намеревался свергнуть. Белым генералам, отпущенным так называемыми «кровавыми» красными под честное слово не воевать против них.

— Так выиграла войну, как полагают некоторые, благодаря кровавому красному террору.

— Кстати, ты смотрела журнал «Родина», который вчера принесла? — поднял он со стола ставший только что выходить новый журнал.

— Нет ещё!

— Так вот... — полистал он страницы. — Вот! Обзор двухтомного исследования. Первый том — красный террор, второй — белый террор. И начинается второй том словами: «*Красный террор был страшен, но не идёт в никакое сравнение с ужасами белого террора*». А ведь автор — бывший белогвардеец, эмигрант. Человек знающий! Замечательное исследование, которое, по понятным причинам, не нужно было ни красным, ни белым тем более. В Ледовом походе при становлении белого движения как они проявили себя? После стычки у какой-то станицы расстреляли всех лиц мужского пола старше семнадцати, хотя большинство из них не были ни за красных, ни за белых и в бою том не участвовали. — И добавил: — А по террору интервентов, этих так называемых «цивилизованных» стран, можно бы составить и третий том. Англичане устроили концлагерь под Архангельском с условиями не лучше, чем у будущих гитлеровских.

— Наша историчка точно этого не знает, — пролистав журнал, сказала Эллина...

— Или не хочет знать, такое тоже бывает. Известно, люди лучше воспринимают информацию, которая соответствует их воззрению или вкусу. — Он поднялся, потому что вновь зазвонил телефон. — А что касается красного террора, то тут аукнулось наследие реформатора Столыпина, которого Лев Толстой предупреждал, что он создаёт такую прослойку предельно ожесточённых людей, от которых не поздоровится и непричастным. Это была такая стихия, которой, конечно, не могли полностью овладеть и большевики.

Вышел, а вернувшись, продолжил:

— Немецкие социал-демократы Роза Люксембург и Карл Либкнехт тоже критиковали большевиков за красный террор, и чем для них закончилась революция? Они были зверски убиты, революция обезглавлена. Потом получили фашизм, Вторую мировую войну с миллионами жертв... А могла бы история пойти и по другому пути, который возглавила бы промышленная Германия, а не крестьянская Россия.

— Царскую семью расстреляли... Всю! Это... очень жестоко.

— Трагедия, конечно, о которой всё больше говорят. А разве не трагедия, что колчаковцы в том же Екатеринбурге расстреляли пять тысяч человек? Две войны одна за другой, и люди предельно ожесточились.

— Власть, Ленин должны бы остановить расправу. — И почти сменила тему: — Тело Ленина надо бы по-христиански предать земле...

— Церкви почему-то не передают земле мощи святых. А имя Ленина для многих свято. Вообще, Эля, не надо пытаться исправить историю, хватило бы ума сделать достойной свою.

Опять послышался звонок.

— Когда они перестанут звонить тебе? — осердясь кивнула в сторону кабинета Эллина. — Время уже позднее.

— Когда перестанут? Когда сменят, должно быть.

— А что? — встревожилась Элина. — Что-то не так?

— Так выборы руководителей у нас намечаются! А там нынешних начальников не щадят.

* * *

— Сегодня у нас генеральная уборка, — объявила перед завтраком Надежда. — Юле убрать свою комнату, папе вытрясти ковры...

— Зачем их трясти, когда пылесос есть! — было возразил Бромин.

— Проморозить. Чтоб всякие насекомые пропали.

— Так недавно же тряс! На морозе, — недовольно проворчал Бромин. — В выходной не дашь отдохнуть.

— Когда недавно? Месяц назад! И мне что — не надо отдыхать? Стиркой, приготовлением обеда и ужина не заниматься? Хорошенькое дело! — И добавила громко, чтоб в другой комнате слышно было: — А тебе, Юлечка, сегодня ещё и посуду перемыть.

— У-у-у! — донеслось оттуда.

— Что — у-у?

— Можно, я что-нибудь другое сделаю? — выглянула дочь. — Пыль на подоконниках протру.

— Так! — догадалась, в чём дело, мать. — Ну-ка покажи руки, чего прячешь?

Юля нехотя показала руки.

— Опять накрашила ногти? Как завтра в школу пойдёшь?

— А Трофимова ходит, и хоть бы что ей!

— Меня интересует не Трофимова, а моя дочь! И так уже много замечаний мне в школе на родительском собрании сделали. Отец, скажи ей!

— Так, дочь, сегодня мыть посуду и днём, и вечером, и смыть ногти!

— Не буду я!

— Разговорчики! — повысил голос отец.

— Не буду я есть! Чтоб посуду не пачкать.

Дочь повернулась и, закрыв лицо руками, вышла, включила на всю громкость музыку.

— Совсем от рук отбилась! — посетовала Надежда. — Что с ней делать?

— Переходный возраст! Захочет есть — иначе заговорит. Никуда не денется.

Родители молча позавтракали одни, оставив на столе порцию для взбунтовавшейся дочери. Надежда взялась мыть посуду, Бромин пошёл одеваться.

— Чего у тебя так громко играет? — открыл дверь в комнату дочери. — По мозгам бьёт! Отсюда и одни тройки в учёбе.

— Не одни тройки, а есть и четвёрки, и одна пятёрка!

— Кто это? — кивнул он на проигрыватель. — Не певец, а гнусавый декламатор какой-то! С песнями декадентского содержания.

— Ничего ты, папа, в музыке не разбираешься! — вспылила дочь. — Это же Виктор Цой!!

— Ой-ой!

Бромин вышел в засыпанный снегом двор. Перебросил ковёр на перекладину стойки для выбивания. Закурил, оглядывая двор, окружённый одинаковыми пятиэтажными домами, какие не то что строили — собирали из готовых блоков и панелей за неделю. Как же они смотрятся однообразно! Замкнутый ими двор с несколькими сохранёнными при строительстве высоченными голыми берёзами, хиленькими молодыми посадками и редкими неровными кустарниками, более похожими на дикорастущие. В середине двора пустая зимой детская площадка с ограждением песочницы и железной конструкцией лесенки с витым жёлобом горки. Несколько машин, хозяева которых не имеют гаражей, приткнулись к бордюроному ограждению рядом с всегда переполненными и дурно пахнущими мусорными баками. Людей почти нет в этот ранний выходной день, а те, кто вышел из подъездов под бетонными козырьками, стараются в этом дворе не задерживаться. Такое впечатление, что находишься не в большом культурном городе, который сразу открывается шумной магистралью с трамвайной линией за домами, а где-то в глухой заброшенной провинции.

Открылась дверь в крайнем подъезде их дома, оттуда пулей вылетел карликовый пинчер и понёсся зигзагами по двору, спугнув низко сидящую на нижней ветке дерева серую ворону. Следом вышел хозяин, замначальника механического цеха Ростовский. На ходу раскуривая сигарету, подошёл к Бромину:

— Доброе утро, Андрей Павлович! Марафет наводим? — пожимая руку, кивнул на ковёр.

— Да, домашний аврал устроили.

— Слыхал новость?

— Какую?

— В Сумгаите резня между армянами и азербайджанцами.

— Это после провозглашения Карабахской республики? Что они там не поделили?

— Территорию республики, надо полагать. Каждый считает её своей.

— Началось! А где же пресловутая дружба народов? Союз нерушимый республик свободных?

— М-да! Выдержала испытание войной, а свободой — нет! И надо бы жёстко, в корне пресечь такое, чтоб впредь и другим неповадно было, а наша власть как-то вяло реагирует. Расстрелять зачинщиков!

— Ну, это уж очень круто!

* * *

С позавчерашнего дня у Гудкова першило в горле и он чувствовал себя не совсем здоровым, что не замечала жена; она стала как будто отдаляться от него, от дома... Уж не завела ли кого себе на стороне? Скорее нет: ходит только на работу, нигде больше не задерживается, но какое-то отчуждение, чувствовал он, нарастает. Впрочем, не стоит уподобляться Гранову, которого он раскритиковал, и после затихшей ссоры у них всё нормально.

Наконец Вера пришла, пахнувшая прохладой, весёлая.

— Как вы тут без меня? — раздеваясь, спросила из прихожей.

Не получив ответа, прошла в комнату, посмотрела, чем занят муж. Тот смотрел новости и с раздражением кивнул в сторону телевизора, где шёл репортаж о визите Горбачёва в Англию:

— Чего это он попёрся туда со своей Раисой Максимовной? Что ей там делать? По магазинам шастать?

— И правильно сделал! — не сразу ответила Вера, присаживаясь рядом с мужем и положив руку на его плечо, на что тот не отреагировал. — А то жён наших руководителей не видно, как будто у них и нет их вовсе. Вот иностранцы всегда с жёнами.

Николай стал замечать, что в последнее время жена всё чаще становится в противоположную ему позицию, противопоставляясь почти по любым вопросам.

— Нам они не указ! Своего ума нет, что ли? Своей головы на плечах! Незачем нам что-то показное у кого-то перенимать. Это надо же — в служебную командировку с женой попёрся. Странно было бы, если бы, отправляясь по делам завода в командировку, я брал бы тебя с собой.

— Ну конечно! — поднимаясь, ответила она даже с вызовом. — Я часто думаю: нужна ли я тебе вообще.

— Здрасьте, приехали! Причём здесь ты и я, когда речь зашла о Горбачёве? Если это повод, чтоб поговорить о нас, то давай, говори уж прямо.

Но жена вызов не приняла.

— А вот иностранные главы государств с собой жён всегда берут. И мы всё знаем про их жён, а вот про жён наших руководителей — ничего.

— И не надо мне знать что-то про их жён! Это их личное дело, нечего нам в их семейную кухню влезать. А то, что в капиталистических странах делают, — не нам пример. А так создаётся впечатление, что без жены он и шагу ступить не может. Неизвестно, кто из них правит государством — он или она.

И выключил телевизор с раздражением, вызванным и длительным отсутствием жены, и несогласием с тем, что генсека в поездках везде и всюду сопровождает жена. И тем, что тот говорит уж очень много, одно и то же... Человек дела немногословен, как правило.

— Ты ужинал? — спросила Вера, проходя в кухню.

— Конечно! Тебя разве дождёшься?

— Уж и отойти от вас нельзя! — сказала громко, чтоб было слышно в комнате. — Андрей где, на тренировке?

— Да! — так же громко ответил Николай.

— Так долго?

— К чемпионату города готовится. В следующие выходные. Пойдём болеть?

— Сходи ты.

— Я-то схожу, а ты?

— У меня дел дома полно!

Жена дома, и на душе спокойнее. Вскоре пришёл сын, и всё стало на свои места.

Так завершился день, но осадок какой-то всё же остался. Может, поэтому не удаётся сразу уснуть? И жене почему-то тоже не спится.

— Коля, почему ты мне цветы никогда не даришь? — вдруг спросила Вера.

— Как так? Восьмого марта, и в день рождения...

— И только?

— Чтоб каждый день дарить денег не хватит.

— Ну не каждый день...

— Часто дарить — интерес к ним пропадет, станет обыденным. Как пели в нашей молодости? «Ты не думай, что я невнимателен / Что цветы не бросаю к ногам, / Я тебе в этот день замечательный / Своё верное сердце отдам».

— А всё же...

— Давай спать! Мне завтра с восьми у станка стоять.

— Учился бы на инженера, не пришлось стоять.

— Здравствуй! Что же ты вышла замуж не за инженера, чтоб не морочить мне голову.

— Я тебе морочила голову? Да ты сам ко мне приставал.

— Давай спать!

* * *

Комаркова открыла дверь на короткий энергичный стук — звонок так ещё и не установила.

— Панова, инспектор отдела внутренних дел по делам несовершеннолетних, — представилась молодая женщина, даже девушка, в милицейской форме. — Разрешите войти?

— Проходите! — пропустила гостью слегка растрепанная хозяйка. — Что-то натворил? Сын мой.

— Близко к этому! — проходя в комнату, Панова оглядела обстановку.

Железная кровать, небрежно прикрытая одеялом, из-под которого выглядывает уголок простыни, посеревшей от редко и небрежной стирки, за ней навешен на стену коврик неопределённого цвета, годный разве что под ноги. Двухстворчатый платяной шкаф, занявший всю стену до входа в смежную комнату, большой голый стол у окна. В углу на тумбочке черно-белый телевизор... И смесь запахов какого-то непрветриваемого помещения... В подобных неблагоприятных условиях, как она давно уже заметила, живут все её подопечные малолетние нарушители. Источник становящегося преступным отношения к иной, нормальной жизни.

— Угол свой у вашего сына есть? — спросила, не проходя далее. — Где он уроки делает?

— Уроки делает? Так вот стол есть, большой. Садится за него, и... Учебники и тетради у него всегда с собой, в портфеле.

— У каждого ребёнка должен быть свой притягательный угол. Если такого уютного места не будет дома, он будет искать его в другом месте, — в гостях заговорило её педагогическое образование. — Вот где он сейчас и с кем, вы знаете?

— Гулять пошёл... — не могла ответить на то Комаркова. — Что-то ещё натворил?..

— Пока нет, но... Вы определяли его к каким-нибудь кружкам, спортивные секции?

— Ходил в школьный хор, но там не понравилось. Потом в хоккейную секцию пошёл. Так от тренера такой список на спортивную форму принёс! Коньки, шлем, щитки... Мне такое не купить! Зарплата маленькая...

— У вас ещё дочь есть. Где она?

— Маша? У бабушки живёт.

— Почему так?

— Пока... временно... Знаете, зарплата у меня небольшая, алиментов от пропавшего где-то муженька нет... Бабушка и помогает.

Они так и стояли почти у входа в комнату. Панова, наконец, решила, что для требуемой профилактической работы состоявшегося посещения и разговора достаточно.

— Имейте в виду, что в случае дальнейших правонарушений вашим ребёнком вы будете сами привлечены к административной ответственности, — предупредила перед уходом.

(Продолжение следует)

г. Снежинск

Наталья Рахматуллова

Лёнька

(из цикла «Мои соседи»)

В конце коридора комната бабы Нюры, Анны Степановны. Когда открывается её дверь, то тянет сквозняком с общего балкона. Помню, что баба Нюра всегда жаловалась на расположение её комнаты. Это была женщина-труженица, проработавшая на заводе полвека. Квартиру отдала родственникам, у которых дети, а сама ютилась в общежитии. Мы все её любили и иногда заходили к ней: посидеть, поговорить...

Анна Степановна была похожа на подростка-недокормыша: маленького роста, из-под платка торпорщились седые завитки, а на сухом личике — увядшие виноградинки глаз. Целыми днями она сидела в своей комнате, изредка её шаркающие шапочки слышались в коридоре. А в начале лета отказали ноги, и женщина слегла...

По этой причине из деревни приехал её родной племянник. Это был богатырского роста молодой парень, с копной вьющихся волос, с резким голосом и по-детски счастливой улыбкой. Звали его Лёнька. Соседям он понравился сразу, но показался странноватым: здоровался с каждым чуть ли не пять раз в день, без стука заглядывал в комнаты, знакомился.

Когда его прописали, Лёнька стал собирать документы для оформления опеки. В это же время затеял и серьёзный ремонт: утеплил и покрасил окно, перестелил пол, наклеил свежие обои. А дверь осталась старая, обшарпанная. Он даже в общем коридоре начал красить стену, но быстро забросил. До сих пор этот кусок выделяется цветом.

Устраиваться на работу Лёнька не спешил: он всё лето ездил собирать грибы. Всегда привозил полный армейский рюкзак грибов, да плюс пара больших вёдер. Грибы продавал на Птичьем рынке, что через дорогу от общежития. Лёнька раскладывал их на газете: аккуратно, по сортам. Кроме продажи он ещё старательно закатывал их в банки: жареными да солёными. Готовил их Лёнька ма́стерски!

На широком подоконнике общей кухни стояла пузатая кастрюля: в ней Лёнька замачивал грибы. Рассортировав и очистив, начинал солить или жарить, колдуя со специями, а крупные грибы проворачивал в мясорубке. Вот за всё это жильцы и «приклеили» к парню ласковое прозвище Грибочек. Казалось, что пряный грибной дух навсегда поселился на нашем этаже.

Лёнька ухаживал за больной тёткой лучше всякой сиделки: готовил, кормил, убирал. Кроме того: стирал, гладил простыни и бельё. Иногда приглашал платную массажистку. А раз, а то и дважды в неделю устраивал тётке банный день. Утром, когда народ ещё спал, Лёнька через весь коридор нёс тётку на руках в душевую кабинку. И в каждой комнате был слышен его резкий голос: «Посторони-и-и-ись!». Это повторялось и на обратном пути. Соседи пытались урезонить парня, но он лишь улыбался. Такое поведение напоминало выходки не совсем трезвого или глупого человека. Только Лёнька не употреблял даже пива. Этот деревенский парень был настолько обаятельным, что назвать его дурачком ни у кого бы язык не повернулся.

Я с улыбкой вспоминаю стирку белья, которую устраивал наш Грибочек.

Накануне Лёнька делал громкое объявление на кухне: «А завтра у нас будет постируха!» И, весело насвистывая, куда-то уходил. Подмигивая друг другу, соседки говорили: «Опять наш Грибочек пошёл искать себе постирушку».

И действительно, вскоре парень приводил девушку (каждый раз другую).

Молодые люди до полуночи возились с уборкой, а рано утром в коридоре раздавался топот и грохот. Это Лёнька с охапкой грязного белья, направлялся в подвал, где находится общественная прачечная. Девушка за ним почти бежала. Она несла моющие средства и тёткин древний тазик, который умудрялась уронить, да не раз. От страшного шума жильцы вмиг просыпались. Так, что на работу никто в такие дни не опаздывал.

Но однажды, Лёнька пропал. Его искали до первого снега. К сожалению, никто не знал, в какой стороне парень собирал грибы. Об урожайных местах он помалкивал...

Анну Степановну начали оформлять в Дом инвалидов, но дело затянулось, и вскоре женщина умерла.

В её комнату пока никого не заселили. Дверь, будто змеями, была обклеена серыми бумажными полосками с размытой печатью. Жуткое зрелище! Я боюсь смотреть в ту сторону, поэтому и на балкон стараюсь не выходить.

Постепенно с этажа исчез привычный грибной дух. Соседи всё реже вспоминают и бабу Нюру и её племянника Лёньку, деревенского парня с копной вьющихся волос и по-детски счастливой улыбкой.

Больше никого не разбудит его резкий голос, почти крик:

«Посторони-и-и-ись!..»

г. Челябинск

Виктор Ружин

Тугодум

Есть такой житель на земле — Тутышкин, он проворный в дурашничестве, и без него миру не обойтись. Он не то чтобы видный и не то чтобы незаметный, он просто копает свою жизнь в мелочно-маленькой пашне плотского жития.

Тутышкин — мужик яростный и старается всем помочь, где советом, где руками. Но матерщинная бацилла его изъела. И слова не выговариваются, и приходится ему изъясняться сквернословием.

— Вот эту херовину вот этой херовиной захеровничай, — заходится он торжеством в таком слоге.

Тутышкин зазверел так в мате, что обычное слово ему не даётся. Сквернословие самое лёгкое и доступное, что он мог почерпнуть в этом мире. Его не волнует, как он живёт, где живёт, он ведом только желаниями и вожделениями.

Обычный русский язык для Тутышкина непонятный, зашифрованный, и люди, говорящие на таком языке, для него лживы и чужды, что-то скрывающие от него. Этим шифром они прикрывают тайну, тайну главной мысли, в чём заключена жизнь. А он признаёт язык только мата. Этот язык для Тутышкина является языком прямым и откровенным, ничего не скрывающим и не подразумевающим. Говорящие языком мата люди для него чистые и близкие. А те, кто общается без мата, пугают его, они плохие для него и опасные. Такие люди уводят этим языком в дебри, в таёжную путаницу, откуда не выбраться на ясную прямоту, прямоту дня и ночи. Тутышкину главное не слово, а случай, который возбуждает в нём душевный рывок. И он считает, что случаев живут все, случай — это движущая сила.

Тутышкин непонятный обычному уму. Или слишком он умный, или слишком дурак, или засекречен природой.

Беспощадная жизнь вытесала в нём стойкую небрежность к себе, и он не знает, к чему приложиться, что выбрать для себя, чтобы жить. Городской жизни Тутышкин боится, она связана отчуждённостью да враждебной теснотой. А деревенская жизнь колкая прямодушной заскорузлостью да набухшими коростами. Самое лучшее — это спрятаться в посёлке. Здесь не как в городе и не как в деревне, это жилищно-проживающий буфер, где позволяется всё: и слабости, и согрешения, здесь всё тонет в тихом забвении. Здесь знают друг друга не как в деревне и нет городской отчуждённости. Здесь мрачность своя, весёлая, и киснет дрожжевой пышностью. Даже раскоряченная жизнь здесь скрашивается, не кричит городской оголтелостью, а втихомолку сопит тихой сапой. И врос Тутышкин в эту жизнь и корнями и необходимостью как ни быть, но надо быть. Он чувствует себя здесь уверен-

но, здесь можно много утаить и кое-что приобрести. И приобрёл он здесь жену, семью и родственников.

Тутышкин пошёл работать в шахту, чтобы получить квартиру. Получив квартиру, он теперь мучился другим желанием: купить мотоцикл. Купив мотоцикл, он не остановившись на желании. Ему теперь нужно дотянуть до пенсии в пятьдесят лет. Добрёл до пенсии в пятьдесят, он теперь не знает, что делать. Когда он работал, то стелился травкой перед начальством, они ему были нужны. Тутышкин их поил водочкой, задабривал, чтобы на доске почёта висеть фотографией на зависть всем, мол, вот посмотрите, каков он. И он этим гордился, что многим утёр нос. Утереть нос — это его весь смысл в жизни. А на пенсии ему тереть нос уже нечем, и он материт начальство, кроет их в бога мать, что с них теперь возьмёшь, они уже ему не нужны. Он не то чтобы ругается матом, мат — это его естество, такое разговорное общение, это внутренняя потребность — это его врождённое.

Бывает, встанет с постели Тутышкин, громко вскрикнет, и пойдёт у него на целый день возня бестолковая. А бывает, тихо молчит и только сонным филином день караулит. Но бывает и активный, дуростью любой ум забьёт. С видом шkodничества у него наглость высоко торжествует: похабной отвратительностью в геройство так взойдёт, что в мерзости важным фазаном гордо закружится. И так засмакуется в чванливости, что в безобразной бессмыслице, разомлеши, в доску расшибается.

Как-то Тутышкин разговорился с соседом.

— А ты где был-то? — спрашивает Тутышкин мужика.

— Я был в трансe.

— Где? Где?

— В трансe!

— А-а-а, в трассе. А куда эта дорога идёт?

— Эта дорога идёт в усмерть.

— А что эта за деревня?

— Эта деревня — тот свет.

— А-а-а, тот свет! Значит — что-то светит.

— Ну, конечно, присветит так присветит, что лучше некуда.

— Как некуда?

— Эх, горе! Ну и дела!

— Какая гора?

Дурашничество и бестолковость для Тутышкина естественное пребывание на земле, оно его пестует и оно ему мило. В дурости он органичен. Это его любимое состояние, и среда обитания, и пища. Дуреть Тутышкину, это врождённое свойство, в котором он как рыба в воде. Свыкшись с дуракаваланием, он принимает это как милость, данную ему природой, где и пороки спущены ему сверху, и они необходимы ему для бытия. Без дури ему смерть. Дурь им рулит, и если он столкнётся с чужаком, да в ином поле, которое ему не обозреть и не обхватить пониманием, он оказывается без руля, он теряется. Это его расшибает, он становится раскатанным в лепёшку. Тутышкин беззлобный, но надоедлив в дурости, липучий, ему всё время надо в дурака играть. Здравость корёжит Тутышкина и мучает, разрушает состояние как нечто враждебное. Разумность пугает и ломает его представление о мире. Придуряться Тутышкин привык с детдома. Он хорошо уяснил: когда прикидываешься, легче живётся. И он врос в это характером. С дурака спра в России нет.

Тутышкин не знает, что он отвратительный и мерзкий, это ему не дано, оно ему чуждо. Он считает себя упоительно необходимым и привлекательным.

Время Тутышкина мучает, жить у него не получается. Не выходит как у всех. Что делать с собой, он не понимает. Повеситься он боится. А жить для него невыносимая пытка. Жизнь играет с ним злую шутку. Окружающие его презирают, а он их любит. То ли напустил на него злой рок коварные чудеса расхлёбывать в этой куролесице. То ли судьба неласковая, нахлобучила на него напасти. Он вроде бы хочет к людям быть ближе и нежней, а выходит, всё наоборот. Люди его сторонятся, отворачиваются, считают его выходки за грубое хамство. Невеждой его выставляют. А у него только всего-навсего какой-то язык непослушный. Как что-нибудь ляпнет, тут люди и озлобляются на него, врагами на него смотрят. А у него всего-то душа нестандартная кобылково — брыкастая, и только. Но люди этого не хотят понять и не хотят с ним иметь ничего общего. Чихали на него. Одни называют его больным, другие — дураком. А он с этим не согласен. Он сам себя не знает. Кто он? Ему кажется, что он мухи даже не обидит. Что он незлобен. Просто с ним выходит какая-то несурaziца, в которой он живёт, и он считает эту несурaziцу за хорошую жизнь.

Лежу я, значит, в больнице и болею. Положено это: в больнице болеть, а иначе зачем тогда эти больницы существуют. А лежу я в кожном отделении и лечу свою спину родненькую, поскольку на ней выросли какие-то грибы, что не совсем, мягко выражаясь, хорошее дело! Ну, там, сами понимаете, капельницы, уколы и мази. Одним словом — всё, как в больнице положено.

А палата наша, точнее, бокс, рассчитана на троих человек. Вот втроём мы и лежим. Я, Володя, мужичок лет пятидесяти, и третий — Юра-татарин шестидесяти лет. Его, конечно, не Юра зовут, но выговорить его настоящее имя лично я, да и Володя, не можем, а поэтому Юрой кличем. На это, должен заметить, Юра-татарин не обижается, ну, Юра так Юра, и бог с ним.

Ну так вот. Этот самый Юра из какой-то глухой татарской деревни, что на озере Иткуль, и, как он к нам в нашу городскую больницу попал, не очень понятно. Но вот попал и теперь с нами лежит и тоже болеет. А по-русски он говорит плохо, так что в основном молчит и что-то там себе под нос по-татарски бормочет. Так сказать, тихо сам с собою. Иногда, правда, он пытается что-то нам рассказать, но из его уст вырываются только матерные слова ввиду малого знакомства с литературным русским языком. Как известно, матерятся все по-русски, причём даже тогда, когда в русской речи ни черта не понимают.

И вот этот Юра лежит, а тут его из бокса медсестра зачем-то позвала. Ну, позвала и позвала, лично мы с Володей на это даже внимания не обратили, потому что медсестра может каждого позвать и что-то там ему сказать. И вот Юра с медсестрой поговорил и пришёл в наш бокс, как я почувствовал, в каких-то расстроенных чувствах. Держит в руке какую-то бумажку и всё про себя по-татарски что-то бормочет.

Мне лично всё равно, что он там бормочет, а вот Володя, мой второй сосед, заинтересовался этим бормотанием да и спрашивает этого Юру:

— Ты чего там бормочешь да ещё в расстроенных чувствах, как видно? Что там у тебя за бумажка в руке?

— Моя ничего не понимай, — отвечает Юра, — на какое-то КГБ меня посылай, тра-та-та, а моя и не знай, тра-та-та, что это такое, тра-та-та, и, куда идти, моя тоже не понимай, тра-та-та!

Тут мы с Володей удивились, что это за КГБ такое, так как знаем, что это самое КГБ давно кануло в лету и теперь вместо этого КГБ есть ФСБ — Федеральная служба безопасности.

— Ну-ка, давай-ка мне твой листочек, — сказал удивлённый Володя, — посмотрим, что это за КГБ тебе назначили.

Лично я тоже заинтересовался, что это за КГБ в больнице может быть, да тем более в кожном отделении.

«Раз он из глухой деревни, — подумал я, — то, может быть, действительно его, Юру, в секретную службу посылают, чтобы он там инструктаж прошёл, ведь городок наш закрытый и не каждый в него попадёт».

Тут Володя взял листочек, что держал Юра в руках, почитал его и рассмеялся.

— Моя не понимай, чего хохочешь, тра-та-та? — говорит Юра.

— А моя хохочет потому, — коверкая русские, слова сказал Володя, — что тебя не в КГБ отправляй, а отправляй тебя пройти ЭКГ сердца, чтобы узнать, как оно там у тебя в груди поживай.

— Моя не понимай, что такое есть ЭКГ, — отвечает Юра, — не знай я там никакого КГБ или ЭКГ, поскольку нам, татарам, всё равно, тра-та-та!

Пришлось нам с Володей долго объяснять этому Юре, что такое ЭКГ и чем оно от КГБ отличается, а также куда пойти, чтобы сделать эту самую КГБ-ЭКГ.

Но упорный Юра всё твердил:

— Моя ничего не понимай и, куда идти, не знай!

Пришлось нам взять этого Юру за руки и отвести туда, где это ЭКГ делают. А Юра всё бормотал себе что-то под нос типа:

— Моя не понимай ничего!

Так что он так и не понял, что такое ЭКГ, и так же по-прежнему называл её КГБ, видимо, ему так в голову это дело запало.

Однако он ЭКГ всё же сделал, а это самое главное, и причём винить его в том, что ему всё равно, что ЭКГ, что КГБ, особо нельзя, поскольку он, кроме своей татарской деревни

на Иткуле больше ничего и не видел в жизни, и очевидно, что уже больше никогда не увидит. Лично мне его даже жалко стало, а поэтому я его подбодрил, сказав:

— Ничего, Юра, вылечат тебя здесь, и ты опять уедешь в свою деревню на озере Иткуль весёлым и здоровым и забудешь, что есть на свете такое ЭКГ, которое ты всё КГБ называешь. И пусть всем татарам всё равно, но это самое ЭКГ-КГБ поможет врачам скорее тебя вылечить.

г. Снежинск

Наталья Сумина

Начало

Ольга ехала на машине, вдавив педаль газа в пол.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — Она с яростью ударила ладонью по рулю. — Как он мог так поступить со мной? Ненавижу! Ненавижу! Не хочу больше никогда видеть его! Мразь!

Этот день начинался как один из счастливейших дней в её жизни. Это было начало новой жизни. Игорь, с которым она встречалась уже больше года, три дня назад сделал ей предложение. Счастливая, она не смогла сдержать слёз. Вечером в их особняке был праздник. Сыпались поздравления. Ольга порхала как бабочка.

И дёрнуло же её влететь в спальную комнату.

Она не сразу поняла, что увидела. Её любимый Игорёша сидел на кровати полуодетый, лицом к двери, а на его коленях девица постанывала от удовольствия.

Игорь увидел Ольгу. Их глаза встретились. От увиденного она застыла в ступоре.

Игорь растерялся, хотел объяснить, оправдаться. Но вместо этого неожиданно для себя выдал:

— Тебя не учили стучаться? Выйди вон и закрой дверь с той стороны!

Это было как пощёчина, которая вернула ей дар речи.

— Ненавижу тебя! Как ты мог? Всё! Глаза мои больше никогда тебя не увидят!

Она повернулась, хлопнула дверь, замок смачно клацнул. Прислонилась к стене: «Что делать?»

Ольга зашла в гардеробную, достала джинсы, футболку, куртку. Принялась стягивать с себя красивое вечернее платье, которое всего лишь два дня назад с такой любовью выбирала. Платье трещало по швам, но она только сильнее тянула его с себя. Потом бросила под ноги и топталась на нём, пока надевала другую одежду. Обулась. Прихватив по дороге сумочку с ключами и телефоном, проскользнула в гараж. Села в машину, завела, выехала.

Куда она ехала — не знала. Просто ехала подальше от него, его глаз, его предательства.

Слёзы катились по лицу не останавливаясь. Разве можно столько плакать? Сколько же в человеке слёз?

Сначала она ехала по главной дороге, потом куда-то свернула. Новая дорога была менее комфортной, но её внедорожник с лёгкостью проглатывал километры. Потом появились ямы, какие-то лужи. Асфальт закончился, но Ольга гнала машину всё дальше. Она въехала в лес, мотор начал давать сбои, а потом совсем заглох.

— Ну, давай, давай! — кричала девушка. — Или ты тоже предал меня?

Закончился бензин.

Вот тебе и начало новой жизни!

Ольга вышла из машины, пнула ногой колесо и пошла дальше пешком. Куда? Куда глаза глядели

Вскоре она вышла к какой-то деревне. Крыши домов виднелись в свете огромной луны, которая, зацепившись краешком, сидела на огромной горе.

Подойдя к крайнему дому, девушка постучала. Ей никто не ответил, но дверь оказалось незапертой. Ольга вошла в дом.

— Хозяева! Есть кто дома? Тут у вас открыто.

Не получив ответа и на этот раз, она пошарила по стене и нащупала выключатель. Щелчок, и комнату наполнил тусклый свет единственной лампочки.

Весь дом состоял только из одной комнаты. В углу стояла печь. Возле неё приткнулся стол и две табуретки. У другой стены находился диван с небольшой тумбочкой. Рядом с окном стоял шкафчик с посудой. В простенке — небольшое зеркальце и умывальник в углу. И везде — пыль. Было понятно, что в доме никто не живёт.

Ольга села на диван. Усталость навалилась на неё. Нервы окончательно сдали, и она

легла, решив, что завтра разберётся во всём. Натянула на себя покрывало, которым был накрыт диван, и провалилась в глубокий сон.

Утро выдалось хмурым. Мелкий дождь сеял без остановок.

За ночь Ольга поостыла. Первым делом надо было позвонить домой. Странно, что они сами ещё не позвонили. Но и здесь её поджидал сюрприз. Взглянув на экран, Ольга выругалась:

— Вот чёрт! Ещё и связи нет. Да и телефон вот-вот сдохнет. Что ж, придётся поискать почту или что там у них ещё. Должна же быть здесь хоть какая-то связь!

Улица встретила Ольгу неприветливо. Вся дорога раскисла и превратилась в жидкую грязь. Блёклые серые дома, разбросанные по склону холма, были как близнецы, и ничего похожего на узел связи или администрацию не было.

Девушка прошлась по улице. Встретив местных жителей, попыталась расспросить их, можно ли откуда-нибудь позвонить. Но те отворачивались от неё и старались быстрее уйти, а потом смотрели ей вслед удивлённо и странно. И глаза у них какие-то...

— Что за чёрт! Какая-то ненормальная деревня! Они что, все онемели, что ли?

Оглядываясь по сторонам, Ольга оступилась и попала ногой в огромную лужу. Кроссовки сразу же наполнились холодом.

— Ну вот, ещё и это! Только заболеть в этой дыре не хватало. Придётся вернуться в дом. Надо обсохнуть и что-нибудь поесть. Магазины, как я понимаю, тут тоже нет. Как они тут живут?

Девушка вернулась в дом. Нашла чайник. С трудом растопила печь. Принесла воды из колодца во дворе. И вот уже чайник тихо замурлыкал на плите. По дому разлилось уютное тепло. Ольга нашла в шкафчике засохшее печенье. Поела, попила чай, отогрелась и обсохла. Тишина и покой окружали её. Устроившись на диване, она вскоре уснула.

Проснулась она уже ночью. Какое-то насекомое кусало её руку. «Клопы, что ли?» Ольга подскочила и брезгливо смахнула непрошеного гостя на пол. В доме что-то шуршало и потрескивало. Девушка протянула руку и включила ночник на тумбочке. Свет лампы на секунду ослепил её.

Когда глаза привыкли к свету, Ольга с ужасом увидела, что все стены, пол и потолок усыпаны крохотными насекомыми. Это были муравьи. Они покрывали всё вокруг плотным шевелящимся ковром. Движения их маленьких лапок сливались в непрерывное шуршание.

Ольга вскочила. Под ногами послышался треск, будто она наступила на стайку тараканов. Муравьи забегали и начали подниматься по её ногам вверх, по всему телу, по рукам, заползали под одежду, кусали.

Ольга пыталась отбиваться, стряхивать тварей, но их становилось всё больше. Тело Ольги немело, будто его готовили к операции. Она опустилась на пол и уже не чувствовала ни касаний, ни укусов. Тысячи челюстей впивались в тело, рвали его на части, но Ольга не ощущала боли. Она не могла уже ни пальцем шевельнуть, ни сделать какого-то осмысленного движения. И когда её лежащее тело двинулось помимо её воли и желания, Ольга пришла в ужас, а глаза заполнились слезами и ничего не видели.

Повеяло свежим воздухом. Приглядевшись, Ольга с ужасом поняла, что какая-то немислимая сила тащит её в сарай, который стоял в глубине двора. Двери его были открыты настежь. Дождь на улице уже прекратился, а большая круглая луна, так же как и вчера, сидела на огромной горе и освещала всё вокруг. Было светло настолько, что в глубине сарая можно было легко разглядеть лаз в муравейник.

Путь, по которому её тащили муравьи, был довольно узким. Торчащие из стен корни деревьев, обломки веток цеплялись за одежду, волосы, царапали лицо. Одежда была порвана.

Наконец-то движение прекратилось, а муравьи исчезли. Тело стало приобретать чувствительность. Ольга подняла руку и с низкого свода посыпалась земля. Слева и справа — тоже стена. Нора? Могила?!

«Ну вот и всё! Здесь я и умру в страшных муках. А ведь никто не знает, где меня искать. Никому и в голову не придёт лезть в муравейник. «...И никто не узнает, где могила моя!»

Начинался приступ клаустрофобии. Ужас накачивал и убивал волю.

— Нет уж! Я ещё живая!

Она нащупала кость. «Видимо, я не первая гостья здесь. Что ж, спасибо, неведомый друг!» — усмехнулась Ольга.

Взяв кость поудобнее, она принялась рыхлить стену. Теряя рассудок, сдвигая землю в стороны от себя, Ольга вгрызалась в свою могилу. Почва была мягкой, насыпной, и пленница надеялась, что роет в направлении улицы. И вот настал момент, когда девушка

просто вывалилась наружу и оказалась во дворе соседнего дома. Было нестерпимо светло от тяжёлой луны.

Какая-то женщина стояла неподалёку.

— Пожалуйста, помогите!

Женщина не реагировала.

— Мне очень больно...

Женщина повернулась к девушке и посмотрела на неё странными круглыми глазами. Лицо её исказилось, и она глухо клацнула огромными муравьиными челюстями.

Ольга в ужасе бросилась к калитке, но оттуда уже шли другие жители деревни, которые оказались такими же монстрами. Они смотрели на неё муравьиными глазами и угрожающе лязгали челюстями. Окружали и тянули к ней корявые руки-лапы.

Девушка в ужасе закричала. Всю силу страха и отчаяния она вложила в этот крик.

Твари приближались. Выхода не было.

«Ну вот и всё! Я сделала, что смогла...»

Ольга закрыла глаза и потеряла сознание.

И в этот момент раздались выстрелы. Муравлюди стали разбегаться. Ольгу нежно обняли знакомые руки.

— Не бойся, любимая, они не вернутся. — Игорь прижал её голову к своей груди. — Я нашёл твою машину по маячку сигнализации. Потом услышал твой крик и прибежал сюда. Малышка моя, как же ты натерпелась! Через что тебе пришлось пройти? Потом всё расскажешь. Всё будет хорошо. Прости меня, я так виноват перед тобой! Когда ты исчезла, я чуть с ума не сошёл. Мы везде тебя искали. Ты так далеко заехала. Но я тебя нашёл! Я не хочу тебя потерять!

Ольга пришла в себя и шевельнулась в его объятьях. Посмотрела на Игоря:

— Помнишь, когда я уходила, то сказала, что глаза мои никогда тебя больше не увидят?

— Да, помню, конечно, — растерялся Игорь.

На него смотрели другие, странно круглые, глаза Ольги.

г. Нязепетровск

Александр Яхут

Яблоки падают

1. Мама

И старый тутовник из далёкой юности, стоящий у ворот, и сами ворота, новые, но, как прежде, зелёного цвета, и искреннее радушие хозяев вызывали в душе подъём необыкновенный и свет. Праздник! И давнее предвкушение его обернулось исполнением желаний и радостью.

На перекрёстке Алексей перехватывает маршрутку, сдвигает дверь салона, отдаёт деньги водителю:

— Спасибо!

— Ещё раз! Посильней! — делает ему выговор водитель.

Алексей ещё раз захлопывает дверь.

— Извини.

— По голове себе так! — ярится водитель. — Сегодня только отрегулировал!

— Поставь «автомат» и закрывай сам! — заводится Алексей.

— Что, умный да?! Умный?!

— Останови машину!

— На остановке!

Но до остановки, оказалось, странно далеко.

— Останови! — потребовал ещё раз Алексей и встал.

Маршрутка мчалась, не снижая скорости. Алексей дёрнул ручку двери, но водитель резко затормозил и дверь хлопнулась.

Наконец-то маршрутка останавливается, Алексей выходит и нарочито громко хлопает дверью: «Получи, хам!»

— Пидор! — кричит водила, открыв правую дверцу, и срывается с места.

Где это он? Куда его завезла маршрутка? Станный павильон с колоннами из серого мрамора, белое административное здание, цветы... Погоди, погоди... Не может быть! Ну да,

точно! Алексей поворачивается: на столбе отливающаяся лаком «А» в кружочке и красивая надпись: «Кладбище».

— Вот сука!

А впрочем, всё равно хотел сходить к матери, вот и пришёл.

Молчаливые старушки с бумажными цветами, образцы надгробий у мастерской и широкая, как проспект, дорога: пожалуйте. И Алексей пошёл по проспекту. Очень смутно помнил место захоронения матери: где-то в той стороне, ближе к взлётно-посадочной полосе аэродрома.

...В тот год и в тот февраль траншея матери была крайней от аэродрома. Дул сырой пронизывающий ветер, какие часто бывают в феврале в этих местах. Экскаватор копал траншею как раз по ширине могилы. Одно захоронение от другого отделяли какими-то щитами. Это было странно и дико. Маму похоронили, поплакали, и Алексей уехал. А потом редко приезжал и не всегда заходил к ней.

— Не подскажете, где двадцать второй квартал? Или дорога...

Перед ним стоял молодой человек в тёмных летних очках, кроссовках и джинсах.

— Не знаю. Я нездешний, — как-то двусмысленно ответил Алексей. — В администрации спросите, там, на въезде.

Пока — нездешний. Или — ещё... Молодец, парнишка: вспомнил.

Алексей снял с головы багряный лист и повернул влево на тропинку, усыпанную палой листвой. Не получая жизненных соков, листья отрывались от материнского дерева и падали свободно и легко по собственной прихоти и по мудрёной траектории. Ложились рядом с такими же своевольными отщепенцами и лишались возможности жить.

Ни ветерка. Тишь и солнце.

...На старой чёрно-белой фотографии мама с подругой стоят на большом валуне, почти в море. Яркое солнце, море бликует, а ветер разметал волнистые мамины локоны. Фотография излучает тепло, но мама в тёмном пальто. Маме двадцать четыре года, но лицо доярочки Наташи серьёзное, даже суровое. Геленджик. 1937 год.

— Как лучшей доярке путёвку дали, — говорит мама.

— А другие — тоже доярки? — Алексей показывает групповую фотографию с мужчинами.

— А кто зна, — улыбается мама. — Не знаю, откуда эти бычки. Там разные были.

— А в пальто почему?

— Так февраль же. Холодно у моря.

— Почему же в феврале дали путёвку?

— А кто зна. Самый отёл пошёл, доярки нужны, а вот...

— Так почему же послали в дом отдыха?

— А кто зна... Летом, пожалуй, доярочка важнее будет, чем в феврале.

Да где же мамина могилка? Сплошь армяне да евреи. Хотя нет: вот Муратов, Коптилов, Мацепура... И опять: Гимолян, Кантор, Маркосян, цыгане... Ага, вот даты уже поближе к году маминой смерти. Где-то здесь...

...Не дождалась доярочка Наташа мужа с фронта: пропал без вести, сгинул. Сошлась она после войны со вдовым казаком. Стало у них четверо детей: двое своих да двое... каких? Вот то-то же. Для гармонии и равновесия в семье своим детям от Натальи доставалось по полной и даже больше.

— А как же? — рассказывала мама. — Говорю тебе: сегодня Васька идёт в кино, а ты и байдуже. Иди домой, говорю, а ты — хоть бы хны. Вот и получал своё.

Баркович, Карпетян, Блудян... Ишь ты! Фамилия, однако. Да что так много армян? Может, и не много, но город-то основан ими. Да и надгробия величавы, прямо-таки мавзолеи, не то, что русские кресты. Вот пожалуйста: в полный рост молодой армянин, Джаханян: тёмно-серый гранит, на руке золотой браслет (натуральный, потрогать можно!), а на палец перстень впаян — тоже из золота. Охренеть!

А вот и могилка мамы. Старый железный крест, сваренный из труб, крашенный-перекрашенный, выцветшая фотография, пожухлый бурьян, да упрямые анютины глазки: смотрят на Алексея во все глаза.

— Здравствуйте, мама...

Когда-то Алексея шокировала развязность старшего брата Николая, приехавшего в отпуск с Урала:

— Здравствуй, ма! Как ты тут? Не болеешь? — И отцу руку подал: — Здорова!

Всю жизнь на Кубани отца и мать — старших — называли на «вы», а тут: «здорова» — корова.

Мать не стала поправлять, не возразила сыну; так и закрепилось: старший сын стал общаться с родителями на «ты».

После войны, году в пятидесятом, приобрела она тайком от всех икону Спаса и повесила её в доме.

— Так бога нет, ма! — усмехнулся её старший сын.

— Никто не знает: есть он или нет.

И стало как-то легче. Верила не верила, но надеялась, что защитит Спас. Спас ведь, спаситель. И пошло всё если не сладко, то ладно: младший поступил в учительский институт, как она хотела, внуки пошли... Радость стала приживаться в доме.

Алексей не помнил смеха мамы, кажется, что она никогда не смеялась: ни на свадьбе сыновей, ни при рождении внуков. Только улыбка. Наверное, была звонкая радость у мамы, была, как без неё? Где-то на самом дне колодца печали бил звонкий ключик, но на поверхности — только лёгкая рябь, печальная улыбка в уголках губ.

— Простите, мама...

Зазвонил телефон.

— Дядь Лёш, вы скоро приедете? — Племянница Наташа. — Таня с детьми приехала.

— Я постараюсь быстро.

Таня, старшая племянница, живёт в селе, недалеко от города. И в честь его, Алексея, приезда сегодня все собираются у Надежды, в родительском доме, где и остановился Алексей. Надежда — мать племянниц, жена среднего брата Василия, умершего в девяностых.

Теперь надо будет ехать через центр города, раз водила забросил его на кладбище и он не успел купить подарки.

2. Надежда

— Брысь отсюда! — Надежда выгоняет внуков из кухни. — Берите по яблоку — и во двор!

На кухне все: обе дочери Надежды, племянницы Алексея, сам Алексей, внуки, кошка и пекинес по имени Доллар.

— Кыш! — Наводит порядок время от времени Надежда. — А мы ходили к матери на паску: подправили там, цветы посадили.

— Давай я картошку почишу, — предлагает Алексей. — Дома всегда я чищу.

— Почему?

— У меня лучше получается. И быстрее, чем у других.

— Уговорили, — смеётся племянница Наташа.

— А ещё я всегда в саду мою посуду, — сделал заявку Алексей.

— Посмотрим на ваше поведение, — улыбается Таня, другая племянница.

— Тут мы у Тимченко на дне рождения были, на «нахаловке» — так вспоминали тебя, ваше время. Зараза! — Надежда вытирает слезящиеся от лука глаза. — Сейчас чего — жить можно. А тогда...

— Наташ, ты скоро? — заглянул на кухню Валерик, муж Наташи. — Поехали.

— Мы сейчас, быстро на рынок и... — говорит Наташа, снимая фартук.

— Мам, мам! — спели дуэтом внуки Артём и Тимур, — мы есть хотим!

— Таня, иди, — говорит Надежда, — покорми их у Наташи. — Я тут — сама.

— Как появились эти дети у Тани? — спрашивает Алексей, когда они остаются одни с Надеждой.

— Опекунство оформила. В Наташином интернате был Тимур. Мать его лишили материнства. А у Тани с Виктором что-то не получалось. Вот и взяли. А через два года в интернат сдали и второго ребёнка от той же лишенки — Артёма. — Надежда вздохнула. — Таня и его взяла.

— Пришлось оставить работу в суде?

— Да что там?! Секретарь в канцелярии... Институт закончила и десять лет секретарём просидела. Деньги — никакие.

— А теперь?

— Нормально. Почти в три раза больше, чем в суде. Вот так бы матерям государство платило, было бы интернатов поменьше.

— Но ты, похоже, не рада.

— Та-а... Вот зачем? Зачем?! Дочь закончила институт, Настя замуж собралась... Зачем Тане эти мальчишки? Как ей держать хозяйство без Витьки? Кто горбатиться будет? Двадцать соток: вспахать, посадить, ухаживать — когда? Была бы без них — ещё нашла бы мужика. А так...

— Так сейчас у неё есть время заниматься хозяйством: детей в садик и...

— Что — «и»? Она что — мужик? У самой проблемы со здоровьем... Пригласит когда Карэна или Валерку — что это? Так, пшик: «вас освежить»? А там сутками раком стоять надо. Витька был ленив, но был...

Зря так Надежда о Тане, зря. Работящая, честная, симпатичная женщина. И очень похожа на маму. Но без её резкости. Так это пройдёт: и Надя не сразу стала материться. Не очень практичная — это да... А детей брала, посоветовавшись с Виктором. Младшего он особенно любил.

— Но ведь Виктор, ты говорила, был не против?

— Был. Был! И где он теперь? А дети — вот они.

— Но кто же знал, Надь, что Виктор разобьётся?

— Кто, кто... «От одной матери — это хорошо...» Она что, корова-рекордистка — «хорошо». Курва подзаборная: одного отобрали — она второго родила. От каких кобелей? Кто они? И кем вырастут пацаны, Тимур и Артём? Что за кровь в них?

— Успокойся.

— Да ну их...

— Готово! — Алексей подал очищенную и мытую картошку.

— Поставь пока на стол.

— Ну, что тут вам помочь? — появилась Таня. — Накормила оглоедов.

— Фарш подавай, — распорядилась Надежда.

Алексей вышел во двор.

Под виноградом уже стоял стол, накрытый скатертью, лавки и стулья вокруг стола. В тени было ласково, тепло: не жарко по-летнему и не зябко по-осеннему, как-то бархатно, будто запоздалое «бабье лето» вернулось с серебристым тенетником и тихой негой. А ведь завтра уже октябрь.

Чёрный кот с разорванным ухом не лежал, а расслабленно стекал с лавки. Маленький кобелёк на цепочке тоже наслаждался солнцем у ворот: лишь приоткрыл глаза на появление Алексея и вежливо вильнул хвостом. Вот тоже: пять лет не видел Алексея, а помнит.

В этой золотой тишине звук яблока, упавшего на железный навес, был громоподобным. Яблоко скатилось с навеса под самый нос собаки. Кобелёк подпрыгнул и поволок цепь подальше от яблока. Много лет этой яблоне, и всегда она была поздней. Но не настолько, как в этом году. И тогда не было навеса от веранды до соседнего забора.

У двора остановилась машина. И точно: Наташа с Валериком.

— А вот и мы!

Хорошо в гостях! Тебе внимание, ты в почёте, обязанностей нет — только добровольные твои прихоти. Молодёжь, внучатые племянники Карэн да Настя со своим Ромкой, посидела немного для приличия, да и отправилась по своим делам.

— Жаль, что не лето: на речку съездили бы, — сказал, прощаясь, Карэн. — До завтра.

Это был ритуал — на речку. Каждый приезд — обязательно. На этой реке детство Алексея с Василием прошло, там племянницы пропадали днями, а теперь уже и их дети Карэн и Настя.

— За тёрном ходим: может, ещё не оборвали, — предложил Алексей.

— Посмотрим. Пока, дядь Лёш!

Стол был обильным, разнообразным — роскошным. И больше всего Алексею понравились «сининькие», баклажаны. Как их готовит-жарит Надежда, что за соусы-специи туда кладёт — неведомо, но оторваться невозможно.

— Вот это еда, вот это я понимаю! — Алексей встал. — Размяться, утрясти всё.

— Чаше приезжайте, чаще радоваться будем! — это Наталья.

— Я уж, пожалуй, отъездился, теперь ваша очередь, племянницы да внуки.

— Нам же некогда, дядь Лёш: то — то, то — это, — вставил слово Валерик, — то ещё чего.

— Это ты мощно задвинул! А у нас и то, и это. И возраст, и ещё тридцать три болячки.

Алексей поднял с земли яблоко:

— Так что — заказывайте билеты и вперёд, на восток.

Протёр яблоко, хрустнул: сочное, сладкое.

— Не-е, дядь Лёш. Вам хорошо: приехал и уехал, а нам здесь жить, — опять Валерик.

— При чём здесь «жить не жить»? И что за горе у вас тут такое, что мне хорошо, а вам вот — нет?

— Ладно, не обращайтесь внимание, — вступилась Наталья. — А ты что не допил?

— Я не пью, — отмахнулся Валерик.

— Не пьёшь — так выпей, светлее станет. Будешь как все. Или в «танчики» иди поиграй с Сержиком: компьютер свободен.

Валерик действительно не пил: то ли за руль ещё садиться, то ли здоровье: бледненький какой-то он, слишком беленький «брат бледнолицый». Карэн по сравнению с ним — негр.

Приёмный сын и отчим зовут друг друга по имени. Да и внучатые племянники называют своих тётушек, Наташу и Татьяну, по именам. Странно как-то. Даже его, деда, внучата называют дядей.

— Да нет, я — ничего. Я просто о том, что гостить не жить, — то ли извинился, то ли укорил Алексея Валерик.

— Валера! — повысила голос Наталья.

— Мне что, собрать манатки и уйти к друзьям? — взвился Алексей.

— Дядь Лёш! — встала из-за стола Татьяна.

— Мам-мам! Котлету! — как двое из ларца возникли приёмьши Артём и Тимур.

— Брысь отсюда! — прикрикнула на них Надежда. — Нате! Брысь! Успокойся, Лёш!

— Я могу уйти, но я не уйду, Валера: это мой дом. Был и есть. И на всю жизнь останется моим. Я здесь жил, когда вас не было и в помине: ни Надежды, ни Тани, ни Наташи. Тем более тебя, Валерик. Не съездил бы Василий в Спокойную, не нашёл бы Надежду свою — и не было бы вас. Никого. Мы с братом Николаем уехали отсюда, оставили Василия с родителями. А если бы не уехали? А если бы стали претендовать на дом? Так что извини, Валерик.

— Всё, всё, всё! По местам! — скомандовала Надежда. — Лёш, наливай!

И тут выскочил из дома Сержик, общий сын Натальи и Валерика:

— Пап! Пап! Я сейчас чуть не проиграл! Думаю: ну всё — пропал! Сейчас появится Спайдермен и, наверное, будет сражение!

Сержик — точная копия Валерика: сублильный, беленький; он волнуется, даже задыхается от волнения:

— Но я вспомнил, что я в креативе, у меня много жизней! Меня даже не ранят: он меня не видит! Меня никто не видит!

— Я вижу! — смеётся Наталья. — Иди сражайся.

Молча выпили. Алексей вытер губы:

— Вот и я в креативе, Валера. У меня много жизней: и здесь, и там.

— Да ладно, успокойтесь, — Надежда снова наполнила рюмки. — Если бы не Валера, нам бы туго пришлось. За мужиков в доме!

На этот раз и Валерик пригубил.

Конечно, несладкой сложилась жизнь у Надежды и её дочерей. Крушение планов, смещение целей покрылись коркой терпения и компромиссов, а то и поросли билью. И пришлось не строить жизнь, а пристраиваться к ней. Печаль и утраты вынуждали смирять свой пыл и норы и жить как можно, а не как хочется.

На навес с грохотом упало сразу несколько яблок. Они прокатились по навесу и упали в соседний двор.

— Спилю её, надоело! И днём и ночью гремит. А яблоки — соседям. А они не знают, что с ними делать. Как чужая.

Валерик лениво, без аппетита, жуёт мясо, смотрит в одну точку и добавляет:

— И машине мешает.

— Эту яблоньку лет пятьдесят назад посадили: Таня родилась, — сказал Алексей. — Тогда не мешала. Да нет, я понимаю, вижу: вон сколько тобой по дому сделано: и забор, и ворота, газ провёл и навес, кстати, сделал... Понимаю. И спасибо тебе за это. Всё так! Но как-то... поделкатней, что ли, надо, жизнь ведь...

— Ну что: ещё по махонькой?

— Нет, нет, — запротестовал Валерик, — я к Серёжке, посражаюсь.

Солнце зашло и сразу стало по-осеннему зябко. Таня с Наташей убрали со стола посуду и разносили «по хатам»: в дом, где жила Наташа с Валериком, и во времянку, где всю жизнь жили отец с матерью, а теперь — Надежда. Включили свет над столом, под виноградом, и всё сразу преобразилось: стало уютней, мягче, интимнее, что ли.

— Хорошие у тебя девчата, — говорит Алексей Надежде, наблюдая за племянницами, — ладные, красивые, работающие.

— Хорошие, только имена дурацкие: Татьяна, Наташа. Да и Настя... Т-т-т: всю жизнь спотыкаемся.

— Сама же назвала!

— Сама, сама... Вон и мать твоя тоже — Наташа... Что за жизнь — мука.

Алексей обнял хозяйку:

— Теперь-то будем надеяться на лучшее. Так, Надежда?

— Будем, будем: надеяться не работать, не трудно. Только от судьбы не уйдёшь.

Пожалуй, что и так. Это как от утра до утра, от дня прошедшего до дня завтрашнего, от года к году и от судьбы к судьбе: всё ясно и неведомо, радостно и страшно. И не выскочишь из пространства этой странной энергетики, не покинешь его, не сделаешь так, как

тебе хочется; и в то же время никто не осилит твою волю, не перечеркнёт её, так как все магнитные линии уже начертаны жизнью. И будут женщины влюбляться и плакать, терять своих мужчин и падать от горя и безысходности и вновь будут расцветать и становиться желанными, как эти падающие яблоки. Или нет?

— Всё, — Наташа поставила на стол чайник и чашки, — закончили. — Сейчас Валера отвезёт Таню с детьми.

— Прямо сейчас? — удивился Алексей.

— Да здесь полчаса езды, — объясняет Таня. — Да и дети куксятся, а здесь с ними вы не отдохнёте.

Валерик с Татьяной уехали, Наташа пошла укладывать Сержика, и Алексей с Надеждой остались одни.

— Вот ты попрекаешь меня за Таню, — Надежда задумчиво помешивает ложечкой чай, — а сколько я с ними намучилась? С ними да с внучатами... Девчонки и работают, и учатся, а я с малыши. А утром тоже на работу. Никакая приходила домой. Везде — одна. Василий и свёкр в один год ушли — хоть вешайся. Насте — два, Карэну семь лет. Как гири. Наташа хоть здесь училась в пединституте заочно, дома, да и Карэну было уже семь лет, большой. А Таня-то в Краснодаре училась. Денег не хватало, еды тоже... Я принесу остатки, что дети в доме ребёнка не доели — и рады. Что ты! Как выжили — не знаю.

Надежда наливает водки себе и Алексею:

— Давай! Чтоб не было того, что было.

Выпили.

— Я так толком и не понял: почему Таня и Наташа разошлись?

— Почему... Потому! Наташка бойкая была, а время такое... Бывало, сижу дома, как подумаю, что там с Наташкой — сердце останавливается, дышать нечем. Общим, залетела она от армяна, а тот в кусты. Вася — к нему: убью, говорит, женись! Зарегистрировались. И разбежались. Уехал муж куда-то. Присылал крохи на Карэна. А Таня... Хохла какого-то себе нашла, торговал на базаре. Карэну было уже четыре, нет — пять, когда появилась Настя. Ну, этот регулярно алименты платил. Через два года мы похоронили наших мужиков. И остались четыре бабы во главе с Карэном-казаком.

— Да-а...

— Может, чаю?

— Нет, спасибо.

— А ты говоришь... Нужда въелась, как... не знаю... ржавчина. А эти двое, приёмные, не руки — жизнь оторвут.

Громко в тишине прогрохотало упавшее на навес яблоко и скатилось во двор соседей.

Алексей поднялся:

— Спокойной ночи.

3. Настя

...Мама выпрямляется, фартуком вытирает лицо и, приставив козырьком руку к глазам, смотрит вдаль. А в другой руке — серп. Он ещё влажен от травы, и лезвие зеркально сверкает и ослепляет как молния.

На маме белая косынка, охватывающая лоб и завязанная узлом на затылке, кофта в горошек и тёмная юбка. Вокруг знойная даль и солнце. И звучит песня маминым голосом: «По-над лугом зелененьким».

Мама поворачивает лицо к Алексею, протягивает к нему руку, в которой оказывается стебель сурепки, и говорит, не размыкая губ:

— На, съешь, утоли жажду.

— Я хочу яблоко, — отказывается Алексей и отворачивается от мамы.

Мама истает, растворяется в июльском мареве, а на месте, где она стояла, возникает яблоня. Возле яблони Валерик с топором, вокруг женщины под мамино пение водят хоровод: Надежда, Татьяна, Наташа, Настя, дочь Алексея Валя и его внучка Оля и ещё, ещё... «Брала вдова лён дрибненький...»

— Ешьте яблоки, — приказывает Валерик, — а то срублю!

— А они — райские? — спрашивает Надежда.

— Они — русские, — отвечает Валерик. — Райские — для Ев.

«Вона брала, выбирала...»

— Мы ещё не выбрали, — смеётся Татьяна.

— Дай попробовать, — требует Наташа.

— А мне вот то, красненькое, — просит Настя.

Гремит гром неизвестно с чего в ясном небе, женщины прячутся под крону яблони, а Валерик поднимает топор.

...Алексей просыпается и, не открывая глаз, слышит, как на навес падает очередное яблоко. Что их не собрать, яблоки? Говорил ведь: «Пусть детвора с навеса снимают яблоки. Всем на пользу». Валерик затаённо молчит, и Алексей подозревает (не без основания), что он спилит яблоню, как только Алексей уедет.

Алексей открывает глаза: уже светло, и сквозь ставни пробивается солнце.

Он уже две недели здесь. С погодой повезло: всего дважды шёл дождь, но он скорее освежал, чем охлаждал по-летнему тёплые дни. Алексей всё успел сделать: обелиск на могилу маме заказал, к Тане в гости съездил, родню обошёл, друзей и даже на море побывал. А завтра уезжает.

Он встал, оделся, вышел во двор. Просто удивительно: до сих пор тепло.

— Доброе утро, дядь Лёш! — это Настя.

— Доброе, доброе! А где род людской?

— Судьбу испытывает, — смеётся Настя. — Кто где: работа, дела — будни.

— А ты?

— А я — на хозяйстве, у меня отгул. Так, отпускник: личная гигиена и на завтрак, — приказывает Настя.

— Я утром не ем.

— Вот те на! Нельзя так в вашем возрасте.

— Я уже неисправим, как памятник.

— Тогда я в магазин.

Настя уходит.

Что же, чёрт возьми, происходит? Ведь всё будто бы хорошо у всех: всё наладилось и живёт-катится, чего же ещё? Но что-то томит и угнетает, вынимает душу насквозь, и нет тебе тепла и облегчения. Вот и сон этот: что это?

Алексей поднимает яблоко, протирает, откусывает. Вечная (неизбывная!) судьба причаститься добру и злу, вкусив райского яблочка. А потом жить, бунтуя и смиряясь, обретая странную гармонию в противостоянии и борьбе.

В полдень Надежда позвонила Насте:

— Накормила отпускника?

— Отказывается, бунтует.

— Он такой. Борщ ему разогрей и котлеты. Молоко в холодильнике.

— Вот, получила инструкции.

Настя со свадебным платьем в руках крутится у зеркала.

— Красивое? — спрашивает она у Алексея.

— Роскошное!

— Три года примеряю.

— Зато оно тебя в форме держит. Извини.

Настя зыркнула на Алексея и сказала безо всякого перехода:

— Опять здесь, у школы, армяне подрались. Прямо ужас. Машину мужику разбили. Он сбежал, а они — машину. — Повернулась к Алексею: — Хорошо, дядь Лёш?

— Прекрасно. А что драка-то: вчера что-то не поделили, а сегодня?

— Второй тайм.

— Слушай, Насть, ты же говорила, что никогда не выйдешь замуж за армянина. Влюбилась?

— Так это же Ромка! Какой он армянин? Он же — гусар Кавказа!

— Странно звучит.

— Ну, он же русский, как Багратион!

— Даже вот как? Тогда конечно.

— Я-то ничего, а вот Юлька!

Юлька — соседка и подруга с детства.

— Юлька говорила: «Если и выйду за кого замуж, то уж точно не за мента, тем более за Козлова». А вышла именно за Козлова! Представляете? Мало того, — Настя поворачивает смеющееся лицо к Алексею, — именно за по-ли-цей-ско-го! Вдохновляет? Правда, он «краповый берет». Ой, я же борщ разогреть должна вам! Держите!

Она бросает платье Алексею и бежит во времянку.

Года три назад Виктор, второй муж Тани, погиб, разбился на машине. Ровно за месяц до свадьбы Насти и Ромки. Свадьбу отложили. Настя билась в истерике, сутки не снимала с себя вот это свадебное платье. Потом сказала Ромке: «Уходи». Что к чему — непонятно, её не трогали: не корили, не увещевали. Через месяц она выпила залпом стакан водки и

сказала: «Всё». И опять непонятно. Но к Новому году отошла, и на свой день рождения, в Крещение, стала почти прежней: ровной, умной, красивой.

А свадьбу перенесли на лето.

А летом, за месяц до свадьбы, умерла бабушка Ромки. Мистика какая-то! О свадьбе больше не говорили. Табу.

— Живите так, — вздохнула Таня, — живут же люди.

Но через год, ровно через год (!) Настя ушла от Ромки. Почему — не сказала, молчала. Но в соцсетях записала: «Цени тех, кто терпит твои вечные психи». Ромка избегал встреч с родней Насти, только с Карэном виделся на работе.

И вот — свадьба на ноябрь. Знал бы Алексей об этом, передвинул бы отпуск.

Нет же, молчали. Хотя понятно почему.

— Зачем в ноябре? Грязь месить, — ворчливо жаловалась Надежда Алексею. — Ни зима, ни лето, так...

— Причём тут грязь? Не дома же. Кафешку какую-нибудь снимут.

— Кафешку-...уешку... Сами бы... Деньги лишние, что ли?

— Да ладно тебе, Надь! На свадьбу, поди, заработали.

На другой день Алексей поговорил с Настей и Ромкой.

— Отпразднуйте после Святков: на твой день рождения, Настя — на Крещение. На Руси самые счастливые свадьбы игрались после Святков. Это же здорово, Ром!

Засомневались ребята. Пусть думают. Не вредно.

4. Покров

В субботу, на проводы Алексея, собралась та же команда, что отмечала и его приезд. Да позвали ещё и его одноклассника, кума Надежды — Владимира Тимченко. Алексей заходил к нему в гости, а теперь вот вроде ответное приглашение.

Тимченко принёс полотняный мешок чищенных грецких орехов:

— На вот, Самоня, орехи. Грызть будешь для ума, если есть чем грызть. Или внукам-балбесам отдашь.

Фамилия Алексея — Самонин, и в школе у него было прозвище «Самоня», а у Тимченко, соответственно, — «Тимоня».

— У меня, Тимоня, умные внуки.

— Вот и закрепляйте, этот, как его... инти... инти...

— Интим, — подсказал Карэн.

— Дуртим, — осадил его Тимченко. — Не знаешь, так помолчи. Хотел умное слово сказать, да ума не хватило.

— Кому, вам? — обиделся Карэн.

— Мне, мне. Хотя у тебя его тоже не лишка. Интеллект — во!

И снова, как две недели назад, накрыли стол во дворе: странно, но день выдался тёплым, даже немного душноватым. А ведь сегодня — четырнадцатое октября. И Алексей не преминул напомнить об этом в застолье:

— Погода какая-то необыкновенная: когда октябрь здесь был таким?

— В честь вашего приезда, дядь Лёша, — улыбается Таня.

— Чаще приезжайте и погоду с собой привозите, — добавила Наташа, — за вас!

Выпили.

— Бакс, морда! Обнаглел! — это Наташа своему пекинесу, выхватившему кусок из рук Сержика.

— Американцы — они такие, — отреагировал Тимоня. — Не то что...

— А у нас уже первый снег, — задумчиво произнёс Алексей. — Через месяц ляжет окончательно. В старину девушки говорили: «Батюшка Покров! Покрой землю снежком, а меня женишком!»

— Прямо так и говорили: «женишком»? — удивилась Настя.

— Именно так. Потому что пришло время свадеб. Полтора месяца до Филипповского поста, а потом — только после Крещения.

— Понял, женишок? — повернулась Настя к Ромке.

— Что — понял?

— Когда свадьбу играть?

— Когда скажешь.

— Вот я и говорю: январь. Новый год — новая жизнь. Мой день рождения и день рождения семьи. Вот тогда у нас и будет покров с женишком. — Она со значением посмотрела на Ромку. — И мы с Ромкой приглашаем вас, дядь Лёша, на свадьбу.

— Спасибо.

— А Покров — он кто? — спросил Ромка. — Нет, ну почему так говорят?

— Это — Мать Божия, темнота, — поднял палец вверх кум Тимченко.

— Как это? Покров — он, Покров — Мать Божия?

— Покров — это просто платок, — уточнил Алексей. — Есть легенда о том, как Богоматерь спасла христиан. Много веков назад мусульмане взяли в осаду Константинополь. А там — христиане. Они бы все погибли. Но Богоматерь накинула свой платок, «простёрла покров» над горожанами и как бы спрятала их. И мусульмане ушли. В честь этого спасения и учреждён был праздник Покрова Божьей Матери, или коротко — Покров.

— Вот и я говорю: Мать Божия, — снова поднял палец Тимоня.

— Получается, что сегодня праздник! Валера, наливай! — распорядилась Надежда. — За Покров!

Ближе к вечеру с запада надвинулись тучи, тёмные, беспросветные, и закрыли солнце. Этот тёмный вал разрастался, охватил полнеба и двигался на восток.

— Как бы дождя не было, — встревожилась Надежда. — Давайте потихоньку перебираться в дом. Наташа, Таня, накрывайте там стол.

Небо на востоке побелело и на землю опустился странный свет: будто невидимое солнце осветило землю. И свет почти физически ощущался белым и в то же время каким-то потусторонним. И если существует понятие «белый свет», то день и небо над ним сейчас были его реальным воплощением.

Сильный порыв ветра сквозанул по кронам деревьев, срывая стаи листьев, шумом и свистом предвеля бурю. Яблоки посыпались на навес как из корзины, пугая своим грохотом белый свет.

И вдруг стало тихо.

— Дети — все во времянку. Тань, ты с ними? — спросила Надежда.

— Конечно. Давайте быстро, быстро, — поторопила Таня малышню. — Все в дом и никому не выходить!

Полыхнула молния и грянул гром. Где-то зазвенело разбитое стекло.

И хлынул дождь.

За стол не садились — смотрели в окна, и второй разряд молнии застал людей врасплох. Все, кто стоял у окна, выходящего на улицу, отпрянули, инстинктивно закрыв глаза. И обрушился гром. Молния ослепила гостей настолько, что потом ещё несколько минут они восстанавливали зрение: тёрли глаза, моргали, трясали головой — приходили в себя.

— Я ослеп, — пробормотал Ромка.

— Это от счастья. Я здесь! Ау! — Настя встала на цыпочки и поцеловала Ромку.

— А у меня рука отошла! — воскликнул Тимченко. — Рюмку не мог поднять правой рукой, а теперь — туда, сюда, туда, сюда — чудо!

— С двух рук будешь пить, — сказала Надежда, промокая салфеткой слезящиеся глаза.

Алексей с Валериком, смотревшие в другое окно, вышли на крыльцо. Дождь стоял стеной, а резкий запах озона пронизывал, казалось, насквозь. За воротами, на улице, дымил и парил ствол старого тутовника: видно, в него ударила молния.

— Ни хрена себе, — пробормотал Валерик.

И эта фраза вместила в себя всю невероятность случившегося: а если бы молния ударила в навес или в дом — даже представить жутко, что было бы.

Тёмные свинцовые тучи уходили на восток, клубясь и закатывая белый свет. Было темно и страшно. Но вот на западе стало светлеть, и душа обмякла и перестала рыскать. А потом и золотой луч вечернего солнца прорвался и дождь как рукой отвели: ушёл вместе с тучами на восток.

«А сон-то был в руку», — подумал Алексей.

На крыльцо стали выходить участники застолья.

— Что это было? Просто ужас! — Настя вместе с Валериком вышла за ворота. — Вот тебе и Покров Божьей Матери.

Ствол тутовника был расколот и слегка парил. Крона обгорела и была чёрной. Валерик стащил с дороги на тротуар обломки, посмотрел на дом и снова повторил:

— Ни хрена себе...

— Ещё бы чуть-чуть — и в дом. — Настя стояла с прижатыми к щекам ладошками. — Господи!

Стали подходить соседи:

— Господи, что делается!

— Как вы, ничего?

Валерик молча помотал головой.

— Живые пока, — вышла из калитки Надежда. — Заходите, Настя.

— За это надо выпить, — предложил Тимоня и поднял правую руку, сжатую в кулак: «Но пасаран!»

— Пошли, пошли, — развернула его Надежда.

Всё — расстроилась балалайка: не звучит. Какую песню ни возьми — всё не в лад. И хотя рука держит стакан, и мелодия ещё помнится — нет, не принимает душа прежней песни.

Радоваться надо бы: беда мимо прошла, а вот нет, даже на улыбку сил не хватает. Гости подавлены, находятся в каком-то послешоковом оцепенении, будто жизнь из них извлекли. И только детям весело и не страшно.

— И тут как бабахнет!

— А Тимур — под кровать!

— А мне не страшно было. А тебе, мам, страшно? — спрашивает Сержик у Наташи.

— Нет. Мы же в креативе были, и молния нас не увидела, — отвечает Наташа и прижимает Сержика к себе. — Мы спасены.

— Ну что — стремную? — уловил настроение кум Тимченко. — Смотрите, как правая-то у меня!

— Давай, — вяло поддержала его Надежда.

— Да что вы, как эти... Жили и будем жить!

Будем, будем — куда мы денемся. Прав Тимоня. Без веры душа пуста и голодна, как без радости и надежды. Конечно, будем.

Но не даёт покоя вопиющее неравенство: великая малость человеческого существа и великое множество бед и тревог в его судьбе, их повторяемость и цикличность. Не утешает и то, что беды и тревоги конечны и на смену им приходят радость и счастливая жизнь.

Пора готовиться к новому циклу.

И горе, и счастье назревают и созревают естественно, как плоды, и скатываются в другую судьбу, меняя чужую жизнь. Иногда даже кажется, что они растут из одного корня, имя которому — человек.

Ах, как хочется, чтобы периоды бед были короче, а счастливых дней было больше. Дай-то бог! И пусть яблоки падают и падают, до Покрова и далее, насколько возможно.

Поздно вечером вызвали такси. Таксист-армянин почему-то спросил Алексея:

— Куда!?

— Домой, на вокзал.

На вокзале Алексей отослал телеграмму по адресу, который только что покинул:

«Будьте счастливы!»

г. Челябинск

Людмила Пичугина

Встреча на переломе

(очерк)

*Светлой памяти Любови Александровны Шкериной
посвящаю*

62

Трафарет № 4(44) - 2020

— Сходи в Дом народного творчества, — посоветовала Марина Никольская. — Там персональная выставка Любы Шкериной.

Я вернулась в девяностых годах в родной город из длительной отлучки. Более чем двадцать лет жизни по военным гарнизонам. Из отделившейся Эстонии выезжали насовсем.

Не увижу больше я камень из воды.
 Не услышу плеск её — лишь в душе следы.
 В гарнизоне «Палдиски»
 Осталась дочь-художник.
 Разрыв страны,
 Разрыв семей по живому.
 Депрессия. Что может «лучше» быть!
 Ведь это знак, что надо что-то изменить.
 Депрессия — я не могу писать.
 А я пишу — «депрессия» опять.

На выставке я ходила от картины к картине, и мне казалось, что это нарисовали много разных художников. С автором я не была знакома, но захотелось написать отзыв — «Синяя птица Любы». Из местных художников я никого не знала, кроме Евгения Васильевича Никольского. Я занималась музыкой у его жены. Бывали уроки у Никольских дома. Вскоре Марина Никольская познакомила меня с Валентиной Соловьевой, работавшей в то время в доме народного творчества. На Валентине лежала ответственность за подготовку всех выставок. Меня часто приглашали на их открытие. Так я познакомилась с художниками родного города. Часто выставка или отдельная картина затрагивали эмоции настолько, что отзыв рождался моментально. Иногда приходила на выставку по нескольку раз, всё смотрела и писала.

В то время я работала в ЮУрГУ, общалась со студентами, которые по возрасту были близки моим детям. Сын женился и служил на Украине, дочь вышла замуж в Эстонии. Годков мне было только-только за сорок пять, цветочки были позади, а ягодки были далеко не сладкие. И весь неизрасходованный потенциал, предназначенный природой детям, вылился на чужих детей. Я была куратором в группе первокурсников. Дети только что из школы, реденько попадались ребята, отслужившие в армии. Команда КВН сплотила не только группу, но и весь первый курс. «Наследие» — так назвали ребята команду. В песне, которую они пели, были такие слова: «А мы наследие / Наследие страны / А может быть, и нет, / Кому какое дело».

Как остро ощущала молодёжь, что после распада страны, в которой они родились, были октябрятами и пионерами, до них никому не стало дела. Наступил период выживания всех и вся.

Что же нас сблизило с Любой? Обе росли в одну эпоху? Профессия должна быть серьёзной, весомой. У обеих политехническое образование. Но Люба в детстве рисовала, а я занималась музыкой вплоть до первого курса музыкального училища. Политех, замужество, гарнизон. Политех, УралАЗ, муж — врач. Что общего? Да, у обеих по двое детей, один город, одна природа. И самое главное — поиск. «Я Водолей. Я выбираю» — писала я тогда. У меня — дворовый театр «Балаганчик», работа с детьми из неблагополучных семей. У Любы — «Теремок». Дети благополучные, некоторые ходят и занимаются вместе с родителями. Но дети одного возраста. С моим «Балаганчиком» рисованием занимался художник Борис Захаров. А посоветовала его пригласить Шкерина. Так мы жили и работали в конце «лихих девяностых», волонтёры и энтузиасты.

Куда уходит культура?
 Уходит в небытиё?
 Культура — макулатура?
 А где же наследье моё?
 Где вы мои истоки?
 Где ТЫ, великий народ?
 Зачем подставляешь щёки
 Тому, кто ударит вперёд?

Мои взгляды разделяли далеко не все. Но в Любе и Борисе я находила единомышленников. Из моего отзыва о «Теремке»: «На фоне агрессивного и беспокойного пространства действительности — добрая и вечная философия наших этнических корней. «Видение Хасана» и «Здоровье наше» (рисунки детей) — готовые иллюстрации к хорошей детской книжке. А светло-сиреневое воздушное существо нужно было назвать «Воздушный дракончик», совсем не ужастик, а очень удивлённый, даже застенчивый. Он чем-то напоминает мне доброго волка из мультфильмов. Это всё говорит о том, что мир дети видят с точки зрения добра, и все явления, которые высвечиваются этим фонариком, добрые. Спасибо, что есть «Теремок», и его руководитель, место и человек, распространяющие вокруг себя свет (25.10.2002 г.)».

Из другого отзыва (о работах Шкериной):

Мой узнаваемый Миасс
 С «Зелёной улицей» и домом,
 Островом Веры. А подчас
 Он смотрится как незнакомый:
 Где голубая та скамья?
 А где тропа у нашей речки?
 Здесь! Здесь зеркальная струя
 Для наших душ...
 Кисть мастера бросает цепко
 И настроение и мысль.
 Ты «Прихожанка» в этом мире,
 Поэтому живи... борись!
 (9.02.15 г.)

Жила и боролась Любовь Александровна до конца.

В новом веке у Любы было художественное отделение в школе искусств, а я продолжала волонтерствовать. Общество инвалидов, ЛИТО «Метроном», ЛИТО «У камина». Выяснилось, что Люба пишет тоже. На литературном семинаре она успела зарисовать участников в свой рабочий альбом. В юбилейном сборнике «Малахитовое слово» есть и её проза.

Уже нет с нами многих, кто не дал культуре превратиться в сплошную макулатуру и попсу.

Уходят вдаль друзья, уходят понемногу
 Их иногда выходим провожать.
 А есть такой уход — дорога прямо к богу.
 И этому не следует мешать.
 Так пусть они идут в широкие просторы.
 Мы втайне на земле помолимся за них.
 Уходят вдаль друзья, светлы их коридоры.
 Отдай в дорогу им свой выстраданный стих.

Разговор с памятью

1. Праздник для души

26 января — мой день рождения. Как отметить это событие, памятное для моих дорогих усопших: тётки Ольги и её старшего брата, моего отца, пиливших дрова на морозе? День был солнечный. В старом поповском доме в селе Чёрном Чебаркульского района Челябинской области священнодействовал местный ветеринар, отдавая приказы моей бабушке Марии, матери отца. Я находилась в тёплом гнёздышке у родимой матушки и не собиралась его

покидать ещё долго. По свидетельству тёти Оли, они с отцом сильно промёрзли, это при условии, что «топор лучше шубы греет». Роды начались, видно, затемно, тётка ревела, лёжа на печке: «Ой, Вера умирает...» Вот и вся история моего появления на свет.

Мне уже восьмой десяток, где-то в Швеции скоро родится моя правнучка. Дочь с детьми там. Мне же нравится провести свой праздник в окружении современных писателей здесь. Купить книжку у самого автора с дарственной подписью. Олег Николаевич Павлов проводит четвёртый год презентации книг, вышедших в свет за прошедший год. Всё это происходит в библиотеке имени Пушкина в городе Челябинске. В прошлом году это прозвучало для меня как новогодний подарок, поскольку накануне Нового года всё происходило. А нынче это была встреча друзей: «потому что день рожденья только раз в году». Новым для меня было наличие переводной литературы. Читая раньше переводы Маршака или Пастернака, понимала, что с ними уже не познакомиться, «поезд ушёл». А тут тебе живой переводчик может подарить свою книгу с автографом. Ну кто я? Книгочей? Книголюб? Любитель мероприятий для души — Людмила Пичугина.

2. Последний рубеж

Что мы можем написать о войне? Мы, родившиеся после Победы? Мы можем писать только о тех, кто с неё вернулся живым, кого мы видели, с кем жили. Вспоминать это тяжёлое время — это всё равно, что срывать повязку с гнойной раны, резко, чтобы причинить как можно меньше боли. И в своём счастливом послевоенном детстве я помню только, что об этих событиях старались забыть. Дать зарубцеваться ранам душевным. Послевоенных детей старались учить, дать высшее образование, развивали, учили петь, рисовать, танцевать. И не «чему-нибудь и как-нибудь», а ещё с бóльшим усердием, чем в период предвоенный. В школе часто можно было увидеть учителя с одной рукой или с протезом. В институте был слепой лектор, горел в танке.

Я же долго не знала, что у меня отец тоже инвалид войны. Он, видимо, это не афишировал. Передо мной миасская газета «Глагол» за 10 мая 2018 года, публикация В. Зубкова «Осталась память о войне, застыли слёзы на щеке...» и открытка без адреса, видно, прислана в конверте. «Уважаемые Леонид Ильич, Вера Андреевна, Людмила Леонидовна, ваши внуки!.. Леонид Ильич, получили от вас поздравление. Большое спасибо. Узнали о постигшей вас беде. Очень сожалеем. Будьте таким же мужественным, как в годы войны, ведь благодаря вам выстояла наша родина. Мы надеемся на лучшее, чтобы вы смогли бороться и дальше за лучшую жизнь ваших детей и внуков. С уважением к вам Сидорова Анастасия Исаевна, Нина, Тамара и наши дети и внуки».

Положив рядом эти два документа, вдруг понимаю, что Сидорова Анастасия — это жена капитана Ф. Сидорова, о котором в газете написано. Значит, папа нашёл семью капитана, занимаясь поисковой работой. «Узнали о постигшей вас беде» — значит, знают, что папе была сделана операция. «Примите от нас сердечные поздравления с Новым годом, с Рождеством. От всей души желаем вам здоровья, много-много счастья!» Слёзы прозрения, что это поздравление с его последним Новым годом, застилают глаза. Значит, написаны эти строчки через четыре месяца после операции. Жить остается в этом году, может быть, ещё меньше. Чем же папа живёт этот период? Прозрения продолжаются. Он живёт надеждой: ему надо дожить до Дня Победы. Так он решил. Вера! «От болеутоляющих уколов отказываюсь — хочу сохранить ясное сознание. Я знаю правду, врачи дочери всё объяснили». До самого конца под его диктовку мама писала поздравления с праздником его однополчанам и ветеранам послевоенных встреч фронтовиков.

Хоронили отца 11 мая. Был очень жаркий майский день. Народу провожать в последний путь пришло очень много, как на демонстрацию. Ушёл на операцию не учитель-пенсионер, а солдат Сталинградской битвы. Больничный листок отнесла в «Дом пионеров», где он работал методистом по краеведению до самого конца. Воспоминания, написанные к 45-летию Сталинградской битвы, находятся в «Музее образования». Фотографии послевоенных встреч фронтовиков — в запасниках и на стендах педагогического колледжа, школ № 16 и № 44.

Выдержка из его «Воспоминаний»: «Последний, 1945 год, училище готовило офицеров для мирного времени. Часто вспоминаю командира взвода Искучекова, комроты Шимаева, старшину Соловьёва, начальника политотдела Березовского... Утром 9 мая после подъёма и физзарядки курсантам-офицерам, сдавшим выпускные экзамены, был объявлен приказ о том, что Германия капитулировала. День 9 мая объявлен всенародным праздником — Днём Победы. Весь личный состав, кроме внутреннего наряда, получил увольнение в город».

Это был первый День Победы 1945 года, и вот наступило время, когда мой отец решил дожить до последнего в своей жизни Дня Победы. В Таллинне у нас был один случай,

когда, узнав о неизлечимости болезни, взрослый мужик выбросился из окна одиннадцатого этажа портовой больницы, ничуть не заботясь о том, что это будет для их родственников и администрации клиники. Но это совсем другое поколение, ослабленное духовно. Мужество отца было понятно своему поколению, а до меня дошло только сейчас, когда я перешагнула его возрастной рубеж.

На памятнике у папы написаны мои слова: «Скорбя склонимся у родной могилы / И память нам подарит жизни силы». И в моей песне «Деревенька» о нём:

Мне любимый отец
подарил свою силу.
Смысл жизни небес
вместе с нею открыл.
Гимны Родине петъ
милой, верной, любимой.
Петъ открыто, легко —
мне достаточно сил.

3. Экскурсия на войну

Идёт по городу май. В разных районах, на различных площадках прошли праздничные события. Дворовый театр «Балаганчик» был на торжественном митинге 9 мая на пишлочном заводе. Восемилетний мальчик Серёжа Корнеев стоял мужественно под дождём, глядя на воинов в почётном карауле, их выправку. Его очень впечатлил настоящий залп из винтовок, настоящий вечный огонь, настоящие ветераны. Мальчик понял, что не только дедушки, но и бабушки были воинами и победили. Моя племянница, шестилетняя Регина, увидела другую сторону события: «Вот теперь я настоящих депутатов видела». На трибуне стояли глава города В. В. Панов, глава старой части города В. М. Лапшина, директор пишлочного завода.

«А почему венки? Что, тут похороны? А кого хоронят?» Вот такие вопросы задавали дети 6—9 лет. И чтобы было кому отвечать на эти детские вопросы, нужно хотя бы небольшими группами приводить детей от школ ли, от детских клубов ли, да мало ли от каких объединений или партий, но детей. «Это нужно не мёртвым. Это нужно живым». Кто объяснит ребёнку, чем отличаются похороны от торжественного возложения венков? Даже дети в 12 лет не знают, что гимн страны нужно слушать стоя. «Что такое минута молчания? Зачем она?» Вот на какие вопросы пришлось отвечать детям. По окончании митинга дети подарили ветеранам книги.

Сейчас племянница Регина заканчивает институт имени Гнесиных в Москве. Корнеевы Сергей и Люба также давно взрослые. Нет с нами давно Бориса Константиновича Захарова, который сделал незабываемые снимки. Волонтерское движение поддерживает власть. Заслуги страны, победившей фашизм, стараются принизить страны, которые не понесли таких колоссальных потерь, как Россия. Непочтение к памяти героев Победы страшно аукнется в поколениях.

4. Наши на сцене

Занятие проходило в большом чертежном зале. Тот, кто помнит расположение аудиторий, поймёт, что это было на втором этаже в кабинете по начертательной геометрии. Группа сдавала зачет по общей химии. Необходимо было показать решенные дома задачи, ответить на вопросы преподавателя, из коих стало бы ясно, что учебный материал студентом усвоен.

— Где твои уравнения? Где решения задач?

Студент в замешательстве отошел от стола и сел напротив преподавателя. На листке ватмана он написал: «Пичугина — сука!»

Сука — это собака женского рода. Это знает даже мой внук. Четырёхлетний Андрей стоял рядом с учительским столом. Он ещё не умел читать, а бабушка Людмила и вверх ногами увидела написанное. Андрей ходил вместе с бабушкой на репетиции и выступления команды КВН. Пробегая сверху вниз по проходам большого зала «Прометей», он кричал: «Наши на сцене, наши на сцене...» Жюри благосклонно воспринимало столь юного болельщика и «нашим» добавляло по баллу.

Парень сгрёб со стола свои вещи, листки и зачётку и вылетел из аудитории. А вместо его бумаг студенты положили перед преподавателем характеристику на него для следственных органов.

— Вы будете подписывать? Староста отказался.

— Конечно, подпишу, ведь я куратор группы. Ведь к химии это не имеет никакого отношения.

Придя из зала заседания суда, Валентин Андреевич попросил зайти к нему в кабинет. «Зачёт по химии не поставила, говорите? Да им авторское свидетельство пора выдавать за изобретение того, что они выделили из конопли! Учитывая ходатайство факультета, даём ему условный срок как несовершеннолетнему». Не зря его одногруппники пели со сцены: «Я многое чего могу, ведь я студент из ЮУрГУ».

г. Миасс

Волжане на Урале

Степные просторы приустьевой зоны в XIX веке принадлежали Оренбургскому казачьему войску. Согласно положения 1832 года, казаки, отличившиеся на военной службе, имели право на получение земельного участка вместо пенсии. Таким правом воспользовались есаул Суров, штабс-капитан Сергеев, сотники Гурьев и Касаткин и другие высокопоставленные военные. Их участки располагались вокруг обширного озера Деньгино.

Как известно, в последней четверти XIX столетия переселенческий поток из густонаселённых районов на Урал усилился. Многие офицерские и чиновничьи земли продавались или сдавались в аренду. Один из таких участков вблизи озера был приобретён переселенцами Поволжья. Крестьяне нескольких деревень Бузулукского уезда Самарской губернии, объединившись, решили искать счастья на Урале. Основу переселенческого обоза составили жители деревни Утёвки: Журавлёвы, Росляковы, Щучкины, Ваньковы, Фомины, Щекаевы, Коньковы, Куликовы, Ковалёвы, Шнуряевы, Цибизовы и другие. К ним присоединились крестьяне соседних деревень: Липовки, Анновки, Канаевки, Гостёвки, Антоновки. Но таких было значительно меньше.

Занимаясь поиском, я встретился с Владимиром Илларионовичем Журавлёвым, которого в районе знают как бывшего начальника «Энергосбыта». Он любезно предоставил мне родословную семьи, тщательно собранную по архивным документам. В ней подтверждалось, что более десятка его родственников, в том числе прадед Иван Иванович и дед Кондратий Иванович, являлись уроженцами поволжской Утёвки.

Старинное село Утёвка раскинулось у излучины реки Самара. Сегодня это рядовой населённый пункт Нефтегорского района, но когда-то Утёвка была волостным центром Бузулуцкого уезда. Основал село в 1742 году казак Селезнёв из соседней крепости. Постепенно сюда съехались жители окрестных деревень, а также переселенцы из Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской губерний.

Село получило широкую известность. В нём проживал удивительный художник-самоучка Григорий Николаевич Журавлёв. Связь талантливого живописца с родом нашего земляка нам неизвестна, но вероятность такая есть. В старинных селениях, живших изолированно, судьбы однофамильцев обречены на пересечение. Картины и портреты Журавлёва высоко ценились и были востребованы. Даже царская семья оказалась в поле зрения художника. Уникальность мастера состояла в том, что он — инвалид с детства, не имеющий кистей рук и стоп ног — создавал свои шедевры, держа кисть во рту. Более чем гражданский художник, Журавлёв был известен как искуснейший иконописец и оформитель церквей. В специально изготовленной люльке его поднимали вверх, где он расписывал стены и купола храмов. Особенно удалась ему своя, Утёвская церковь, возле которой он и был похоронен в 1916 году в возрасте 58 лет. На могильном кресте лаконичная надпись: «Се человек».

Природа Поволжья однообразна. Здесь господствуют пески — последствия разлива Волги и Самары. Постоянные ветры-суховеи иссушают почву. Нелегко даётся хлеб местным жителям. В далёкие 1891—1892 годы случился страшный неурожай. И без того небогатая нива оказалась выжженной дотла. Спасаясь от голода, часть жителей выехала на Урал. Попали в Троицкий уезд на земли Берёзовской станицы.

Нелегко пришлось новосёлам в первые годы. От непогоды спасались в землянках, вырытых на берегу озера Деньгино. Не хватало топлива. Делали кизяк и заготавливали тальник. Чтобы как-то прокормиться, нанимались в батраки на заимки к зажиточным казакам. Выручало озеро, где тайком, где по договорённости с владельцами ловили рыбу. Засеянные с большим трудом поля к осени дали обнадёживающий урожай. С этого и пошла новая жизнь.

В начале XX века в Деньгино насчитывалось 70 дворов с населением 440 человек. Появились ветряные мельницы, увеличилось поголовье скота. Народилось новое поколение — уже уральцев. И хотя впереди ждали новые испытания и потрясения, судьба деревни была predetermined. Южный Урал для бывших поволжцев стал родным.

с. Чудиново

Александр Кибальник

К Шукшину. В Сростки

В Барнаул, столицу Алтайского края, я приехал на два дня раньше начала фестиваля «Шукшинские дни на Алтае». На Алтае, да и в Сибири, никогда не был. Приехал своим ходом, без приглашения, без делегации, бросив все дела и любимую старушку. Девяносто лет исполнилось бы Василию Макаровичу Шукшину 25 июля. Как не приехать? Ведь я знал его лично, проходил режиссерскую производственную практику на его фильме «Странные люди». Тогда я учился в Киевском театральном, на кинорежиссёрском факультете. Бывал неоднократно у него дома, в Бескудниково, на окраине Москвы, в его однокомнатной хрущёвке, купленной на деньги, полученной от издания первой книжки.

Переночевав в гостинице на вокзале, сел на автобус и рванул в Бийск, что находится в 35 километрах от родного села Макарыча. Поближе к Сросткам.

Холмистая, красивая дорога. В большом автобусе всего трое пассажиров, водитель ругается: «Гоняем автобусы пустые». Разговорились. Водитель сказал: «Я из Сростков, знал Шукшина». Молодая девушка, сидящая рядом с мобильником в руке, сказала: «Я тоже из Сростков. Вы знаете, в Сростках есть частная гостиница “Калина красная”, есть и кафе с таким же названием». Попросил её узнать, есть ли места и сколько стоит. Потыкала по кнопкам: «Тысяча рублей за сутки. В гостинице 60 мест». Негусто. Назвала мобильный номер гостиницы. Ещё рассказала историю о том, как её папа и Шукшин напились и пьяные поехали на мотоцикле по Чуйскому тракту, по которому мы ехали. Мотоцикл врезался в легковушку, но ударили её не сильно, дело замяли. Уточню, что знаменитый Чуйский тракт начинается от Бийска и идет в сторону Горного Алтая. Тут-то и снимал Шукшин свой первый фильм «Живёт такой парень» о веселом шофёре-балагуре Пашке Колокольникове. «Есть на Алтае тракт Чуйский — красивая стремительная дорога, как след бича, стегнувшего по горам» — фраза из сценария.

— Вот место, где погиб губернатор края Евдокимов, — сказал водитель.

— Гибель случайная?

— Да нет. Все было подстроено.

Походил по Бийску, сделал кучу фотографий. В Бийске Шукшин учился в автотракторном техникуме, после того как закончил 7 классов в сросткинской школе. Затем вернулся в родные Сростки, сдал экстерном экзамены за 10-й класс и год работал в родной школе учителем русского языка и литературы в 5—7-х классах. В школе он познакомился с учительницей английского языка Екатериной Шумской. Это первая жена Василия Шукшина. Сейчас ей 88 лет и живет она в селе Майма, что в 70 километрах от Сростков. Лидия Федосеева после ВГИКа была направлена на Киевскую студию имени Довженко вместе с мужем-актером Славой Ворониным. У них была дочка, которую она оставила мужу и укатила в Москву. Я помню Воронина — высокий, красивый. Я тогда работал на Довженко.

Учась во ВГИКе, Шукшин женился на студентке Александровой. Ему нужна была московская прописка, иначе после окончания института в столице не оставят. Александрова была красивой. Шукшин снял её в своём первом фильме «Живёт такой парень». Ещё была гражданская жена Софронова, дочь известного писателя Софронова. От Шукшина у неё родилась дочь. Лидия Федосеева стала последней женой.

Шукшин много читал. Это было его страстью. Об этом рассказывала первая жена Шумская: «Всегда ходил с книжкой в руках и очень много читал».

Увлекло кино. В литературный институт поступать не стал. Он уже тогда понимал силу кино. Поступил во ВГИК на режиссёрский факультет к Михаилу Ромму. Он страшно стеснялся своего деревенского происхождения и скрывал его от окружающих. Работал неистово. Говорил: «В жизни у меня есть две любви — мои дочери и работа».

Лично я считаю, что Шукшин был более писатель, чем режиссёр или актёрский режиссёр. Его интересовал прежде всего человек, его душа. А также его Величество Слово.

На съёмках фильма «Странные люди» я обратил внимание на то, что режиссёр не заглядывает в камеру, не строит кадр. «Картинка» его мало интересовала, как, допустим, знаменитого Андрея Тарковского. Вся творческая интеллигенция восхищалась Тарковским. Деревенщика Шукшина в то время просто не признавали и даже игнорировали. Стоит вспомнить слова Владимира Ильича Ленина: «Интеллигенция, особенно творческая, есть говно».

22 июля, в главной библиотеке края имени Шишкова, состоялась конференция писателей, где я познакомился с поэтом Иваном Мордовиним. Оказалось, он окончил ВЛК (Высшие литературные курсы) у бывшего челябинца Валентина Сорокина, знаменитого поэта,

чей портрет я нарисовал и подарил на день 80-летия. На другой день, 23 июля, Мордовин повёз меня на улицу Шукшина к его памятнику на торжественное открытие Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае». Народу тьма. Настроение у всех праздничное. Полиция никого не пропускает. Но благодаря бейджику «Пресса», который мне дали в управлении культуры, прошли. Говорили речи, пели народные песни. Тут я увидел знаменитого сценариста и режиссера Мережко. Он произнес речь и поспешил к машине.

— Мережко, хохла Кибальника помнишь? — закричал я.

— Помню. Извини, спешу!

— Ты улетаешь?

— Нет. Буду до конца. Увидимся в Сростках.

Мережко, как оказалось, был председателем комиссии по проведению фестиваля. По плану, основные мероприятия первые три дня должны были пройти в Барнауле, затем в Бийске, и в последний день, 27 июля, в Сростках.

В этот же день в двух главных кинотеатрах прошёл показ полнометражных конкурсных фильмов, а в государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтай открылась выставка «Произведения В. М. Шукшина на сцене театров Алтайского края».

Вечером, в 18:00, на площади возле театра драмы имени В. М. Шукшина — «Красная дорожка» и автограф-сессия с гостями и кинозвездами фестиваля.

22 июля, перед днём рождения В. М. Шукшина, в драмтеатре был показан спектакль по мотивам произведений В. Шукшина «Калина красная», где участвовали дочь Маша, Сергей Никоненко, Андрей Мерзликин и другие актёры, а также артисты театра «Русская песня» под управлением Надежды Бабкиной.

Из Шукшиных, кроме Маши, больше никто не прилетел. Я надеялся, что увижу Ольгу, младшую дочь. В далеком 1964 году я пришёл к Шукшиным домой, в его однокомнатную хрущевку. Шукшин показал мне свою крошечную дочку, лежащую в качалке со словами, полными любви и нежности: «Сегодня утром на такси привёз из роддома. Назвали Оленькой».

Возле краевого драмтеатра имени Шишкова случайно познакомился с преподавателем русского языка и литературы профессором Парубченко и её подругой, тоже преподавателем, кандидатом наук. Знакомство произошло довольно забавно.

— Где тут у вас можно поесть? — спросил я у женщин. — Голодный, целый день не ел.

— Это далеко да и дорого, — сказала женщина постарше. — У меня есть пирожки в сумке. Давайте я вас угощу.

У меня было полбутылки воды. От предложения не отказался

— Я из Челябинска. Вот приехал на 90-летие Шукшина. Писатель.

— Писатель? А мы преподаем в краевом университете русский язык и литературу. Вот он, рядом.

Женщины повели меня к зданию университета (три здания, стоящие рядом). Сели на скамейку. Пока я уминал пирожки, запивая водой, дал посмотреть профессору свою книжку «Парус за огородом». Опытным глазом профессорша прочитала одну или две странички, сказала: «Нормально пишете». Женщины пригласили меня на форум, который уже проходил в университете.

Форум назывался «Международный научный форум “Алтайский фронт В. М. Шукшина: нравственность, витальность, языковой уклад”. 23—25 июля. Барнаул».

Целый день я слушал доклады ученых о творчестве Шукшина. Узнал много интересного. Например, что предки писателя выходцы из Самарской губернии, а также о происхождении его фамилии. А утром поехал на заказном автобусе с учёными в Сростки. Четыре часа от Барнаула. Сростки оказались большим селом, я-то думал, это маленькая деревушка. Повозили нас по памятным местам: место, где родился будущий писатель и режиссер, где жил, к дому матери, в школу, где учился. Сейчас в ней музей Шукшина. На высокую гору Пикет, где стоит памятник Шукшину, не поехал. Вышел и пошел искать частную гостиницу «Калина красная», что стоит на знаменитом Чуйском тракте. Мне повезло, кто-то только что выехал и крошечный деревянный номерок оказался свободным, куда меня и поселили. Так я оказался в Сростках, в родном селе Шукшина, где он жил до шестнадцати лет.

Потом Шукшин жил в городах Москва, Калуга, Пермь, где работал слесарем на заводах — простой слесарь Вася. Во время съёмок фильма «Странные люди» я как-то спросил у него: «Василий Макарович, в Челябинске были?» — «Был два раза, когда работал в Перми», — ответил он.

В Сростки я приехал в новых туфлях, облазил всё громадное село, натерев кровавые мозоли. Дежурная по гостинице принесла из дома йод и обработала раны. Оставшуюся неделю ходил в домашних шлепанцах.

Вновь пошёл в музей В. Шукшина. Музей находится в большой деревянной школе, где когда-то учился и работал будущий писатель. Смотрю, девушка-корреспондентка

с федерального канала НТВ берет интервью у сторбленной старушки. «Хорошо чешет деревенская бабушка», — подумал я. Старушка оказалась знаменитым режиссёром Ренитой Григорьевой. Здесь же был её муж, тоже режиссёр. С ним разговаривал седой старик. Это был родной племянник Шукшина (род Шукшиных большой). Григорьевы — друзья Шукшина, а Ренита по молодости работала с ним на фильме «Живёт такой парень». Дочь Григорьевых Светлана, тоже режиссёр, показала на фестивале свой новый документальный фильм о великом русском балалаечнике Михаиле Рожкове, дожившем до ста лет (1918—2018).

Пришлось и мне рассказать корреспонденту о своих встречах с Шукшиным в далёких годах юности. Работали также корреспонденты алтайских каналов Барнаула и Бийска. Пришлось и им поведать о молодом Шукшине.

Интересных встреч и бесед было много. Особенно запомнилось открытие фотовыставки известного кинооператора и фотографа Анатолия Заболоцкого. Он единомышленник и друг Шукшина со времен ВГИКа. Как оператор снял два его лучших фильма: «Печки-лавочки» и «Калина красная». Ему 84 года, но неутомимый мастер уже 18-й раз проводит выставки своих работ в России. После открытия выстроилась громадная очередь за автографами и его книгой. Встал и я. Поговорили. Вспомнили Макарыча. Я предложил знаменитому оператору: «Анатолий Дмитриевич, давайте обменяемся книгами. Я вам подарю свою («Я шахтер, мама»), а вы мне свою («Шукшин в кадре и за кадром»). Заболоцкий сказал: «Да я тебе так подарю. А свою толстую книгу “Я шахтер, мама” подари тому, кому обещал». Написал дарственную надпись и подписался: «Сотрудник артели В. Шукшина А. Заболоцкий. 29.07.2019 г. Сростки».

Я похвалил его фотоработы. Особенно мне понравилась его философская фотография на весь разворот в книге: грязная дорога, по ней идет деревенский белобрысый мальчонка, утренняя заря еле-еле пробивается сквозь тёмно-синие грозные тучи. А он идёт. Куда? Навстречу мечте. Прямо в точку, про Шукшина. Я пожалел, что не взял в поездку к Шукшину два его портрета, написанных мною в Челябинске.

Музею я подарил три челябинских газеты с моими воспоминаниями о Шукшине, а также фильм, снятый по его рассказу «Заревой дождь» на Челябинской телестудии.

Анатолий Заболоцкий, как и супруги Григорьевы, каждый год приезжает в Сростки на родину Шукшина, несмотря на почтенный возраст.

В этот же день, в другом крыле музея, состоялось открытие выставки скульптур из дерева томского скульптора Л. Усова — «Шукшин и другие».

Мероприятий, как в Сростках, так и по всему Алтаю, множество: встречи с поэтами и писателями, показ полнометражных фильмов, «ночь короткого фильма», открытие выставки работ фотохудожника Анатолия Ковтуна «Шукшин в фотографиях», фестиваль деревенского юмора «Провинциальные чудики», спектакль самодеятельных артистов «Характеры» по рассказам Шукшина, мастер-классы народных ремесленников «Алтай мастеровой» — гончары, резчики по дереву; выступления гармонистов и многое, многое другое. Целую неделю творцы демонстрировали своё искусство, вдохновленные творчеством своего знаменитого земляка.

И вот последний день 27 июля — закрытие Шукшинских дней на Алтае. Все пошли пешком на крутую гору Пикет. Пошёл и я с больной ногой. Как пишет в своей книге оператор А. Заболоцкий, раньше гора, большой глыбой нависавшая над Сростками, называлась Бикет. Когда произошло переименование — неизвестно.

Дорога тяжёлая, сотни и тысячи людей поднимаются на гору. Слева — сросткинское кладбище. Бабушки идут, отдыхают у могилок с крестами.

Тридцать тысяч собрались на вершине горы у памятника Шукшину. Памятник громадный — 20 тонн весом. Скульптор Клыков — автор памятника Кириллу и Мефодию, родоначальникам славянской письменности. Идею памятника взял из фильма «Печки-лавочки», — последний кадр. Сидит простой русский мужик, босой. Пытливо вглядывается вдаль, в людей, будто спрашивая: «Зачем живём? Для чего живём?» Все стараются прикоснуться на счастье к его пальцам ноги, оттого пальцы на бронзовой скульптуре блестят.

Было много споров о месте установки памятника. Жители хотели поставить его на плоском месте, на развилке Чуйского тракта и дороги на кладбище. Даже родная сестра Зиновьева-Шукшина была против его установки на большой горе Пикет — «Будет сидеть на горе один да еще босой!..» Но благодаря упорству скульптора Клыкова, губернатора Евдокимова и патриотов Алтая в 2004 году громадный памятник, отлитый в бронзе, был установлен на горе. На памятнике крупная надпись: «Василию Макаровичу Шукшину. С любовью русские люди». Пошёл дождь, но люди не расходились. Вот он, сидит на горе. а перед ним — вся Россия.

Вновь «Красная дорожка» для кинозвёзд, выступления ораторов и большой концерт на склоне горы. Я всё же успел подарить свою книгу рассказов и повестей «Я шахтер, мама»

ведущему Мережко. Тут же мэр Барнаула. Спросил у него: «Мой знакомый писатель Шаргунов на выборы в Госдуму шёл от Челябинска. А мне сказали, что он депутат от Алтая. Как так? Разве можно?» — «Можно. Хоть от двух, хоть от трёх округов», — ответил мэр.

Фестиваль «Шукшинские дни» закончился, но я ещё остался на день в Сростках. Сходил к дому на самом берегу Катуня, где в детстве и юности жил Василий Макарович. Спустился к реке, где посидел на берегу. Здесь писатель обдумывал свои рассказы. Прибежали пацаны, с криками бултыхнулись в воду. «Вода холодная?» — «Неа!» — «Дно песчаное?» — «Неа! Каменное!..»

Изумительный вид открылся моему взору: река в этом месте раздваивалась, небольшой островок, на нём тоненькие берёзки, вокруг громадные вётлы. Жаль, нет фотоаппарата — он у меня в последний день сломался. Но я зарисовал это место. Катунь-река, счастливый смех купающихся детей. Жизнь, как говорится, продолжается.

г. Копейск

Нина Кысса

Встреча с медведицей

Было лето две тысячи второго года. Оно выдалось очень урожайным, особенно много было в лесу ягод и грибов.

Я собирала ягоды только в августе, и в один из погожих дней решила пойти в лес за черникой: она как раз налилась. В лес я всегда ходила одна, так как не любила в лесу кого-то догонять, звать: люди разбредались в разные стороны, а потом аукались, перекликались.

Иду спокойно по дороге, а потом свернула на тропинку, идущую в лес через небольшие горки и овраги, в которых протекали речушки и высились огромные серые камни. Камни были высокие и плотно прилегали друг к другу, и вода в некоторых местах текла узенькой лентой. А в местах, где валуны лежали далеко друг от друга, вода разливалась широко, блестя на солнце радужным цветом. Когда я дошла до ягодника, то решила отдохнуть. Попила чаю из термоса, перейдя речку в узком месте, пошла чуть глубже в лес и увидела, что ягод очень много. Начала собирать в корзину не спеша, только крупные, зрелые ягоды, зная, что мелкие и недозрелые к следующему моему приходу созреют, и тут можно собирать не один день.

В лесу неслышно было голосов людей, так как детвора деревенская собирала ягоды возле населённых пунктов — детишки далеко не уходили без взрослых. А я привыкла в лес ходить одна. Отец мой долгое время проработал лесником и часто брал меня с собой, поэтому я хорошо знала лес и не боялась заблудиться.

Вскоре корзина моя почти наполнилась. И тут я рядышком увидела такое количество опять, что, поставив корзину под сосну, стала собирать эти ядрёные, крепкие грибочки. Так как второй корзины у меня не было, я сняла свою куртку и, связав внизу рукава, наполнила их грибами. Получилось, что в каждом рукаве почти по ведру грибов. И груз, конечно, нелёгкий вместе с корзиной ягод и термосом. Но я решила, что грибочки не оставлю. Тем более что они все, как на подбор, сидели семейками.

Итак, грибов я насобирала, куртка моя лежала с раздутыми рукавами. Я решила ещё немного добавить ягод в корзину. Так как черника была спелая, крупная, я быстренько начала собирать её горстями и кидать в корзину.

Вдруг я услышала, как будто где-то блеют овцы. Я подумала: «Откуда тут, в лесу, далеко от деревни, появилось стадо овец?» Звук доносился из-под небольшой горки, перед ней виднелась делянка со свежими пеньками. Я решила, что стадо овец и баранов забрели из деревни и, видимо, заблудились. И тут я обратила внимание, что крупные ягоды черники как бы содраны когтями и кое-где остались половинки ягод. Ещё я вспомнила, что на камнях в овраге, где протекала речка, виднелись черничные лепёшки. Я с ужасом догадалась, что звуки из-под горы издавали не бараны и овцы, это был рык медведя или медведицы. Из рассказов старожилов я знала, что медведи в конце лета наедаются ягод и чистятся перед зимней спячкой. Эти лепёшки на камнях об этом и говорили.

Я схватила корзину с ягодами, перекинула через плечо куртку с заполненными грибами рукавами, и пустилась бежать по тропе к покосу, через который я пришла на ягодник.

Даже сейчас, при вспоминании об этом случае, у меня волосы встают дыбом: я пролетела километра четыре, не помню, за сколько минут, пот застилал глаза. Хорошо, что я ведро завязала своим платком, иначе там не осталось бы ягод, ведь тропка была извилистая.

Когда я вышла на дорогу, мне встретилась семейная пара на мотоцикле с коляской. Они остановились и спросили: где я набрала столько ягод и грибов. А я сидела молча, не в силах, что-либо сказать. Потом ко мне подъехали ещё люди на машине и, удивлённо разглядывая мои трофеи из леса, спросили: где это всё я набрала? Они, мол, ходили и направо, и налево, но ничего не нашли.

Придя в себя после пережитого, я объяснила им, что была в гостях у медведицы, и там очень много и грибов, и ягод.

Я думаю, что мне никто не поверил, потому что смотрели на меня недоверчиво. Потом в деревне охотники мне рассказали, что там, под горой, берлога, и там живёт медведица с медвежонком. И на моё счастье ветер дул с их стороны, а не с моей. Иначе бы медведица меня учуяла, и я бы домой не вернулась.

После этого случая я не стала так далеко ходить одна в лес. Мне тогда стало по-настоящему страшно. Ягод и грибов много, а жизнь — одна, и я решила больше не рисковать.

Случай в садике

Однажды вечером мой трёхлетний сынишка, придя из садика, подошёл ко мне и тихонько, почти шёпотом, сказал: «Мама, сегодня к нам в садик охламоны приходили. Мы сидели в группе и боялись».

На следующее утро я привела сына в садик и спросила воспитателя: «Что у вас вчера было в садике, и что за охламоны приходили в группу?» Воспитательница рассмеялась и сказала, что приезжали сантехники в робах и со шлангами и чинили что-то в подвале, а няня, их увидев, воскликнула: «Куда вы, охламоны, в такой одежде в группу идёте?! Идите через другие двери!» А детишкам сказала: «Сидите тихо, не шумите! Эти охламоны уедут, и пойдём гулять».

Потом в садике долго вспоминали этот случай.

г. Снежинск

Дмитрий Чапаев

Там, в глубине Уральских гор

Там, в глубине Уральских гор,
За острым кряжем Таганая,
Среди уставших облаков
Озёра мирно отдыхают.
В своей прозрачной глубине
Холодным синим отраженьем
Дают покой моей душе,
Смотря в окошечко Вселенной.

Огромный диск малинового солнца садился за горизонт, цепляясь последними лучами за макушки величавых сосен. Быстро смеркалось, лес опускался в тишину ночи. Я уселся к костру, налив похлёбки.

Озеро застыло, его гладь отражала в своем зеркале темнеющее небо. Зажглись звёзды. Я с замиранием следил за происходящим, забыв о еде. Как в сказке, вспыхнули огоньки светлячков над травой. И казалось, что кто-то там бродит, среди деревьев, поглядывая в мою сторону. Огоньки мерцали маняще, статично и бесшумно.

Фыркнул пёс, вырвав меня из оцепенения. Я очнулся, поужинал, выпил чаю и нырнул в спальник. Опершись на бревно, я продолжил наблюдать игру неба в отражении озера. Тишина обволакивала, проникала внутрь меня, растворяясь там светом отражающихся звёзд. Млечный Путь молочной рекой осветил берега. Казалось, реки можно коснуться, зачерпнуть её кружкой и пить.

Пёс улёгся в ногах, накрыв морду лапой, бурча что-то в своём беспокойном сне. Я закрыл глаза, представляя хороводы светлячков, кружащих среди папоротника. От озера тянуло теплом, тело расслабилось, отдаваясь сну...

Горы

— Эге-ге-гей...

Эхо гулко пролетело между скал, удаляясь в ущелье.

— Малыш, теперь ты.

— Нет.

— Ну почему? Крикни, выплесни энергетику.

— У-у-у-у...

— Попробуй.

— Не хочу... Сказала же.

Она кинула грозный взгляд, делая вид, что сердится.

— Я тебя люблю-ю-ю!

Эхо опять подхватило слова и унесло вдаль, отзываясь в ярких красках осеннего леса уральских гор.

— Красиво. Дышать так легко. Жалко грибов уже нет.

— Да, пособирать бы ещё.

Её улыбка дарила блаженство, губы так и хотелось целовать. Она подняла свой носик, закрыла глаза и глубоко вдохнула, как будто хотела взлететь. Горы окружали нас, закрывая от всего мира. Мы стояли на краю обрыва и смотрели на красоту камня; два маленьких человечка — среди этого величия форм и высот рвущихся вверх. Я обнял её со спины и прижал к себе.

— Раскинь руки, дыши. Крикни, не бойся.

Она улыбнулась и сделала, как я просил. Набрав полную грудь воздуха, крикнула:

— А-а-а-а-а-а-а...

п. Увелка

Николай Шукшин

Дом моего детства

Может ли стать счастливым человек, если судьбой уготована ему пожизненная инвалидность? Безусловно, да, если рядом с ним окажутся талантливые, добрые да мудрые наставники — врачи, учителя, воспитатели, просто друзья, способные на основе индивидуального подхода задать ему верный жизненный вектор в лечении, обучении и профессиональной ориентации.

Именно такие люди окружают меня всю жизнь. О некоторых из них — этот очерк. Я посвящаем его 85-летию Кусинского областного реабилитационного центра.

Есть в Кусе дом

По ночам ей еще снятся иногда чум, лицо умершей матери, смуглые лица братьев. По ночам, во сне, она слышит вой ветра, хриплый лай собак...

Она не знает, что к каждому человеку приходит во сне его прошлое, что её прошлое — нелёгкое детство — долго ещё будет напоминать о себе тревожными снами, волновать душу, куда-то звать... И, проснувшись, она снова непонятно отчего замкнется, и воспитательница снова будет обеспокоенно спрашивать: «Что с тобой сегодня, Тамара? Как ты себя чувствуешь?»

А как себя чувствует деревце, пересаженное в другую, пусть даже в сотни раз более плодородную почву? Не сразу закрепится корешками в новой земле, не сразу расправит ветви... Но пройдет время — и потянется молодой побег к солнцу, весело затрепещет на ветру зелёной листвой. Она, конечно же, привыкнет к новому месту, эта девочка из далекого Ханты-Мансийска — ненка Тамара Пяк. Привыкнет к новым подругам, к воспитателям, педагогам. Она их полюбит. И этот детский дом станет ей новым родным домом.

Как стал он родным для меня и моих одноклассников: Рауфа Янзакова, Ларисы Кардаш, Ольги Конопелько, Марины Герман, Тагира Хусаинова. Это было много лет назад. Тогда в кабинете директора интерната Дмитрия Ермолаевича Кудряшова обращала на себя внимание карта СССР со множеством приколотых в разных местах бумажных кружочков возле Иркутска и Архангельска, возле Новосибирска и Москвы, Алдана и Магадана.

Здесь, в этих городах, живут бывшие питомцы детского дома, учатся, работают, растят детей. Есть наши ребята в Ленинграде и Калининграде, есть в Пензе и Ташкенте, во Фрунзе и Хабаровске.

Со всех концов бывшего Советского Союза приезжают в Кусу его воспитанники. Многим и многим людям помог интернат укрепить здоровье, дал путевку в жизнь. Многих детей он исцелил морально — ведь здесь в основном воспитывались ребята из неблагополучных, трудных семей. И сколько душевного тепла, ласки, щедрости другим требуется от тех, кто работает здесь.

История этой девочки, опубликованная в газете «Челябинский рабочий» около двадцати лет назад, поразила многих. Как желанного ребенка ждали рождения Алисы, так на русский лад называли её сверстники, родители, но они же отказались от нее, потому что она родилась без обеих рук. Отец скоро умер. Мать вышла замуж за другого человека и взяла на себя бремя забот по уходу за детьми нового мужа. Несмотря на тяжёлую патологию, в Кусинском областном реабилитационном центре (так теперь называется наш детский дом) Ляйсан почти всё научилась делать сама: шить, вязать, вышивать, лепить, рисовать, полностью себя обслуживать. Всё это она делает с помощью протезов, изготовленных специально для неё по просьбе лечебного учреждения. А иногда производит некоторые из этих действий просто ногами.

Тогда, двадцать лет назад, с помощью редакции областной газеты был организован сбор средств на покупку квартиры для сильного духом человека. Теперь она живет в Челябинске. Шьёт и вяжет на заказ.

Воспитание трудом

В Кусинском детском доме каждый ребёнок мог приобщиться к какой-то полезной для него профессии.

Помню, как однажды в кабинет директора вошла завуч Нина Ивановна Худякова с докладом:

— Провели конкурс юного столяра.

— Ну, и как результаты? — поинтересовался Дмитрий Ермолаевич.

— У пятиклассников отличились Игорь Абросов, Валера Тарханов, Серёжа Инюшкин.

— Выходит, наши проблемные вперёд вышли. Молодцы! — с довольной улыбкой заключил Кудряшов.

Да, озорниками мальчишки были. Водился за ними такой грех. А вот в мастерской трудились с большой охотой. Очень неплохо и быстро вытачивали из дерева нужные детали. Как видно, нравилось им это дело. И стала для них работа по дереву увлечением на всю жизнь. Любовь к делу им привил инструктор по труду, руководитель столярной мастерской, фронтвик Григорий Антонович Шубин — профессионал высочайшего класса, человек добрейшей души. Под его руководством парни чинили старую мебель, своими руками делали столы, стулья, табуреты, полки, шкафы.

Другая группа ребят осваивала сапожное дело. Этому ремеслу их обучал Виктор Сергеевич Карпеев. Мне довелось видеть творения мастеров: туфли и ботинки совсем как фабричные. Они без особого труда справлялись со сложным ремонтом обуви, наладкой протезов и иных ортопедических изделий.

И для Владимира Тимофеева время, проведённое в мастерской, не прошло даром. Окончив ПТУ, он получил профессию обувщика модельной обуви индивидуального пошива. Живёт и работает в Башкирии.

А наши девчонки на уроках труда сидели за машинками в швейной мастерской. Под стрекотание машинок вели неспешные беседы, постигая азы портняжного искусства. Шили бельё, постельные комплекты, платья, блузы, юбки различных фасонов, сарафаны и даже костюмы. Своим мастерством с подопечными щедро делилась педагог Нина Николаевна Варганова. По её стопам пошли две мои одноклассницы: Лариса Кардаш и Ольга Конопелько.

Теперь они портные-закройщицы широкого профиля. Живут и работают в Кургане.

Нет, совсем не белоручки выходили из стен детского дома. Многие его выпускники нашли дело по душе, утвердились в профессии, стали людьми, полезными обществу, родной стране.

На службе милосердия

Детский дом — заведение особое. Здесь мы не только росли, воспитывались, учились, но и лечились. В арсенале медиков имелось для этого всё необходимое. Хозяйкой современного стоматологического кабинета была врач Л. Н. Полянина, педиатрию держал под

контролем главный детский врач района А. Н. Максимов — доктор по призванию, умнейший, добрый, весёлый человек. Службой лечебной физкультуры ведала Е. Д. Копылова, умудрённая жизненным и профессиональным опытом. В её характере удачно сошлись такие черты, как сострадательная доброта, настойчивость, упорство, логичность, доказательность суждений и мягкая сила. В кабинете физиотерапии хозяйничала Н. А. Попова — простая, спокойная, знающая своё дело. Общее руководство медчастью сорок пять лет держала на плечах фельдшер З. И. Соколова — подлинный энтузиаст, стремящийся к знаниям, находящийся в творческом поиске Кавалер ордена «Знак почёта», отличник здравоохранения.

Работы нашим медикам хватало. Они делали детям уколы, давали таблетки, проводили лечебные ванны и сеансы электрофореза с лекарством, накладывали на наши больные руки и ноги теплый парафин и азокерит. В комплексном лечении паралитических заболеваний большое место отводилось физкультуре, направленной на восстановление функций мышц. Особое внимание уделялось восстановлению тонких движений и мелкой моторики кисти, общему расслаблению тела.

Пользу всех методик я познал на себе. До лечения мое тело постоянно находилось в плену судорог. Они лишали возможности внятно говорить и двигаться. Левая рука была развернута в обратную сторону, пальцы её не гнулись. Многочисленными сеансами массажа Екатерина Дмитриевна Копылова вернула кисть в нормальное положение. Пальцы стали сжиматься в кулак, что позволило брать предметы. Сеансы физиотерапии и парафин в сочетании с сероводородными ваннами расслабили мышцы всего тела. Речь заметно улучшилась. А вот встать на костыли не получилось — после неудачной операции ноги мои тело держать перестали.

Не могу не назвать фамилии самых опытных дежурных медицинских сестер. Это Г. П. Овладеева, Г. Г. Зубова, А. В. Мышлянова. Все они прекрасно справлялись с обязанностями, включая сложные состояния.

Однажды, садясь на стул, я не удержался, упал и разбил голову. Постовая сестра Н. П. Бочкарева быстро привела меня в чувство, обработала рану и даже сделала укол от столбняка. Обычные детские травмы были у нас редкостью. Мы отлично знали правила безопасности, а бегая, шибко не разгонялись. Фельдшер Соколова сказала мне как-то: «Наша цель одна — дать обществу не беспомощного инвалида, сидящего на шее государства, а труженика, гражданина, богатого духовно человека, живущего полноценной жизнью».

Дома у Зои Ивановны Соколовой был толстенный альбом. В нём множество снимков. Я их видел. Мне эти лица мало что говорили, а для неё эти мальчики и девочки были частью жизни. Разве такое забудешь? Вот Толя Шейкин. Вуз окончил, а Гена Богданов в техникум поступил. Он хорошо учился и хотел продолжать учиться. А вот Вера Павленко без обеих рук. Родилась такая. Научилась все делать ногами, даже шить. Сейчас она зоотехник, замужем, двое детей. Удивительная судьба!

Она показывает ещё и ещё ребят, вспоминает, волнуется... И, вздохнув, заключает задумчиво: «Такие они, наши дети». Почти о каждом из них, сколько бы лет ни прошло, Зоя Ивановна могла рассказать всю его историю, часто страшную, трагическую. За судьбой многих воспитанников интерната стояли беда, боль, драма.

Цветная семейная фотография: женщина средних лет с красивым спокойным лицом, мужчина, двое детей. О, это тяжелая история была. Её девчонкой какие-то бандиты изнасиловали, под поезд бросили, убить хотели. А она выжила, только ноги отрезало... Как непорочно было после всего пережитого поставить её на ноги, заставить поверить в жизнь! Сейчас работает, семья. Счастье! Муж хороший, красавица-дочка военфельдшером стала, в армии служит.

К счастью, для многих воспитанников жизнь оказалась сильнее того зла, ужаса, которые есть ещё в нашей действительности, которые калечат детей. Вернее, не сама по себе жизнь сильнее зла, а труд, воля, милосердие, сострадание тех людей, в чьи руки попадают дети. Всё это помогают изменить к лучшему «хромые» ребячьи судьбы.

Подтверждением сей истины служит ещё одна история из жизни.

Слово о друге

Тагир Хусаинов — мой одноклассник. Он уроженец Кунашакского района. Его мама скончалась во время родов. У малыша остались отец и два брата. Нам неведомы причины, по которым мальчик оказался в Миасском доме ребенка. Воспитательница Мария Павловна Ашихмина сразу обратила внимание на то, что новичок был умён не по годам. Он легко контактировал с другими детьми, проявлял дружелюбие, мог самостоятельно увлечься игрой, легко обучался бытовым навыкам, рос весёлым, очень любил слушать и напевать детские песни, рано начал говорить. А вот ходить так и не научился.

В 1970 году Тагира отправили в Кусу. Любимая воспитательница провожала питомца со слезами на глазах и верой в то, что удача ему обязательно улыбнётся.

В первом классе наш герой быстро освоил быстрое и выразительное чтение, легко одолел счёт, очень неплохо, а главное, с удовольствием рисовал. Через пару лет на уроке математики друг мой легко справлялся с заданием повышенной сложности, успевал за 45 минут решить два-три варианта. Эта способность сохранилась у парня на всю жизнь. К числу бесспорных талантов моего друга надо отнести его абсолютный музыкальный слух. Не зная нот, Тагир любую песню мог разложить на две, три партии. Однажды на концерт воспитанников интерната пожаловала преподаватель районной музыкальной школы Наталья Стафеева. Она пришла в восторг, услышав, как легко, попадая в ноты и соблюдая тональность, поёт семиклассник. «Мои ученики такими талантами не наделены», — грустно констатировала педагог.

Тагир был многократным победителем смотров художественной самодеятельности и совершенно не мог слушать фальшивых нот, от такой «какофонии» его аж передергивало.

Всё свободное время Тагир проводил в музыкальном классе. Здесь под руководством преподавателя Трубина парень постигал основы певческого мастерства. Частенько с ним занимался учитель детской музыкальной школы Виктор Фартыгин — баянист-виртуоз, прекрасный вокалист, выпускник нашего интерната.

В детском доме с большим успехом выступали струнный оркестр, объединивший ребят — любителей народной песни — и вокально-инструментальный ансамбль из числа почитателей эстрады. Тагир пел в этих коллективах.

Друг мой добросовестно занимался общественной работой. Из года в год входил в состав органов школьного самоуправления. Он отличался лидерством, настроен на достижение конкретного результата в любом деле, смелостью и прямоотой суждений. Этот человек умел дружить, отличался готовностью поддержать тех, кому нужны его совет и помощь. В нём жил неиссякаемый оптимизм. А вот родительской любви испытать ему не удалось. За 12 лет учебы отец и братья лишь раз навестили его. Поглядели, поговорили и отбыли восвояси. Парень опечалился, но быстро пришёл в себя, поняв, что насильно мил не станешь.

Как известно, худа без добра не бывает. В награду за все лишения, судьба подарила ему возможность ходить. Ему удалось встать на костыли, минуя оперативное вмешательство. Помня мою историю болезни, Зоя Ивановна хирургам его не отдала, хотя день операции был уже назначен.

В 1982 году, получив аттестат зрелости с прекрасными оценками и высоким проходным баллом, поехал Тагир в Саратов держать экзамен на оператора ЭВМ. В техникум поступил с первой попытки. Организовал в нем занятия художественной самодеятельности. Через два года получил диплом с отличием. А поиск работы оказался безуспешным. Не оценили на предприятиях его талантов. Рисковать не захотели — мало ли что с инвалидом может случиться. Где потом виноватых искать? Тагир вернулся в Челябинск и стал постоянцем дома инвалидов. Он и здесь рук не опустил. Поёт, охотно общается с людьми в социальных сетях. А пять лет назад поздравил с юбилеем великую Александру Пахмутову в эфире «Первого канала», исполнив без музыкального сопровождения пару куплетов из известных песен композитора.

Подавляющее большинство воспитанников Кусинского интерната обладают силой духа. Она — от любви наставников, воспитателей, медиков, учителей, поваров, нянь, и любовь эта живет в наших сердцах всю жизнь.

Учительница первая моя...

В начале долгого пути по дороге знаний каждого ученика встречает первый учитель. И буквально за ручку переводит его сквозь поток школьной жизни, в котором он оказывается, став первоклашкой. Только от любимой учительницы зависит, с каким багажом знаний и нравственных ценностей выйдет ребенок во взрослую жизнь. Для каждого школьника встреча с первым учителем — это прежде всего встреча с новым, особо значимым человеком.

Для меня им стала Г. П. Никифорова. Именно она помогла мне обрести уверенность в будущем, научила достигать цели без потери оптимизма. В первом классе я мог без труда и надолго запомнить любое правило или содержание рассказа, а вот техника начертания букв мне никак не давалась. Простое дело оказалось непосильным. Опытный педагог не сдалась. Давала мне множество приёмов на развитие мелкой моторики пальцев рук. На специальных уроках коррекции велела застегивать пуговицы, выкладывать узоры из мозаики, завязывать шнурки на макете ботинка. А на занятиях по каллиграфии брала мою руку в свою ладонь и вместе со мной выводила на тетрадном листке каждую букву очень

медленно. Так я научился правильно держать ручку, постепенно освоил приёмы письма. «Терпение и труд всё перетрут», — приговаривала Галина Петровна, склонившись над моей партой. Её речь, к слову сказать, всегда изобиловала пословицами и поговорками. Кроме основного упражнения по русскому языку она вводила в моё домашнее задание простое списывание двух абзацев любого текста. Делая это, я старался запомнить правописание слов и постановку знаков препинания. Сегодня пишу почти без ошибок, делаю это всегда от руки. Занятие меня не утомляет, а мозг тренирует.

Каждый педагог приходит в профессию своим путём. Выбор Галины Петровны был не случайным. В раннем детстве и потом в школе, в пионерской дружине, её всегда привлекала возможность общения с младшими ребятами, решать их проблемы, играть с ними, учить уму-разуму. Потому после окончания школы подала документы в педучилище на отделение начальных классов. В 1949 г состоялся её первый урок в нашем детском доме.

«Чем человек умнее и добрее, тем больше добра замечает он в других людях», — писал Лев Толстой. И был прав. Галина Петровна сочетала в себе милосердие и силу характера. Это позволяло ей не стоять на месте. Она учила нас арифметическим хитростям, законам мироздания, правилам русского языка, красоте родной речи. Любую тему объясняла просто, спокойно, доходчиво. Я на всю жизнь усвоил, что безударные гласные проверяются ударением, а предложение — это законченная мысль, выраженная словами. Ясно, как всё гениальное. Нынче программа так усложнилась, что освоить её порой не под силу, разве что с репетитором. Без него ребенку в школе никак невозможно выжить и стать успешным.

Мой одноклассник Раян Ахмеров рос в глухой башкирской деревне. К семи годам ни слова по-русски не знал и не понимал, через переводчика с нами разговаривал. Так Галина Петровна без репетитора обошлась. Сама башкирский изучать начала. Через год-полтора Раян русский язык одолел. Он смог окончить 9 классов и выучиться на плотника.

Своих питомцев Галина Петровна обучала беглому чтению, умению излагать мысли, пересказывать. Вместе с воспитателем Людмилой Константиновной Ивановской учила нас дружбе, взаимовыручке, культуре поведения, убедила и научила не лениться, помогла понять, что в жизни есть не только «хочу», но и «надо». Старания дали хороший результат. Наш класс стал самым сплочённым в интернате. Мы никогда не проходили мимо чужой беды, были доброжелательными и бранных слов при дамах не произносили. Всегда помогали тем, кто нуждался в поддержке, отстаивали справедливость.

К каждому из нас Галина Петровна нашла свой подход. Любила нас всяких: шумных и тихих, умных и не очень, послушных и капризных, ухоженных и неряшливых. Её кредо — выявить самое лучшее качество, заложенное в душе ребёнка, чтобы дети получили радость от приобретённых знаний, чтобы после школы смогли найти своё место в жизни.

Так вышло, что Галине Петровне с мужем Николаем Ивановичем не случилось иметь своих детей. И они усыновили совершенно здорового 13-летнего мальчика из нашего детского дома. Саша рано потерял маму, она умерла от тяжёлой болезни. Отец его много лет скитался по тюрьмам. А Санька обрёл новую семью, получил всё необходимое. Парень окончил вуз, стал инженером. Оказавшись на воле, родитель наведаясь в Кусу, хотел забрать сына к себе. Александр отказался. На поступок способны только зрелые личности...

Через четыре года мы одолели начальную школу. На смену первой учительнице пришла целая группа её коллег. У каждого — свой характер, свои требования.

С учётом возможностей

Нашим классным руководителем стала математик с большим стажем работы Анастасия Кирилловна Пастухова — добрая, умиротворённая, мудрая женщина. Антонина Кирилловна давала нам прочные знания благодаря умелому структурированию материала, наращиванию информации в оптимальном темпе и её многократному повторению. Пренебрежение мерой в дозировании материала обычно ведёт к тому, что в одно ухо слова влетают, а из другого — вылетают. Проблему решает не совершенствование системы экзаменов, а методика обучения, усиливающая естественный механизм понимания. Сколько раз надо повторять? Чем больше, тем лучше, и желательно в разных вариантах. Я никак не мог решить задачу, пока не слышал алгоритм раз сто. И никогда ничего выше «тройки» не получал. Поэтому на контрольных мне давали выполнять самый легкий вариант. У меня была одна особенность — полная неспособность к постижению алгебры, геометрии и прочих точных наук. Пытаясь научить меня математическим хитростям, Антонина Кирилловна использовала, кажется, все методические приемы. Но была вынуждена признать своё поражение. Зато мои одноклассники, поступая в учебные заведения, сдавали математику без труда с первого раза.

Учение с увлечением

Русский, литературу у нас вела Нина Фроловна Шишминцева. О её строгой принципиальности в интернате ходили легенды. Любой лентяй мог получить от неё «пару» за контрольную работу, диктант, сочинение и даже за четверть. А вместе с тем, каждому ребёнку она подходила индивидуально. Так, однажды за девять ошибок в изложении она поставила моему однокласснику Раяну «четыре», отмечая его успех. Обычно Раян делал ошибок втрое больше. Нина Фроловна не сердилась, если кто-то не подготовился к уроку. Как правило, мы говорили ей об этом до начала ответа на заданный вопрос. Тогда «штрафник» сдавал темы зачетом через 2—3 недели.

На её уроках мы знакомились с творчеством Пушкина, Тургенева, Толстого, Шолохова, Твардовского, Полевого, Рыбакова, Васильева, Асадова, Сервантеса, Экзюпери. По произведениям каждого писателя учитель давала подробную лекцию. Для подготовки к урокам, к внеклассному чтению и еженедельным сочинениям в нашем распоряжении была библиотека из 16 тысяч томов и трёх десятков различных газет и журналов.

Н. Ф. Шишминцева имела обыкновение проводить занимательные викторины по русскому языку. В одной из них, например, предлагались такие вопросы: в каких словах четыре буквы «Т» (аттестат, оттопать, готтентот, святотатство); как правильно сказать: салютовать или салютовать (ударение должно падать на второй слог); почему слово ТАСС (телеграфное агентство Советского Союза) в романе Юлиана Семенова употребляется в мужском роде — ТАСС уполномочен заявить? Оказывается, если в середине кратких сокращений есть гласный звук, то слово относится к мужскому роду. Их всего два: ТАСС и МИД (Министерство иностранных дел), хотя эти слова позволительно употреблять и в среднем роде.

Огромная эрудиция Нины Фроловны сочеталась с требовательностью и милосердием. Она учила нас грамоте и добру. В её рассказах на уроках было много мудрости, нежности, любви к человеку без званий и чинов. Она не давала нам жить спокойно, довольствуясь кислым крыжовником. Заставляла трудиться наши юные души и мозги. Изо дня в день пополняла багаж наших знаний. Мне лично он очень пригодился, я пользуюсь им вот уже сорок лет.

Она воспитывала личность

Добрим словом вспоминают воспитанники интерната Римму Алексеевну Кроткову. Она потомственный учитель, преподаватель географии, ботаники, зоологии, анатомии. На каждом её уроке было очень интересно, рассказы Риммы Алексеевны о странах и континентах, о морях и океанах, извержениях вулканов, землетрясениях, круговороте воды в природе, путешествиях Тура Хейердала и Юрия Сенкевича. Ребята слушали затаив дыхание. Ведь любой урок изобилует множеством цифр и фактов, а поставленные вопросы будили наше воображение, заставляли думать. Наш географ побуждал школьников к активной физической работе во дворе. Это их совместным трудом с ранней весны до поздней осени на пришкольном участке благоухала «цветочная радуга».

У Риммы Алексеевны все мы учились не только географии и ботанике, но и человечности, скромности, умению аргументированно отстаивать своё мнение. Сама она никогда не проходила мимо беды, грубости, подлости, могла вразумить хулигана, добиться справедливости. Несколько лет народный заседатель Кроткова разбиралась в хитросплетениях людских судеб в районном суде.

Настоящий учитель способен не только передавать знания, но и формировать личность ученика.

Ненапрасные старания

Моим преподавателем по немецкому языку была Светлана Викторовна Осипова — добрейший, остроумный, весёлый, умный и талантливый человек. Она умела петь, танцевать, писала стихи на злобу дня. Могла шуткой прогнать прочь плохое настроение ученика, вселить в него уверенность. Светлана Викторовна — профессионал высочайшего класса. Немецким она владела так же свободно, как и русским. С урожденными немцами без труда общалась на их территории. В ГДР купила как-то томик Гетте и газету «Trommel». А потом на уроке читала нам немецкие стихи и прозу на русском. Она научила меня искусству литературного и синхронного перевода, чтению немецких текстов. Правда, иностранное правописание я знаю не очень хорошо. Но именно по совету любимого учителя я окончил госкурсы «Иняз» при Минпросе РФ. Перед началом выпускных экзаменов в школе Светлана Викторовна сказала мне: «Пойми, что спрос на переводы невелик. Найти работу будет крайне трудно. Постарайся получить ещё одну профессию. Почему бы тебе не стать

юристом, журналистом или психологом?». Этот её наказ я исполнил. Имею теперь две с половиной профессии.

Свет её добра

Природу химических реакций нам объясняла педагог от бога Валентина Васильевна Титова. Свой предмет она знала отлично. Несколько её учеников стали фармацевтами и врачами. Экзамены по химии и биологии они сдавали успешно с первого раза. Мы любили Валентину Васильевну за спокойный нрав, рассудительность, тактичность, умение сострадать, житейскую мудрость. Говоря на уроках о силе притяжения атомов, она незаметно приводила нас к мысли о том, как важен коллектив единомышленников и взаимопонимание в нём. Такой группе никакие взрывы не страшны, любые задачи по плечу.

Коротко о главном

А суть физических явлений мы постигали на уроках Н. М. Макуриной. Нина Михайловна о сложных научных закономерностях умела говорить очень просто, фокусируя внимание на самом главном. Её отличали доброжелательность, простота, логический ум. Недаром много лет она вела в интернате шахматный кружок. Его члены — многократные победители и призёры различных соревнований.

Обогащая мир духовный

Огромное влияние на формирование моей личности оказала Руфина Григорьевна Мурыгина — учитель русского языка, литературы, немецкого.

Она была образцом человека высочайшей культуры, порядочности, честности, отзывчивости. Её сердце не знало равнодушия, покоя. Оно болело за судьбу каждого воспитанника. Для каждого из нас находила она ласковое материнское слово, вселяла веру в успех.

Её неиссякаемой энергии, задору, выдумке, казалось, не будет конца. Благодаря ей коллектив детского дома занимал призовые места в смотрах художественной самодеятельности. Руфина Григорьевна являлась инициатором проведения у нас интеллектуальных состязаний «Что? Где? Когда?». Вела интереснейшие занятия литературного кружка, на которых познавали азы актёрского мастерства, изучали сценическую речь, движение, выразительно читали со сцены отрывки из известных произведений, пели и плясали. Мне, помнится, довелось читать фрагмент из романа Шолохова «Они сражались за родину». А музыкальный номер, по причине отсутствия голоса и слуха, за меня исполнил наш вокальный ансамбль. Более пяти лет Руфина Григорьевна была художественным руководителем ансамбля «Школьные годы»: учила детей понимать и ценить прекрасное; воспитывала честное отношение к делу, ответственность и трудолюбие.

В этом коллективе главное — воспитание чувства прекрасного, дружбы, взаимопонимания, взаимовыручки, исполнительской культуры. Программы концертов всегда соответствовали духу времени, были актуальны по тематике, тщательно готовились.

...В физике есть закон сохранения энергии. Применительно к педагогике его можно сформулировать так: энергия, отданная учителем своим ученикам, никуда не исчезает. Аккумулируясь в них, она обязательно даёт со временем благодатные всходы.

Все мои достижения связаны с именем бывшего директора Кусинского детского дома-интерната, заслуженного учителя РСФСР Дмитрия Ермолаевича Кудряшова. О нём — рассказ отдельный. «Сердце отдаю детям» — эти слова великого Сухомлинского стали смыслом всей его недолгой жизни.

Возвратясь в конце августа 1977 года после летних каникул из Малого Куяша в Кусу, я стал невольным свидетелем такой сцены. Во дворе интерната директор принимал новеньких. Вот он разговаривает с новеньким парнишкой по имени Андрюша: тормошит его, расспрашивает. Даже велел язык показать. «У, — говорит, — какой хороший, прямо, как лопата!» Сам смеётся, мальчишка смеётся! И ясно, что ребёнок сразу почувствовал себя здесь уютно. И родители тоже повеселели: поверили, что в добрые руки сына отдадут.

А другой мальчик, Костя, о, тут такое! Без надзора в семье рос, хулиганил, болтался, где попало. В милиции на учете состоял. Финал — трагедия: под поезд угодил. Вместо ног — культя. Ему уже — двенадцать. И беду свою он понимает. А отчим его тут же стоит, «права качает». Справку какую-то требует. И видно, что одним лишь мужик озабочен: как бы побыстрее пасынка с рук сбить! Дмитрий Ермолаевич строго на него глянул и ответил резко: «Медики справку вам дадут».

Резкость... Это — при его-то, Кудряшова, корректности, безукоризненной воспитанности — какие, стало быть, боль, гнев поднялись в душе человека при виде искалеченного по их вине, при их попустительстве и равнодушии.

Пролетели годы. В детском доме Костя вырос, окреп. Стал солистом вокально-инструментального ансамбля «Школьные годы», освоил игру на электрогитаре, окончил среднюю школу. О его дальнейшей жизни сведений нет. Но люди с сильным характером, обычно, находят себя.

Около 160 детей жили и воспитывались тогда в детском доме. Большинство из них имели любящих родителей. Они переживали за своих чад, навещали их, писали тёплые письма, на каникулы увозили домой. Мне грех на судьбу сетовать: мама, родная сестра Люда и двоюродная Нина наезжали ко мне по четыре раза в год, писали мне письма, посылочки отправляли, а лето я проводил в родной деревне, на свежем воздухе. Матушка по такому случаю брала отпуск на все три месяца. Но я знал и иные людские судьбы.

...В небе сияло лучистое солнце. Вокруг буйно зеленела листва. Даже лица людей, проходящих мимо детского дома, посветлели с приходом тепла. А он сидел у тяжёлых ворот, глядя с тоской на улицу, и безутешно рыдал: ожидал, когда придет мама. «Изводится мальчуган, смотреть невозможно», — говорили директору воспитатели. Мамаше этой Кудряшов сам письма направлял. Пытался о долге напомнить, совесть её разбудить. Да где там! Не ёкнуло чёрствое сердце!

И вот однажды...

— Саша! А к тебе приехали! Ну-ка, дружок, пойдём скорее!

На вахте сидела пожилая женщина. Поднялась навстречу малышу.

— А ведь я твоя бабушка, Саша! Искала тебя долго.

— Бабушка! — рванулся к ней взволнованный ребёнок. — Нашла меня, нашла!..

Дело давнее. Мальчик тот вырос, покинул детский дом, окончил техникум, бухгалтером стал. Можно раскрыть «секрет». Работала когда-то здесь учителем труда Зинаида Федоровна Зубова. Её-то, человека чуткого, отзывчивого, и попросил Дмитрий Ермолаевич сыграть роль Шашиной бабушки — подарить ребёнку радость. Саша и баба Зина подружились на долгие годы. Он трепетно заботился о ней до последнего её дня.

Чувство сострадания, участия в жизни тех, чьё детство омрачила болезнь, желание облегчить их участь, вырастить полноценными тружениками — это и помогло, пожалуй, побороть те сомнения, которые были у Кудряшова, в ту пору первого секретаря РК ВЛКСМ, когда он 4 января 1961 г. принял детский дом. Начать пришлось с приказа об увольнении значительной части персонала за профнепригодность. Он набрал новых сотрудников.

Общими силами учили и растили детей. Возводили между делом сарай, свинарник да курятник для подсобного хозяйства, потом заселяли постройки живностью, ухаживали за ней, не зная усталости. Печное отопление заменили паровым, к основному зданию пристроили ещё одно — трехэтажное. В неё разместился медицинский блок и светлые спальни. Проект стройки Кудряшов разработал сам. Кроме того, он прекрасно знал слесарное и токарное ремесла, без труда мог починить медицинский прибор, провести сварку водопроводных труб.

К сожалению, подсобное хозяйство к началу 1970-х годов пришлось сократить: в интернат стали поступать тяжело больные дети, не способные работать на подворье. Но руководству это надо было доказать. Однажды эту тему Дмитрий Ермолаевич обсуждал с главой облбюро Д. Я. Летягиным. В разгар беседы им под ноги из комнаты в коридор выкатилась первоклашка Чулпан Зарипова и, улыбаясь, воскликнула: «Здрасте!» «Не удивляйтесь, — пояснил директор. — Она у нас всегда так передвигается». Дмитрий Яковлевич, смутившись, все вопросы о подсобном хозяйстве снял...

Но, несмотря на тяжкие недуги ребят, в любом начинании Кудряшов всегда на детский актив опирался. Наш совет командиров избирался на общем собрании воспитанников из числа самых достойных сроком на один учебный год. В него входил и редактор стенгазеты «Колокол». Её номера выходили в свет еженедельно и отражали все самое интересное в нашей жизни. Другие члены совета отвечали за пожарную безопасность.

Чем ещё занималось ребячье самоуправление? Охраной природы, изготовлением скворечников, подкормкой птиц, организацией досуга и спортивных мероприятий. Мы были заняты настолько, что времени на проказы совсем не оставалось: занятие в библиотеке, в различных кружках, беседы, лекции, викторины и многое ещё чего. У нас, как говорил мой друг Тагир, «безногие вели футбольные баталии, шайбу гоняли, а безрукие пололи грядки». Причем всегда — на совесть.

При совете командиров функционировал штаб знаний, он чётко следил за качеством успеваемости в классах, беседовал с отстающими, оказывал им помощь в учёбе. Каждый понедельник совет заседал в кабинете директора. Здесь подводили итоги, верстали планы на будущее. А еще Дмитрию Ермолаевичу все мы открывали душу, как отцу родному.

Работал он не ради славы и наград, а просто по велению сердца — такого большого и открытого для каждого из нас, кто нуждался в его помощи.

Директор всегда стоял на стороне детей. Старался исполнить любую их просьбу. Так, в 1972 году ребята попросили его создать фотолабораторию. Через четыре месяца такой кабинет у нас появился. Его оснастили самой современной техникой того времени. Желающие стали посещать занятия фотокружка. А в 1978 году мы попросили ввести в расписание уроки машинописи и счетного дела. Эти дисциплины нам преподавали целый год.

С утра до вечера наш день был расписан по минутам. Полдником нас кормили в пять вечера, а ужин накрывали спустя два часа, когда есть ещё не хотелось. А к девяти часам вечера мы успевали проголодаться, поэтому и попросили перенести полдник на 20:30. Эта идея оформилась в приказ директора. Коллеги Кудряшова упрекали его в том, что он вечно идёт на поводу у ребят. «Почему бы нет, если их предложение здоровое, обоснованное и разумное? Неизменные правила хороши лишь для учебника педагогики, а у нас здесь — одни исключения», — спокойно отвечал он. Его решения, кстати, после принятия почти никогда не отменялись.

Несколько месяцев назад наша газета опубликовала статью Л. Мужиповой о проблемах Ашировской школы. Её намеревались закрыть. Противники этой затеи говорили, помнится, о том, что в классах с малым числом учащихся учителя имеют возможность индивидуального подхода к каждому ребенку. В чём его конкретная суть? Боюсь, что не все папы и мамы и даже педагоги знают, что это такое. А Дмитрий Ермолаевич знал точный ответ на этот вопрос. Вместо прописных научных догм расскажу ещё одну историю из жизни.

В начале третьего года обучения меня избрали политинформатором нашего класса. Такова была рекомендация директора. Он высказал её нашему воспитателю Л. К. Ивановской после того, как прочитал педагогические наблюдения о том, что я без труда справляюсь с подготовкой публичных выступлений на многие темы. Людмила Константиновна велела подготовить для одноклассников краткий обзор событий в стране и мире. Дмитрий Ермолаевич пришёл, послушал и сказал мне:

— Подумай, что тебе нужно для проведения такой такой работы на постоянной основе и на хорошем уровне?

— Учитель нужен, — отвечаю, не задумываясь, — опыта то у меня нет, да и специальных знаний — никаких.

Через месяц Дмитрий Ермолаевич пригласил на работу педагога-ветерана Е. В. Боровкову — преподавателя русского языка, литературы и истории, профессионального лектора, члена общества «Знание». Евгения Владимировна вела у нас уроки, подменяя заболевших учителей, а также факультативы по современному этикету. Долгие годы она была моим наставником, советчиком, старшим другом. Учила подбирать интересные факты для лекций, бесед, диспутов, удерживать внимание аудитории, вовлекать её в беседу, отвечать на вопросы слушателей.

Я имел возможность регулярно читать «Слово лектора», состоять в переписке с журналистом-международником газеты «Труд» Юлием Бабичем, летчиком-космонавтом СССР Виталием Севастьяновым. Так, Виталий Иванович, отвечая на вопрос ребят: «Как в космосе стригутся?», написал — «Эту процедуру обычно выполняют два члена экипажа. Один — стрижёт, другой — удерживает над своей головой шланг пылесоса со снятой с него щеткой, чтобы волосы не разлетались по всей орбитальной станции».

Чуть позднее нам удалось создать лекторскую группу и клуб «Кругозор». Мы читали лекции по вопросам права. Нас консультировал юрист В. И. Ванин, которого порекомендовал Дмитрий Ермолаевич. Он же приглашал к нам сотрудников областной прокуратуры, лектора из музея Великой Отечественной войны. От последнего мы узнали всю правду о подвигах Зои Космодемьянской, Николая Кузнецова, братьев Глинка и о том, кто выдал фашистам членов «Молодой гвардии».

Большим успехом у ребят пользовались беседы о поэтах, композиторах, музыкальных группах, артистах театра и кино. К слову сказать, по субботам в детском доме работал кинотеатр «Дружба», созданный по инициативе директора. В кинозале демонстрировались фильмы «Калина красная», «А зори здесь тихие», «Служебный роман» и многие другие с последующим их обсуждением.

Наш директор точно знал, кому какое ремесло надобно освоить, дабы с пользой применять его до конца дней своих. И ни разу не ошибся. «А все потому, что каждого из нас он легко называл по имени-отчеству, мог вспомнить историю болезни любого ребёнка, лично знал его родителей, интересы, увлечения, хобби, характер, привычки», — вспоминал Тагир Хусаинов.

Дмитрий Ермолаевич особенно опекал тех, кто передвигался с трудом или вовсе был лишен такой возможности. Меня он сопровождал во время прогулки в лес, куда мы отправлялись, чтобы отдохнуть или написать с натуры сочинение о красотах природы.

Вполне допускаю, что его родные дети Ольга и Юрий редко видели папу дома. Всего себя он отдавал нам, «детям государственным». Надежным тылом для него была супруга Людмила Ипполитовна. Мудрая, требовательная, заботливая, строгая, но справедливая, обаятельная и дотошная в мелочах. Это она держала на своих плечах их общий дом, где было тепло и уютно. Людмила Ипполитовна более двадцати пяти лет трудилась воспитателем в детском доме. На ее участке всегда был абсолютный порядок.

...Каким бы объёмным ни получился очерк о Д. Е. Кудряшове, в него невозможно вместить всех тех тёплых слов, коих он заслуживает. Человек это такой — богатый душой, многогранный и красивый. О таких, как он, книги надо писать. Дмитрий Ермолаевич принимал участие в моей судьбе и после того, как я, окончив среднюю школу, вернулся из Кусы домой, в Малый Куяш. Он вместе с педагогом интерната Галиной Васильевной Сорокиной направил в редакцию газеты моего родного Кунашакского района письмо с просьбой привлечь меня к посильной журналистской работе. С той поры, вот уже больше тридцати лет, я являюсь внештатным корреспондентом «Знамени труда». Газета сделала мою жизнь полноценной. Кроме того, с легкой руки Кудряшова мне удалось окончить заочное отделение питерской Академии психологических наук, предпринимательства и менеджмента. Теперь живу в Челябинске. Работаю клиническим психологом-консультантом. Время от времени сотрудничаю с областным радио.

В этом году наш родной КОРЦ будет отмечать 85-летие со дня основания. Этот материал — дань уважения и безграничной благодарности многим поколениям его сотрудников. За знания, которые они вложили в каждого своего питомца, за сохраненное здоровье многих сотен его воспитанников, за то, что многие из них стали достойными гражданами нашей страны, сумели найти в этой жизни своё место. Сегодня КОРЦ продолжает жить, перед стоят новые, более сложные задачи. Мы от души желаем коллективу центра терпения, здоровья и новых творческих достижений в деле обучения и воспитания детей.

г. Челябинск

Ну Танька! Вечно она что-то скрывает!

Случилась эта история в канун Нового года. Коллега предложила съездить с ней в соседний город за костюмом, который для неё сшила знакомая ей портниха. Я ни разу не бывал в Карабаше, время свободное имелось — короче, согласился. Путь до Карабаша тогда пролегал по узкоколейной железной дороге по живописному берегу озера Сугомак на маленьком неказистом паровозике, прозванном в народе «Куян».

Первое впечатление от соседнего города было, мягко говоря, не самое лучшее. Но вот что меня привлекло, так это необычайно пленительный облик портнихи! Стрела Амура сразила путешественника, подтвердив версию о существовании любви с первого взгляда. Выпал тот редкий случай, когда «её днём с огнём не найти» в Кыштыме, а она на тебя «нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь» в Карабаше.

Моя новая знакомая, Татьяна, собиралась пойти на встречу Нового года в заводской клуб. «Вот бы с кем встретить праздник!» — размечтался я. И, когда пришло время возвращаться, моя коллега уехала в Кыштым одна, без напарника. Ведь не каждый же день господь посылает тебе птицу счастья! Да и Татьяна, к моей радости, не возражала встретить праздник вместе.

Мы, как старые приятели, начали обсуждать предстоящую встречу Нового года, местные нравы, приводили в порядок свою внешность. У Татьяны, как у всякой портнихи, оказался, кстати, и отличный уют для глаженья парадной одежды. И вид Карабаша из окон Татьянинного дома мне не казался уже таким удручающим.

Вдруг неожиданный стук в дверь прервал наши приготовления. Как оказалось, это была соседка. Не знаю теперь почему, но я, находясь в соседней комнате, решил спрятаться в стоящем посередине гардеробном шкафу. Наверное, побоялся собою скомпрометировать свою новую знакомую. Соседка соседке рознь, иная наговорит потом с три короба! А нравы тогда были не в пример нынешним. А может, было ещё какое-нибудь соображение для прятка, теперь и не вспомнишь тогдашние мысли.

«Да ладно, подумаешь! Посижу немного и выйду», — утешал я себя.

Но не тут-то было! Следом за соседкой в квартиру ввалились с песнями и гармонью родственники и знакомые Татьяны. Появиться из шкафа при гостях мне показалось уж и вовсе неудобно. И как бы выйти незаметно из неловкого положения? Вот уже отзвучала знакомая «Сербиянка», пошла удаляя «Цыганочка с выходом», и под бешеный стук каблучков пришедших гостей временное убежище заходило ходуном, наклоняясь то вправо, то влево, то подпрыгивая вверх от дощатого пружинистого пола. Застоявшийся гардероб как будто больше всех радовался празднику. И мне приходилось кое-как усмирять его пыл, чтобы не грохнуться вместе на пол.

Вдруг одна из его ножек подломилась, и вместе с тем открылась и дверца. А в это время мимо шла какая-то женщина с тарелкой салата. Я предстал перед гостьей во всей красе. От неожиданности салатница выскользнула из рук. И — вдребезги! Теперь на меня и злополучный шкаф смотрело уже несколько пар глаз. В общем, «Ревизор», немая сцена!

Мне не оставалось ничего другого, как выйти на общее обозрение обомлевших от изумления людей, сознание которых было и так слегка затуманено предпраздничными возлияниями.

— Откуда?! — прозвучал, наверное, закономерный вопрос.

— Из Кыштыма, — последовал ответ.

Это никак не прояснило ситуацию, ибо какая связь между Кыштымом, Карабашом и гардеробом?

Тут Татьяна с полным самообладанием вмешалась:

— Это мой старый знакомый, прошу любить и жаловать!

Не знаю почему, но ответ всех удовлетворил. Никто даже не задумался, почему старый знакомый Татьяны во время всеобщего веселья сидел в шкафу. Лишь одна женщина воскликнула:

— Ну, Танька! Вечно она что-то скрывает!

Праздник прошёл на славу. А для нас с Татьяной он оказался памятным на всю жизнь. С тех пор живём мы в мире и согласии по сей день. Чего и вам желаем!

г. Кыштым

Выражение «прокрустово ложе», как видится, у большинства вызывает приблизительно одни и те же ассоциации. Воображению представляется жуткий бородатый тип с ухмылкой на мрачной физиономии, поджидающий очередную жертву возле кровати, похожей на стол для пыток. Образ резко отрицательный. Но возникает вопрос, настолько ли расхожий персонаж однозначен для понимания, можно ли найти в нём хоть что-то хорошее. Хорошее в смысле полезности (на счёт симпатичности умолчим).

Начнём с того, что нам буквально на каждом шагу встречаются разного рода и калибра прокрусты. Они поджидают нас с единственной целью — втиснуть нас в строго определённые рамки, ограничив свободу действий и поступков. В армии это обычно старшина (вариант: главный корабельный старшина) в придачу с сержантом и — не всеуе будь упомянутым — ефрейтором. В сфере образования — типичный такой методист и иже с ним, начиная с низового звена вплоть до министерского уровня (и прочие обученные люди). В СМИ, литературе — неявные, полуявные цензоры, в роли которых выступают, как правило, владельцы СМИ, издательств (в плотном окружении редакторов-корректоров и проч.) Среди юристов и силовиков — практически все, в этом их изначальное предназначение. Пожалуй, самый-самый среди них — прокурор (прокурор Прокрустов — звучит!). Наконец, самый пугающий из современных прокрустов — прокруст от медицины, хирург наизготовку со скальпелем или аппаратом Илизарова. И, само собой, — разработчики стандартов, правил, инструкций, циркуляров, законов.

Вышеперечисленные категории — прокрусты по умолчанию, прокрусты суть внешние. Избежать встречи с ними не удаётся, а законопослушные граждане даже и не пытаются этого сделать. В большей степени интересны прокрусты внутренние, перед которыми внешние — ничто. Внутренних прокрустов — множество! (Хорошо, если один из них называется совесть.) На них мы можем так или иначе повлиять, а в отдельных случаях договориться с ними. Задача — суметь их разглядеть! Зрение человека устроено так, что обращено вовне. Помните притчу про бревно в собственном глазу? Внутреннее зрение нужно ещё суметь в себе вырастить. Культивировать, а это хлопотно.

Имён внутренних прокрустов много, а основа всегда — страх. В первую очередь, страх «не соответствовать», «не вписаться», оказаться белой вороной. Всё то, что называют мудрёным словом «конформизм». В ту же копилку — страх потерять что-либо, считающееся полезным: доходы, выгодную должность, привилегии, престижные знакомства (короче, быть отлучённым от кормушки). Само собой, страх проявить инициативу, страх всего нового, вообще страх любых изменений. Плюс в нагрузку — многочисленные фобии, но это уже, можно сказать, факультативно. К слову, совесть также имеет источником страх, но только страх оказаться несостоятельным в собственных глазах (внутреннее зрение!), и этот страх — облагороженный.

Думается, страх — фактор стабилизирующий. Попросту говоря, прокрусты, внешние и внутренние, являются подпорками общественных институтов, и тем самым служат благому делу. Вышиби подпорки — и общество начнёт заваливаться. Революции этому доказательство.

Обычному нынешнему человеку быть бесстрашным — роскошь непозволительная, это выглядит порой просто вызывающе неприлично, в конце концов, может со временем расшатать существующие устои. В особых же, военных условиях дело обстоит иначе. Тут смелость приветствуется. Что не означает, что прокрустовы ограничения отменяются. Вовсе нет. Просто разрешённые мерки увеличиваются в длину («только вперёд!», «революционный держите шаг!» и проч., только по команде сверху), но уменьшаются по ширине (шаг вправо, шаг влево — побег!) Однако мерки по-прежнему служат устойчивости общества.

Подводя итог, можно смело утверждать, что «прокрустово ложе» — это не какая-то там кровать, пусть даже и мифически-волшебная. Фактически упомянутое ложе — колыбель нашей цивилизации! Соответственно Прокруст — столп общества. Долой шапки перед прокрустами!

Примерно то же, но короче:

За дверями жуткий хруст,
На дверях: «ИП Прокруст».
Заходите! Здесь умело
С вашим разберутся телом.

Никель, свет и это ложе...
Дрожь внутри, мороз по коже!
Но не бойтесь вы напрасно —
Всё лишь выглядит ужасно.
Здесь без очереди примут,
Аккуратно мерку снимут.
Ни о чём не беспокойтесь,
Полежите, успокойтесь.
Вас пугает этот стол?
Вам — бесплатный валидол.
Неприятна эта рожа?
Не беда, что непригожа.
Наш Прокруст не зверь, не кат:
У него сертификат!
Мучить зря он вас не станет:
Тут подпилит, там подтянет...
Без стандартизации
Нет цивилизации!

г. Кыштым

Александр Попов

Не заслони мою свечу

Попова не знать — значит быть иноверцем, я бы сказал — инорусским. Поэтому я, пардон, о поэте.

После букваря и школы — человек самостоятелен. Этим и интересен. Александр Попов игнорирует правила, хотя знает их. Для него важнее конструкция мысли и игра смыслов, аллюзий, ассоциаций. Поэтому он часто пренебрегает ритмом (метром). Его надо читать глазами, а не слушать. Тогда начинаешь понимать его философскую пронзительность и необыкновенную душевную тактильность. Таков и сам Попов, как его поэзия.

Вот он перед вами. Читайте.

* * *

Веером вчерашнего
Убирая лишнее,
Там, вдали за пашней,
Забродило вишню.
Ароматом прошлого
От земли повеяло,
Там, за пашней, лошади
Вишню мнут вдоль берега.
Давит воздух глушью,
Тишиной невишенной,
Пахнет пашня Русью,
Мамой моей вышитой.

* * *

Из сказок, из таинства,
Из воздуха Азии,
Не атеисты, мы аисты
Из незабудок оазиса.
Из весеннего разума,
Из разгула стихии,
Мы из воздуха Азии,
Из простора России,
Из незабудок оазиса,
Из поэзии поздней,
Звёзд узоры не сглазили
Нашу Родину — Воздух.

* * *

Не заслони мою свечу,
Друг случайный и незванный.
Русской осенью молчу,
Скоротечной и обманной.
Поторопите листья, не хочу
Чужую даль озвучивать.
Не во снах домой лечу,
В небесах наскучило.
Наскочило что-то, не расспрашивай.
Скособочило, скребусь.
Листву лапаю вчерашнюю —
Русской осени немую грусть.

Не заслони мою свечу,
Друг случайный и незванный,
Русской осенью плачú,
Скоротечной и обманной.

* * *

Ногой хожу не той,
С толпою не в ладу,
Ошибся со страной
В семнадцатом году.
Корм не в коня,
Сон не в руку.
Ум у меня.
На другую букву.

* * *

Вот уже неделю
Пью с утра —
Молоко метелей
Колкое от льда.
Молоко студёное
На пару с ветром
Пью до доньшка
Метр за метром.
Вот уже неделю
На ура
Верю и не верю,
Пью с утра.

* * *

Март — пружина.
Дни — витки.
Закружило.
Жмут стихи.
Снега не тают.
Льды ликуют.
Стихи не пишут.
И не танцуют.

* * *

Что хотите от людей?
Они всегда на задних лапах,
Подумал старый иудей,
Подумал и заплакал.

* * *

Воронеж, главпочтамт,
Десять глаз одинокого диска:
— Доброй ночи, я Мандельштам,
Позвольте поэзией высказаться.
Следак, от сна одуревший,
Мозгами, от службы сжиженными:
— Мандельштам, какого лешего,
Разве вы в лагерях выжили?

Воронеж, главпочтамт.
От восторга провода обесточены,
Стихи читает Мандельштам
Следакам вне очереди.

* * *

Простыл на сто веков
От Модильяни до Гумилёва,
Боже, как нелегко
Любить мужчин и слово.
Под руками снег хрустит,
Горло завяжу потуже,
Пусть Пастернак меня простит,
Ахматовой навек простужен.

г. Челябинск

Людмила Боярнцева

Нагайбаки

88

Трафарет № 4(44) - 2020

9 часов утра 16 мая 2018 года. На площади Дворца культуры посёлка Новосинеглазовский стоит шикарный современный большой автобус. Он ожидает своих пассажиров. Это экскурсионный автобус, и пассажиры не заставляют себя долго ждать. Идут к автобусу в основном женщины среднего и старшего возраста. Большинство из них уже пенсионеры, им некуда спешить. Вот и едут на запланированную экскурсию на юг Чебаркульского района.

Главная наша цель — познакомиться с жителями, их бытом, занятиями, укладом. Жители этих мест являются предками тех, кто ещё в середине XVIII века стали переселенцами по указу царя. В то время на Урале строили много местных заводов, а работников было недостаточно. Заводы появились в Кыштыме, Златоусте, Каслях, Карабаше и в других местах. Среди переселенцев из других губерний были жители разных национальностей. Это русские, татары, башкиры, нагайбаки и представители других народностей. В селе Попово, куда мы держали путь, переселенцами оказались нагайбаки и русские. В селе Попово на одной стороне речушки жили нагайбаки, на другой — русские. Нагайбаки народ трудолюбивый, дружный, неконфликтный. Русский язык, обычаи, вероисповедание принимали постепенно. При этом сохраняя свои обычаи. Дорога на юг Чебаркульского района оказалась почти полностью заасфальтированной и не очень долгой, где-то около сорока километров. Всех сидящих в автобусе поразил тот факт, что вдоль дорог во многих местах сгорела вся трава и много леса. Хорошо, что хоть Варламовский бор не пострадал. А причина пожара почти везде одна — это человеческий фактор, отсутствие дождей и сильный ветер. Село Попово — самый дальний пункт нашего назначения. Проехали несколько небольших деревень. Среди них есть деревня Ключи. Именно здесь есть природные ключи с холодной, прозрачной, чистой водой. Очень красив мощный Варламовский бор. При подъезде к Попово закончилась асфальтированная дорога. Километра два идет грунтовая. Наш шикарный автобус недоволен такой дорогой. А вот уже совсем узкое место. Здесь местная речушка весной разливается и размывает полностью проезд.

Слева от этого участка дороги идет подвесной мост. В центре он ограждён перилами. При ходьбе настил моста раскачивается, приходится держаться за перила. А впереди, на самой высокой точке села, стоит местный двухэтажный клуб. На втором этаже две комнаты занимает Нагайбакский краеведческий музей.

Около входа в клуб нас встречает хозяйка: Надежда Николаевна Уряшева. В её руках хлеб и соль. Пробуем румяный пышный каравай, улыбаемся, радуемся такой тёплой встрече. Надежда Николаевна одета по-нагайбакски. На ней длинное льняное платье и одежда из посконной ткани, из волокон конопли.

Грудь украшают монисто, нижнюю часть платья закрывает передник. Его носили постоянно, чтобы не запачкать платье. Оно было очень дорогим и его, говорят, никогда не стирали. Голова покрыта головным убором, а на ногах лапти. Так постоянно одевалась нагайбакская женщина. Нижнего белья тогда не было совсем. Нагайбаки самобытны, но культуру, обряды, христианские праздники почитают. Все жители ведут натуральное хозяйство, держат коров, кур, лошадей, имеют большие огороды. Летом все жители запасают на зиму ягоды: клубнику, костянику, бруснику. И, конечно, заготавливают большое количество разнообразных грибов.

Село Попово небольшое, но есть своя больница, средняя школа. В 2017 году в школе было 56 учеников, шесть из них — выпускники 11-го класса. Дети оканчивают школу и уезжают из деревни. Постепенно деревня теряет своих односельчан. В 2018 году школа не смогла набрать первый класс, нет детей. А когда-то здесь жили богатые колхозники. Их продукция бывала на сельскохозяйственной выставке в Москве. Самые первые телевизоры, мотоциклы и другая техника раскупалась этими небедными колхозниками.

Колхоз был миллионером. Сейчас деревня вымирает, работы здесь нет никакой.

Во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. из села ушли на фронт 96 мужчин. Вернулись чуть больше половины. Участники войны здесь в особом почёте. Не забывают они и тех, кто не вернулся, остался на полях сражений. Жители устраивают в честь защитников поминальные обеды. Все женщины села — отличные кулинары. В особом уважении у них покровские пирожки. (Мы их, конечно, попробовали.) Если пирожок маленький, значит, хозяйка трудолюбивая. А если пирожок большой, значит, хозяйка щедрая, гостей

угостит и ещё ей останется. Пирожки часто готовят с рисом и морковкой. Тесто сдобное, вкусное и особым способом зашпикуется.

Поминальные обеды требуют особой тщательной подготовки. Заранее выбирают молодую белого цвета тёлочку, если таковой нет, то берут первотёлку. Читают молитву перед убоем животного. На рога привязывают красные ленты. Убоем занимаются опытные мужчины. Затем отрезают левую часть всей туши, мясо варят в огромном казане. Все жители собираются за длинными столами прямо на улице. Но все приглашённые приходят не с пустыми руками, а приносят что-либо из еды: блины, оладьи, пироги и так далее. Всё, что можно сварить, варят в двух-трёх казанах. Обед съедают в нечётные числа месяца, поминают тех, кто погиб. Если что-то из продуктов остаётся, тогда мелко всё крошат на лист и ставят на высокое место, чтобы поели все птицы. Тем жителям, кто стар или болен, несут обед домой. Никто при этом не может быть забыт. Так проходят поминальные обеды. Последний обед такой проводили к 70-летию Победы.

Особый обряд нагайбаки проводят, если очень долго нет дождя. В двадцати километрах от села Попово есть деревня Назаровка. Здесь нет бора, но есть много полей, где выращивают пшеницу, овёс. Все мужчины из села Попово на период сева, уборки уезжают в Назаровку на заработки. Иногда на целый месяц... В селе остаются одни женщины. Если на полях всходы слабые из-за отсутствия дождей, тогда мужчины обращаются за помощью к женщинам села Попово, чтобы помогли с дождём. Женщины проводили «обряд на дождь». Всем селом шли с молитвой к священному месту. Первой шла пожилая, самая уважаемая женщина с молитвой. Остальные несли с собой приготовленную «гущу». Секрет приготовления «гущи» сохраняется и теперь. Находили ключ или болотце с водой. Женщины черпали сорок ложек воды, мешали с «гущей» и выливали всё на землю. Водой из ручья обливали друг друга. И вскоре, по заверениям нагайбаков, проливался дождь. Что-то подобное длительное время сохранялось у древних славян, которые, обращаясь к дождю, приговаривали: «Дождик, дождик, пуще, дам тебе я гущи, хлеба каравай, весь день поливай!»

Такой обряд способствовал хорошему урожаю. Все эти рассказы мы услышали из уст Надежды Николаевны. А теперь вернёмся в краеведческий музей нагайбаков.

Музей занимает две большие комнаты. В первой комнате хранятся документы первых создателей музея, карта Чебаркульского района. Много места занимает действующий ткацкий станок, швейные машинки, иконы, орудия труда, кухонная утварь. На полу лежат самотканые дорожки из льна и конопли. Этим дорожкам более ста лет. Во второй комнате — «жилой дом». Слева от двери рукомойник, рядом на деревянной лавке горизонтальная маслобойка. У печи стоит вертикальная маслобойка и известное нам изобретение — сепаратор. Рядом большая белёная печь. На плите чугуны разного размера. Внутри печи горит огонь. Внизу под печью лежат деревянная лопата, ухват, сковородник. Вся комната украшена салфетками, полотенцами, шторами, скатертью. Все это убранство — приданое молодой девушки, которая готовится к замужеству. Справа от стола с самоваром стоит молодая девушка, одета по-нагайбакски. Рядом старинная парта с ученицей в школьной форме. Те экскурсанты, которым сегодня за восемьдесят лет, побывали в этой жилой комнате, как будто попали к себе домой. Именно такое чувство появляется, чувство родного дома. Всё, что есть в музее, собрано жителями под руководством Надежды Николаевны. Рассказ её заканчивается, и мы спускаемся на первый этаж. Здесь уже кипит большой самовар, нас угощают чаем по выбору — черным, зеленым, с местными травами. К столу приносят покровские пирожки, картофельные шаньги и блины. Чай на чистой родниковой воде, очень вкусный. Всё угощение бесплатно.

По нашей просьбе местные жители предложили нам деревенский товар, экологически чистые продукты: яйцо домашнее свежее, вкусное молоко, замечательная сметана и домашний творог. Цены все приемлемые, а продукты отличные.

С большой благодарностью за данную экскурсию по музею мы возвращаемся в свой автобус. Впереди встреча с церковью села Медведёвка.

Село Медведёвка более крупное, чем Попово. Уважаемая церковь двух Московских святителей построена была до революции. Позднее она приобрела более красивый вид. История церкви знает светлые и печальные моменты. Очень впечатляет иконостас: много дорогих, значимых икон. Одной иконе уже несколько веков. Рядом с церковью есть часовенка, где появился святой источник. Церковь живёт своей жизнью. Регулярно выпускается сборник «Душа» для всех жителей села. В это году исполняется 12 лет с момента выпуска этого сборника (2008—2020 гг.). Один из последних номеров сборника посвящён Троице и христианству. Очень интересны рассказы под названием: «Мы не равные, мы разные», «Любовь и блуд» и другие. Внешне сборник хорошо оформлен. Есть призыв от имени неродившихся детей к матери с просьбой сохранить им жизнь.

Очень красива не только эта церковь. В самом Чебаркуле очень красивый храм Преображения Господня. Этот храм появился в Чебаркуле ещё в 1854 году.

Экскурсия наша идёт к концу, мы возвращаемся домой. Возникает тихое, но настойчивое чувство, как мало мы знаем свой родной край! Ведь я родилась в Чебаркуле. Семнадцать лет жила в деревне Непряхино. Значит, это моё родовое гнездо, где я выросла и жила, но я так мало знаю этот край. Очень жаль! Ещё бы поехала по местам малой родины. Спасибо за эту экскурсию В. А. Бакуновой и главной хозяйке Нагайбакского музея Надежде Николаевне Уряшевой. Долгих им лет и творческих успехов. Дostatка всем жителям села Попово и другим селам Чебаркульского района. Мира и труда вам!

пос. Новосинеглазово

Наталья Челчнова

И песня польётся широкой рекой

Осенняя песня

Лес в безмолвной стоит тишине,
Снег на опушке и дальней сосне.
Еще не зима, а поздняя осень, осень
Бродит она средь березок и просек.
И шепчет она холодком по утру:
«Ой, замету, замету, замету...»
Морозом сердитым землю прильёт,
Тогда и зима свою песнь запоет.
И в избах забьётся жаркий огонь,
И в руки возьмёт мужичонка гармонь,
И песня польётся широкой рекой
О жизни российской — такой и сякой.

Душа

Когда у человека есть душа,
Ему на свете жить светлее:
Всегда погода хороша
И солнце ярче и теплее;
Душа светла, как небеса,
Дела успешней и быстрее.
Свершаются земные чудеса,
А жизнь вкуснее и острее.
И ум в согласии с душой
О людях всех берёт заботу.
Пусть ему будет хорошо,
Светло от той святой работы.

пос. Новосинеглазово

Пока ещё нас согревает

* * *

Уж ночи стали холодней,
Ледком подергивая травы.
И солнце, утром восходя,
Пока ещё нас согревает.
Но уж леса стоят бледны,
Отжить листва уже успела,
И скоро всё это уснёт,
Покрывшись белым-белым пеплом.
Зима войдёт в свои права,
Укрыв всё белым покрывалом,
И будет править здесь она,
Весну неторопливо ожидая.

Чудес не бывает?

— Чудес не бывает?
— Не знаю, малыш.
Наверное, чудо лишь
То, что мы рядом.

— А дальше?
— А дальше один и грустишь...
И ждёшь, что вновь чудо
Окажется рядом...

* * *

Я не живу. Я существую...
В процессе жизни перемен,
Где солнце утром меня будит,
Ну а луна кладёт в постель.

Я не живу. Я существую...
Пытаясь примирить себя
С судьбой, с которой вечно спорю,
И не могу предать себя.

Я не живу. Я существую...
Я вру, смотря себе в лицо,
И губы я не те целую,
И женщину люблю не ту...

п. Увельский

Нина Калева-Прохоренко

Рассказы Евы Малининой

92

График № 4(44) - 2020

Ева — второклассница. Она уже несколько лет подряд записывает вместе со своей мамой и бабушкой рассказы о своей жизни.

Её рассказы простые и яркие. В них отражается равнодушная и жизнерадостная личность Евы, причастная ко всему окружающему её миру!

Если наши дети и внуки научатся всматриваться в великое мироздание глазами Евы, то всё, что нас окружает, станет лучше и чище, благороднее и искреннее! Ведь в каждом из нас спит наше Детство, которое мы бережно храним и защищаем!

От автора

Обезьянки

Раньше обезьяны в Таиланде были белые. Они не любили прыгать и скакать по деревьям. Но однажды одна обезьянка увидела, как человек лезет на дерево за кошкой. Обезьянка поняла, что лазить по деревьям вовсе не страшно и даже приятно.

С тех пор обезьянки начали лазить по деревьям. И вот однажды, когда белые обезьяны играли на деревьях, им понравился цвет коры деревьев. Солнышко их услышало и улыбнулось им! Обезьянки стали коричневыми и полюбили есть бананы!

Кошки

Кошки в нашей семье появились раньше, чем я родилась. Они все старше меня. За годы моей жизни у нас было много кошек, и я знаю всех по именам!

Всю свою жизнь я старательно ухаживаю за ними. Скажу по секрету: я точно знаю, что наши домашние кошки меня любят. Они помогают мне! Когда я была совсем маленькая, и мне ещё не было пяти лет, то они меня нянчили. Я это хорошо помню!

С ними, конечно, много хлопот. Но мне не тяжело! Кошки для меня — это лучший подарок! Они всегда приходят ко мне в трудную минуту. Если мне плохо, если я плачу или поранилась, то они всегда придут ко мне на помощь! Они умеют очень быстро зализывать мои раны. Кошки трогают меня своими мягкими лапками и успокаивают.

Экопсихолог

В сентябре я пойду учиться в первый класс, и у меня есть мечта! Когда я вырасту, то стану экопсихологом! Это оттого, что я люблю животных и хочу им помочь.

Для меня это самая лучшая профессия в мире. Я буду помогать животным. Им живётся трудно. Моя мама сказала, что я буду самым лучшим экопсихологом! Я ей верю. Мама меня никогда не обманывает.

Крысы

Когда мне исполнилось семь лет, то мне подарили двух крыс. Я о них очень мечтала! Одна из них беленькая, а другая серая.

Меня часто спрашивают, зачем мне эти крысы?! Я удивляюсь такому вопросу! Как объяснить людям, что они миленькие, чистенькие и аккуратные! Разве не понятно, что крысы очень трудолюбивы и дружелюбны. Они, например, помогают удалять кожуру от бананов, косточки от арбузов и многое, многое другое. А ещё они съедают наши просроченные продукты!

Я — инженер

Мне уже семь лет! Осенью я пойду учиться во второй класс. Я решила стать инженером. Мечтаю сделать много разных открытий и изобретений! Они будут стоить много денег.

Но на самом деле мне не нужны деньги! Я хочу изобрести такую машину, чтобы она смогла заменить друзей, если они находятся далеко. И ещё так придумать, чтобы мы с

мамой не расставались надолго! Мечтаю сделать такое изобретение, чтобы мама и мои друзья всегда были рядом!

Луна

Это случилось в парке... Мы потеряли там нашу серебристую кошку Луну. И я плакала из-за этого случая «на полпарка»!

Было это так. Мы взяли с собой на прогулку Йорика и Луну без поводка. Со мной были мои друзья: Анна, Ясенька и Русик. Я их предупредила, что нужно не только гулять, но и следить за кошками!

Мы занимались на спортивных снарядах. Йорик всё время был рядом с нами, а Луна залезла в тренажёр и не хотела выходить. Тогда я сказала своим друзьям: «Стойте все здесь, и следите за кошкой, пока она не вылезет из тренажёра». Но они меня не послушали и отвлекались. Так мы потеряли Луну!

На улице уже темнело, а мы всё искали и искали Луну. Её нигде не было! Мы заглянули под каждый кустик, под каждое деревце. Проверили все тренажёры. Кошки нигде не было!

Я разволновалась и начала громко плакать и звать Луну. Ничего не помогало! А когда на помощь пришла мама Анны, то на улице было уже совсем темно. Она осветила фонариком под тренажёр, и я увидела, как ярко блестят в темноте глаза Луны! Мы вытащили кошку из-под тренажёра. Я прижала Луну к себе, и мои слёзы капали на гладкую шёрстку Луны!

Моя подружка Яся бережно обняла меня и тихо сказала: «Ева, ты так сильно плакала, ну прямо... на полпарка!» Мы все громко рассмеялись, и я быстро успокоилась. Я буду помнить этот урок жизни всегда!

Зимний вечер

Был холодный зимний вечер. Рядом с горой стоял наш маленький домик. Звёздочки ярко горели в тёмном небе. Рядом с домиком находился наш маленький-маленький телескоп. По звёздному небу пролетал светящийся самолёт.

Перед сном я гуляла в лесу, который находился за большой горой. Вдруг я заметила, что в дупле самого большого дерева что-то шевелится. Дупло находилось почти на уровне земли, поэтому сразу было трудно разглядеть, кто это? Вскоре я увидела, что это был маленький щенок! Когда щенок заметил меня, то он заметался и прижался к самой дальней стенке дупла. Я вытащила его, завернула в свою кофточку и понесла домой. По дороге он привык ко мне и начал лизать мои руки тёплым и шершавым язычком.

Щенка я принесла домой. Мы с мамой его помыли и накормили. Свернувшись комочком, он уснул на моей кровати, крепко прижавшись к моим ногам. Так в моей жизни появился новый друг, щенок по имени Вечер!

Письмо Президенту России Путину

Скоро мне исполнится восемь лет! Я понимаю, что это уже много. Мне не безразлично, какая жизнь будет впереди у людей на нашей планете Земля. Часто я задумываюсь над тем, как правильно написать письмо Президенту Путину, чтобы он помог всем нам решить самое важное! Вот начало моего письма:

«Здравствуйте, Президент России Владимир Владимирович Путин! Я очень волнуюсь за нашу экологию, так как её загрязняют машины, а люди рубят деревья и много мусорят!

Я предлагаю заменить бензиновые двигатели на электрические. А фабрикам, которые загрязняют воздух и природу, лучше делать красивые вещи!»

с. Долгодеревенское

Наталья Карымова

Французские рождественские сказки в переводе и переложении Натальи Карымовой Рождественская сказка о жёстком индюке

Скоро Новый год... Самое таинственное, необъяснимо волшебное время года. То, чего не может быть ни весной, ни летом, ни осенью, случается в Новый год или на Рождество.

И даже бабушка, оставив дела и отложив своё бесконечное вязание, наденет тёмно-синее бархатное платье с кружевным воротничком и, накрыв стол в гостиной белой скатертью, поставит на него сказочно красивые фужеры из тонкого хрустала, звенящие, как льдинки, чайный сервиз прозрачно-белого фарфора, праздничные свечи и всё самое-самое вкусное, о чём только могут мечтать дети и, конечно же знаменитый новогодний торт, который испекла накануне. Дедушка наденет самую лучшую рубашку и новый галстук, и, выключив свет, зажжёт ёлку.

Придут с улицы дети, весёлые, румяные, голодные. Пока они, сбросив мокрую одежду, будут мыть руки и долго шумно устраиваться за столом, дедушка откроет бутылку шампанского и нальёт всем, даже самым маленьким по глоточку, а себе и бабушке по целому фужеру. Веселые пузырьки будут долго-долго подниматься со дна по искрящимся в свете свечей хрустальным стенкам и с легким шипением лопаться на поверхности; а если наклониться к самому краю фужера, то мельчайшая пыль прохладной влаги коснётся разгорячённого лица, как поцелуй феи. Дедушка с бабушкой будут слушать весёлую болтовню детей, и подкладывать еду на их быстро пустеющие тарелки. А на улице тем временем станет совсем темно, и никому никуда уже не захочется идти. Когда шампанское будет выпито, все вкусы съедены, а запах мандариновых корочек и шоколада, смешавшись с ароматом разогретой хвои, заполнит всю комнату, усталые ребятишки растянутся на ковре у ног сидящей в кресле бабушки, и самый маленький из них попросит:

— Бабушка, расскажи сказку! Только не такую, как в прошлый раз, а какую-нибудь совсем-совсем новую.

Наступит тишина, прерываемая вознёй устраивающихся поудобнее детей да потрескиванием догорающей свечи. Дедушка принесёт другую, зажжёт и, поставив её подальше от края стола, устроится в другом кресле, подложив под голову вышитую бабушкой подушку.

— Ну, хорошо, — скажет бабушка, — я расскажу вам сказку, и она будет совсем новая, потому что всё, о чём в ней говорится, происходит в другой стране.

— Я знаю, я знаю, во Франции! — перебьёт её маленький внук. — Я видел, ты перевела её с французского, и потом читала дедушке. Дедушка, интересная сказка?

— Очень, — ответит дед, — но вы должны быть готовы к тому, что она отличается от русских сказок.

— Ну и пусть, рассказывай, бабушка!

— Как сказал Ванечка, — начала бабушка, — дело было действительно во Франции. Над большим городом пронеслась страшная-престрашная болезнь и унесла жизни многих и многих его жителей. У маленького Анри умерли отец и мать, и мальчик остался совсем один. Из родных у него был только дядя, богатый фермер, который жил в деревне и славился своею непомерной скупостью. Он-то и взял Анри к себе на воспитание.

Жером, так звали дядю, и его жена Марта не считали нужным тратить своё время на ласки или наказания, они находили справедливым только то, что люди, которые не работают, не должны и есть. Он жил как приبلудная собачонка, слыша только ругань и получая пинки, если путался у кого-нибудь под ногами. Теперь Анри только вспоминал о прежних счастливых днях: о бисквитах с кремом, испеченных их доброй кухаркой, которыми он делился с котом, о тёплой постели и о маме, каждый вечер приходившей поцеловать его на ночь. Мальчик жил впроголодь у своего скупого дяди.

— Вот когда ты будешь работать, — говорила Марта, плачущему от голода Анри, — я налью тебе большую тарелку супа, а сейчас ты ни на что не годишься, и мы ещё очень добры, что даём тебе хлеб.

И Жером на глазах голодного мальчика запекал в печи, посыпая их сахаром, чудесно пахнущие яблоки, отрезал большие куски ветчины и клал их на свежие, мягкие с хрустящей корочкой ломти хлеба, чтобы всё это съесть за ужином. А Анри уходил спать голодным. Так проходил день за днем, и мальчик постепенно свыкся со своею участью.

Однажды, перед самым Рождеством, Жером рано закончил работу и ещё засветло вернулся домой. Он разделся и закурил трубку, усевшись в кресле у камина в ожидании праздничного ужина. Тем временем Марта и кухарка хлопотали у плиты, а Анри сидел в уголке около печи в ожидании своего куска засохшего хлеба, глядя широко раскрытыми глазами на приготовление праздничных блюд.

— А мне можно будет попробовать пирожного? — робко спросил мальчуган.

— Пирожного?! — закричала Марта. — Может, ещё сметаны? Или фруктов в сахаре? Разве ты платишь за муку, за сахар, за масло? Когда мы сядем за стол, ты отправишься спать!

Анри промолчал, но глаза его наполнились слезами.

— Эй, ты, — толкнула его служанка, — тебе всё равно нечего делать, ступай в деревню, принеси корицы для пудинга и каштанов для индейки.

Анри вылез из своего угла, накинул на худенькие плечи старенькое пальтишко и вышел на улицу. Там было холодно и скользко. В тёмной, бархатной синеве рождественского неба мерцали звезды, узенький серп луны, закутанный в полупрозрачное облачко, как в шелковый шарф, освещал ему дорогу. Но мальчик не видел красоты этой волшебной ночи. Чтобы согреться, он бежал по скользкой протоптанной в снегу тропинке и вскоре вошел в маленькую деревенскую лавку.

— Почему ты пришёл так поздно, дружок? — ласково спросил его хозяин, прикоснувшись тёплой ладонью к его холодной щеке. — Что тебе нужно?

— Я хотел бы купить корицы и каштанов, мсье. Дайте мне, пожалуйста, всё самое лучшее, чтобы моя тётя была довольна.

— Разве твоя тётя не знает, что самое лучшее она получит тогда, когда придёт и выберет всё, что ей нужно, сама?

Во время их разговора в лавку зашёл старик с длинной седой бородой, что говорило о его почтенном возрасте. Он подошёл к прилавку и, склонившись к мальчику, спросил:

— Почему ты такой бледный, малыш?

— Это потому, что я ещё не работаю, — объяснил Анри, — я ничего не зарабатываю и не должен много есть, поэтому я всегда голоден.

— Ты не обедал?

— О, мсье, я уже съел свой кусок хлеба, но он был такой маленький!

Хозяин лавки сделал знак старику и, пока Анри укладывал покупки в сумку, рассказал ему историю мальчика.

— Их следовало бы проучить как следует, но они очень богаты и ни у кого в деревне не хватает духу сделать это, — заключил лавочник.

— Жаль, что я иностранец, — сказал старик и не могу взять мальчика с собой, но я хотя бы провожу его до дома, чтоб ему не было одиноко в эту праздничную ночь.

Когда они вышли на улицу, старик, склонившись к мальчику, взял его за руку и ласково спросил:

— Наверное, ты был бы рад хорошо поужинать сегодня ночью?

— Как это было бы чудесно! — вздохнул мальчик.

— Послушай меня, малыш, — сказал старик, — как только настенные часы в вашем доме начнут бить полночь, тебе нужно будет сказать: «Пусть Рождество изменит то, что должно измениться». Где бы ты ни был в это время, не забудь произнести эти слова, и я тебе обещаю замечательный ужин, — сказав это, старик исчез в вихре вдруг налетевшего и закружившегося снега.

Так же внезапно смерч распался на отдельные необыкновенной красоты снежинки, медленно и плавно опустившиеся на землю, словно пушинки из оперения волшебной птицы, и Анри оказался один на пустынной дороге.

Придя домой, он отдал покупки тётке и поднялся по крутой лестнице в маленькую мансарду, где в холодном сыром углу на старом сундуке была его постель. Завернувшись в тонкое одеяло, Анри попытался уснуть. В его каморку поднимались тёплые кухонные запахи и доносились приглушенные голоса Жерома и Марты.

«Как, — подумал Анри, — простые слова, сказанные стариком, могут помочь ему получить ужин из тех вкусных блюд, которые готовят внизу?»

В девять часов Анри задремал, согрившись под одеялом и пальто, которым он укрылся поверх одеяла. К десяти часам служанка намазала маслом тушку индюка, посолила и поперчила её. Затем, открыв печь, поставила в нее большое глиняное блюдо с птицей. Индюшка должна быть готова ровно к полуночи. Сидя в кресле у камина, Жером курил трубку за трубкой, прервавшись лишь для того, чтобы принести из подвала вино, которое не должно было быть очень холодным.

Всё это время Анри спал, и ему снилась его мечта. Он видел себя в поле идущим за тяжёлым плугом, который тянули два могучих быка. Никто и никогда ещё не работал так быстро и красиво. На углу поля его поджидал Жером. Он сказал ему:

— Bravo, Малыш, ты настоящий пахарь!

Вместе с дядей они возвращаются в деревню, где на пороге дома их встречает улыбающаяся Марта. Вместо того, чтобы съесть положенный ему кусок хлеба и идти спать, он садится за большой дубовый стол в кухне. Жером сам разрезает индюка и даёт ему большой кусок. Мальчику кажется, что он слышит запах и ощущает вкус прекрасно приготовленного мяса, впечатление такое сильное, что Анри просыпается. Широко открытыми глазами он смотрит в темноту.

А между тем приближалось Рождество. Жером надел новую куртку, а Марта белый передник. Всё было готово к праздничному ужину и они, смеясь и болтая, уселись за красиво накрытый стол.

Вот уже съедены закуски, и в бокалы налито превосходное вино для главного блюда. Служанка принесла на большом подносе индюка, обложенного печеными яблоками. Он был восхитительно поджарен, его румяная кожа золотилась как под лучами солнца. В ту минуту, когда Жером занес нож над индюком, чтобы разрезать его, часы начали бить двенадцать. И с первым их ударом Анри произнёс заветные слова:

— Пусть Рождество изменит то, что должно измениться!

Но как будто ничего не произошло после произнесённого им заклинания. Только Марта сказала:

— У малыша кошмар, он съел слишком много хлеба.

Но вот тут-то и случилось нечто необыкновенное. Нож не входил в тело индюка, как будто он был каменный.

— Он не прожарился, как следует, — сказал фермер, — я не могу его разрезать!

Марта отобрала у него нож

— Давай я попробую, ты устал, у тебя дрожат руки. Крылышки должны отделиться сами.

Но ничего не получилось и у Марты. Жером снова попытался воткнуть нож в индюка, но лезвие сломалось. Тогда, покраснев от злости, он закричал:

— Принесите мне топор!

Но даже топор затупился о поджаристую корочку индюка.

Анри понял, что старик не солгал, он знал, что время пришло, ужин для него готов, тогда мальчик спустился вниз и заглянул в приоткрытую дверь.

Увы, индюк все еще не был разрезан. Жером сломал шесть ножей, его лицо налилось кровью. Белый передник Марты покрывали пятна соуса, и если бы индюк уже не был мёртвым, она придушила бы его собственными руками. Анри вошёл, приблизился к столу и робко присел на краешек стула. Несмело взял вилку и погрузил ее в тело индюка, а затем легко, как будто разрывал папиросную бумагу, оторвал оба крылышка.

Марта и Жером, самые болтливые люди в округе, онемели от изумления. Когда фермерша робко коснулась поджаристого бока индейки своей вилкой, она не вошла в мясо, а сломалась так, как будто была сделана из хрупкого стекла.

— Анри, — взмолился побеждённый фермер, — помоги разрезать этого проклятого индюка!

— А я смогу взять маленький кусочек?

— Ты получишь столько, сколько захочешь.

— А пирожное?

— Обязательно!

— И сметану?

— Да, если будешь ещё голоден.

Прошёл год. И под Рождество, когда странный старик снова оказался в их деревне, он встретил Анри на улице, но не узнал его, потому что мальчик изменился. Он немного подрос, поправился и похорошел.

Вот и вся сказка.

— Бабушка, ведь это же был дед Мороз, разве Анри не знал о нём?

— Конечно, это был французский дед Мороз, Пэр-Ноэль.

— Бабушка, а ещё!

— Ну, это уж завтра, а теперь всем пора спать, посмотрите, дедушка уже десятый сон видит. — И бабушка тронула за плечо уснувшего деда.

— Да, да, — встрепенувшись, сказал он, — оставим что-нибудь и на завтра. Спать, спать, спать.

Дети улеглись в свои кровати, а дедушка, кряхтя и постанывая, опустился на четвереньки и разложил под ёлкой подарки. Хотя и не верят нынешние дети ни в русских, ни во французских Деда Морозов, но они всё же дети, и маленькие чудеса им нужны. Затем дедушка задул свечу, и, сладко зевнув, улегся рядом с бабушкой под тёплое одеяло.

Рождественская ночь, морозная и светлая от выпавшего накануне снега, заглянула в окно. В лунном свете волшебными искорками мерцали игрушки и нити дождя на ёлке, колеблемые тёплым воздухом. Кажется, что вот-вот наступит мгновение, когда они оживут, задвигаются и заговорят между собой. А кто из детей не ждал в новогоднюю ночь этого чуда, но, не дождавшись, засыпал, а проснувшись утром, свято верил в то, что просто проспал этот миг, но уж на следующий год ни за что не пропустит его? А дедушки и бабушки, мудро улыбаясь, не спешили разуверять их.

Сказка об исчезнувшей королеве

И снова наступит вечер, вернуться в дом дети и после ужина, когда на столе останутся только фрукты и сладости, бабушка возьмёт в руки коклюшки и, быстро перекладывая их из одной руки в другую, примется за своё бесконечное кружево, а внуки, наигравшись подарками, будут снова просить её рассказать обещанную им сказку. И бабушке ничего не останется, как только выпустить из рук зазвеневшие льдинками коклюшки и воткнуть в бубен приготовленные булавки. Придёт из мастерской, где он готовил к лету улья, дедушка, и, подложив под голову всё ту же вышитую бабушкой подушку, приляжет на маленький диванчик, и будет сладко дремать, слушая негромкий бабушкин голос:

— В одной деревне жили муж и жена. Они были такими трудолюбивыми, весёлыми и приветливыми, что по соседству с ними поселилась добрая Фея. Они часто навещали друг друга, и, когда молодой женщине пришло время родить, вместо повитухи она позвала Фею.

Только что родившуюся девочку волшебница завернула в красивые кружевные пелёнки, лёгкие, как летнее облачко, и сказала молодой счастливой матери:

— Выбирайте, дорогая: ваша девочка может стать королевой, прекрасной как ясный день, но... несчастной. Или она станет простой крестьянской девушкой, не лучше и не хуже других, но весёлой и вполне довольной жизнью. Мать выбрала для своей дочери красоту и корону, потому что не хотела, чтобы её дочь работала так же тяжело и много, как она.

Быстро пролетали годы, зимы сменялись вёснами, и подрастающая девочка с каждым годом становилась всё прекраснее, затмевая своей красотой красавиц из ближних и дальних деревень. В дни сельских праздников она танцевала лучше и грациознее всех своих подруг. Её голос был мелодичнее самого нежного музыкального инструмента, а песни, которые она пела, девочка придумывала сама. За что бы она ни взялась, всё давалось ей легко.

Сначала девочка, которую мать назвала Флорой, не понимала, как она хороша, но однажды, играя с подружками у фонтана, заглянула в его прозрачную воду, увидела, что она милее всех своих подруг, и невольно залюбовалась собою. Её мать, помня предсказание Феи, смотрела на дочь как на будущую королеву и портила её излишней снисходительностью.

Женщина не принуждала её ни к какой работе, и когда девочка подросла, то не умела ни шить, ни вязать, ни пасти овец. Целый день Флора только развлекалась, собирала цветы, танцевала и пела в тени деревьев. Однажды Фея гостила у короля, богатого и всемогущего, но уже старого и больного. Чувствуя приближение смерти, король хотел женить своего единственного сына. Добрая Фея убедила принца в том, что в деревне он может найти такую хорошенькую и умную крестьяночку, что она будет лучше любой принцессы. Королю понравилась эта мысль, и он решил собрать самых красивых крестьянских девушек королевства, чтобы выбрать жену для любимого сына. Придворные короля искали их по всем большим и маленьким деревням, и вскоре в большом зале дворца перед глазами короля и принца предстали тридцать красавиц. Среди них была и Флора. Девушки танцевали, пели, играли в простые деревенские игры. Все они были хороши, но Флора — красивее и грациознее всех. Восхищенный ею король воскликнул, что она достойна короны.

Молодой принц тоже был очарован девушкой и без колебаний предложил ей не только свою руку, но и сердце. Вскоре Флора поселилась во дворце короля. Она без сожаления рассталась со своим простым деревенским платьем и надела одежды, шитые золотом, усыпанные жемчугами и бриллиантами. Множество слуг и горничных было теперь у неё в услужении. Они одевали, причёсывали её, и целые дни она проводила в праздности и увеселениях. Стены покоев дворца были отделаны зеркалами, в которых многократно отражалась красота Флоры, и принц даже издали мог любоваться своею невестой. Раймонд

оставил охоту, гимнастические упражнения и занятия государственными делами, чтобы не разлучаться с Флорой ни на минуту.

На свадьбе, где было множество всякого люда, все любовались красотой, молодостью и согласием молодых. Король не мог желать для своего Раймонда жены лучшей, чем Флора. Он успокоился, отошёл от дел и вскоре умер, оставив после себя неутешную вдову.

Раймонд стал королем, а Флора — королевой, советницей и помощницей мужа. Они во всем доверяли друг другу, разумно управляя королевством.

Только мать Раймонда, вдовствующая королева, была недовольна Флорой: она завидовала её молодости и красоте. Безобразная, хитрая и жестокая, похожая на ведьму свекровь ненавидела Флору и часто говорила Раймонду:

— Вы совершили ошибку, мой друг, женившись на этой крестьяночке. Ваш отец в свое время выбрал меня, потому что я была дочерью короля. Так должны были поступить и вы. Отшлите назад в деревню эту хорошенькую пастушку и женитесь на девушке, достойной вас.

Раймонд не соглашался с матерью. Он очень любил свою молодую жену.

Но однажды хитрая женщина завладела письмом Флоры к королю. Наняв искусного писца, она заставила его подделать почерк Флоры и вместо имени короля они вписали имя молодого придворного. Получилось так, как будто письмо было адресовано не Раймонду, а ничего не подозревавшему юноше. Мать сделала всё, чтобы оно попало в руки сына. Молодой король, ослеплённый ревностью, по совету своей жестокой матери заточил Флору в высокую тюремную башню и приказал содержать её там до самой смерти...

Дни и ночи плакала молодая королева в башне, не догадываясь, за какую провинность, так жестоко обошёлся с нею король, ведь она так любила его!

Проходил месяц за месяцем. В одиночестве Флора часто вспоминала свою деревню, мать, подруг и все радости и удовольствия деревенской жизни. Она вспоминала, как беззаботно и весело ей жилось дома, как любили и баловали её односельчане, ей вдруг стали противны суета и лицемерие придворной жизни.

Но даже заточённая в тюрьме, разлученная с Раймондом, она не давала покоя вдовствующей королеве. Видя, как сын тоскует о Флоре, злая женщина решила навсегда избавиться от невестки, и приказала от имени короля отрубить ей голову, с известием об этом свекровь послала к Флоре старую служанку. Молодая королева спокойно выслушала приказ короля и сказала, что готова к смерти.

Палач уже готовился к казни, когда в комнату к Флоре вошла молодая женщина и сказала, что она пришла по поручению матери Раймонда, чтобы наедине сказать несколько слов Флоре перед смертью. Палач и старая служанка оставили их вдвоём, потому что решили, что это одна из фрейлин вдовствующей королевы, но на самом деле, это была добрая Фея, предсказавшая несчастье, в том случае, если мать Флоры выберет для неё судьбу королевы.

— Сможете ли вы отказаться от красоты и короны? — спросила Флору женщина, — если да, то я спасу вас.

Флора с восторгом приняла её предложение. Тогда Фея надела на её лицо волшебную маску и в то же мгновение черты прекрасного лица девушки огрубели и потеряли свою привлекательность. Флора стала почти дурнушкой.

Никто не узнал бы в ней прежнюю красавицу, и она без труда покинула тюрьму, спокойно пройдя мимо служанки и палача.

Так и не дождавшись, когда выйдет из дверей комнаты Флоры вошедшая к ней женщина, они открыли дверь и увидели пустую комнату. Только на полу лежало роскошное платье королевы, затканное золотом и украшенное драгоценными камнями. Долго искали Флору по всем закоулкам замка, но она бесследно исчезла.

Дрожа от страха, служанка и палач, рассказали об этом вдовствующей королеве и королю. Королева вздохнула с облегчением, а король, заперся один в своих покоях. Он раскаивался в содеянном, считая виновным только себя в том, что с ним не было больше Флоры.

Раймонд не женился более и проводил свою жизнь в одиночестве во дворце, наедине с зеркалами, в которых когда-то отражалась красота Флоры, и иногда ему казалось, что в глубине комнат он видит неясный силуэт своей возлюбленной.

А Флора вернулась домой, где никто, кроме матери, не узнал в дурнушке прежней красавицы. Проходили годы, она жила в своей родной деревне, односельчане полюбили её за легкий и весёлый нрав, потому что человек, избежавший смерти, начинает ценить жизнь, какой бы тяжёлой и полной забот она ни была.

Флора с удовольствием делала всю деревенскую работу, но с особенным удовольствием она вышивала. Цветы на полотне получались у неё как живые, быть может, она надеялась, что когда-нибудь Раймонд увидит её работу и узнает в вышитых ею цветах

свою Флору; несмотря на то что он обошёлся с нею так жестоко, она не смогла разлюбить его.

По всему королевству рассказывали историю исчезнувшей королевы, сочиняли стихи и песни об её приключениях и несчастьях. Флора часто пела их со своими подругами и плакала вместе с ними, но никому не хотела рассказать о том, кем была на самом деле.

И на рассвете, выгоняя овец в поле, видя, как всходит солнце, слыша, как поют птицы, Флора чувствовала себя счастливой, потому, что мир, окружающий её, был прекрасен, и любовь к нему переполняла её сердце.

— Бабушка, а как же Раймонд? Он найдет Флору? Он узнает её?

— А вот это пусть каждый из вас придумает сам, — улыбаясь, ответит бабушка. — Может быть, вы увидите продолжение сказки во сне. — И снова возьмет в руки коклюшки.

Дедушка потянется, и скажет:

— Да, грустная получилась история. Надо пойти спать, может быть, конец приснится веселее.

И дети потянутся за дедом, потому что час уже поздний и, набегавшись по морозу, ребята разомлели в тепле. Вскоре в доме наступит тишина, только в гостиной ещё некоторое время будут мелодично постукивать бабушкины коклюшки.

Сказка о доброй девушке и беспечном короле

И снова пройдёт день. Для ребят он будет долгим, наполненным разными интересными событиями, для взрослых — промелькнёт как одно мгновение, полный забот и будничных дел. И только вечером, когда набегаются молодежь, а суэта домашних хлопот утомит старших, эти два мира сойдутся вместе, в точке покоя, где их мысли потекут в одном русле и с одинаковой скоростью.

И снова кто-нибудь из внуков, привычно растянувшись на ковре у бабушкиного кресла, скажет:

— Бабушка, а сказку! — И бабушка, отложив пальцы с начатой вышивкой, после недолгого раздумья начнёт:

— В одном очень богатом королевстве жил-был беспечный король. Не утруждая себя государственными делами, он целые дни проводил на охоте, а вечера на придворных балах.

Но его королевство процветало потому, что управлять государством он поручил жестокому и расчётливому человеку по имени Готьен.

Забываясь о благополучии вверенной ему страны, Готьен не забывал и о себе: облагая народ непосильными налогами, он между делом набивал и собственные карманы.

Однажды в погожий летний день в сопровождении двух стражников, Готьен прогуливался по городу, в котором жил; его не любили за злость и жадность, поэтому он боялся гулять в одиночестве и его всегда сопровождал кто-нибудь из охраны. Готьену нравилось глумиться над людьми, но, боясь сильных, он выбирал своими жертвами беззащитных бедняков.

На одной из улиц городка управляющий делами королевства увидел хорошенький беленький домик и возле него маленький ухоженный садик, где рядом с молодой яблоней заметил цветущий розовый куст. Бутоны роз с бархатистыми лепестками огненно-красного цвета были удивительно прекрасны. Но Готьен, стоя у дома Мадлен, вовсе не восхищался ими, прелесть маленького сада не тронула его жестокого сердца. Он в глубоком раздумье смотрел на цветы, и его лицо ничего не выражало.

В это время открылась дверь дома, и на пороге появилась самая хорошенькая в городе девушка. Она была просто, но опрятно одета, аккуратно причёсана, и на её лице сияла приветливая улыбка.

— О, Мадлен, — тихо произнёс один из охранников Готьена, и его добрые глаза засветились нежностью в ответ на улыбку девушки.

— Ты знаешь её? — спросил управляющий.

— Её знают и любят все, мсье! Она круглая сирота, но тяжелая жизнь не ожесточила её и не погасила её улыбки. Она живёт одна в этом скромном домике.

Охранник рассказывал так подробно Готьену о Мадлен, надеясь на то, что он сжалится над нею и не обидит её, но ошибся. Готьен жестом подозвал к себе девушку.

— Это твои розы? — хмуро спросил он.

— Да, мсье, — приветливо ответила Мадлен, — если вы любите цветы, я охотно сорву одну из этих роз, чтобы украсить ею ваш мундир.

Но Готьен, не ответив на её улыбку, приказал:

— Немедленно убери этот куст! Королевство не настолько богато, чтобы бедняки развлекались выращиванием цветов! На его месте должны расти капуста и морковь, как у всех, а не какие-то глупые цветы, которые не приносят никакого дохода!

Глаза Мадлен наполнились слезами:

— Мсье, не будьте так жестоки! И бедным людям нужна красота. Эти розы — единственная радость моей жизни. Что мне останется, если вы их у меня отнимете?

— Это не моё дело. Я должен блюсти интересы государства. Я снова приду сюда завтра вечером, к этому времени ты должна выкорчевать цветы.

Охранник с добрыми глазами наклонился к Мадлен и прошептал:

— Мадлен, пожалуйста, сделайте, как он сказал, иначе он погубит вас.

Девушка подняла на него заплаканные глаза, но ничего не сказала.

На следующий день в тот же час Готьен снова появился у садика Мадлен, но розовый куст оставался на прежнем месте и был красив как никогда. Взбешенный Готьен закричал своим стражникам:

— Что вы стоите, вырвите его немедленно!

Мадлен с плачем принялась умолять его не делать этого, но, несмотря на её слёзы и мольбы, стражники вырвали куст, засыпав землю алыми лепестками.

— Завтра на этом месте должна расти капуста, — рявкнул управляющий и, довольный собой, отправился восвояси.

Девушке ничего не оставалось, как только повиноваться и взять взаймы у соседней рассаду капусты. Горько плача, она рассадил на месте розового куста шесть корешков капусты, заботливо заслонив их от жаркого солнца листьями лопуха и обильно полив свежей водой, ведь они ни в чём не были виноваты.

Утром следующего дня Готьен снова появился у дома Мадлен. Но к своему ужасу вместо одного он увидел шесть великолепных розовых кустов, покрытых цветами, которые за одну ночь выросли из слабеньких корешков капусты, посаженных Мадлен. Розы занимали весь маленький сад: белые, розовые, красные, они наполняли утренний воздух благоуханием.

— Вырвите их сейчас же, — вне себя завизжал Готьен. — Переломайте ветки, смешайте с землёй это безобразие, а девчонку отправьте в тюрьму!

В городе поднялся ропот осуждения, когда жители увидели проходящую мимо их домов Мадлен с руками, связанными за спиной, такую маленькую рядом со стражником, который сопровождал её; его лицо было красным от смущения, он стыдился того, что делал.

Когда стражник развязывал Мадлен руки у дверей камеры, ему удалось незаметно положить ей в ладонь спрятанную им розу, и тихо, чтобы слышала только она, он сказал:

— Я спрятал её для вас, чтобы вам не было одиноко этой ночью. — Девушка благодарно улыбнулась ему сквозь слёзы.

А на утро случилось чудо: там, где упал на землю хотя бы один лепесток, розы дали новые ростки, а на месте вырванных кустов выросли новые, ещё пышнее и краше. Мало того, новые побеги устремились на улицу, увеличиваясь с каждым часом, обрастая листьями и покрываясь прекрасными цветами. Жители городка поспешили к дому Мадлен, чтобы увидеть эти волшебные превращения.

Расвирепешивший Готьен заставлял подчиненных ему людей корчевать, резать, уничтожать растущие везде, ненавистные ему цветы. К вечеру земля была покрыта разноцветными лепестками роз. Но сломанные, втоптаные в землю ветки снова и снова прирастали, росли, множились, заполняя собой свободное пространство; испарывая землю, поднимались вверх все новые и новые побеги, захватывая улицу за улицей и устремляясь за пределы города. В соседних деревнях люди залезали на крыши домов, потому что издали город напоминал огромный букет роз, аромат которых приносил легкий летний ветерок.

А в это время в королевском дворце начинался бал. Когда король дал знак музыкантам к первому танцу, во дворце послышался непонятный шум, стены дворца дрогнули и розовые кусты, расколов паркет, зацвели у ног короля. Придворные и сам король были восхищены этой мощью.

Одного Готьена, стоявшего в стороне ото всех, душили ярость и страх. Молодой король, не вникавший в дела государства, не имел представления о том, каким образом Готьен управляет им. Придворные, предпочитавшее ранее молчать о том, что происходит в королевстве, чтобы не огорчать весёлого и доброго короля, рассказали ему историю Мадлен. Король, даже не взглянув на своего управляющего, приказал привести бедную девушку во дворец.

Когда Мадлен с темными кругами вокруг глаз от усталости и слёз, в платье, покрытом тюремной пылью, предстала перед королем, она была так беззащитна и мила, что Готье понял, как плохи его дела. Молодой король сам любил цветы, и в особенности розы, он сказал:

— Подойдите ко мне, дитя моё. Не бойтесь, вас никто не обидит больше. Отныне вы будете заботиться о моих садах. И учтите, что мои любимые цветы — розы.

Готьен был в полной растерянности. Он заперся в своем доме и ночью умер от злости.

А Мадлен через некоторое время вышла замуж за стражника с добрыми глазами, и они поселились в небольшом хорошеньком домике в королевском саду, Мадлен ухаживала за своими любимыми розами и другими цветами, а её молодой муж помогал ей.

Что же касается короля, то он понял, что такое важное дело, как управление государством, нельзя доверять никому, и сам принялся за дела.

В конце школьных каникул, дети, отдохнувшие, набравшиеся новых впечатлений, уже не будут рваться на улицу, и почти весь последний день проведут дома. Мальчики помогут деду отремонтировать ульи, а единственная девочка тихонько посидит возле бабушки, глядя, как она заводит тесто для любимого всеми капустного пирога. А потом, когда опустятся сумерки, когда мороз начнет подновлять оттаявшие за день узоры на окнах, бабушка с внучкой накроют стол, вытащат из печи, пахнущее разопревшим мясом жаркое, разрежут ещё теплый пирог и позовут проголодавшихся мужчин.

И в этот вечер бабушка с дедушкой наденут маскарадные костюмы, в которых они были в Новый год на празднике для взрослых, и выйдут к детям. Бабушка — в пышном черном бархатном платье с длинным, волочащимся по полу хвостом, кружевной вставкой на груди и высоким стоячим воротником. К своим высоко поднятым седым волосам она приколет алую розу. А на дедушке, обтянув его кругленькое брюшко, будут надеты белые лосины и сшитый бабушкой гусарский ментик, а на голове — высокая гусарская шапка с болтающимися кистями. Дети встретят их аплодисментами, и бабушка сделает книксен, совсем как придворная дама, а дедушка лихо отдаст честь честной компании. И внучка с загоревшимися глазами будет просить у бабушки разрешения приехать раньше на следующий Новый год, чтобы увидеть, как встречают его взрослые. Бабушка с дедушкой загадочно улыбнутся и, покачав головами, скажут:

— Не спеши, у тебя ещё всё впереди, все праздники и все костюмированные балы, и даже если их не случится, то будет что-то другое, может быть, гораздо более интересное.

Сделав круг почета вокруг стола, чтобы дети увидели все подробности их костюмов, дедушка с бабушкой покажут, как танцевали когда-то мазурку, и весёлые и довольные друг другом пойдут переодеться.

А после ужина все снова соберутся вокруг бабушки. В этот последний вечер она не возьмет в руки ни коклюшки, ни пальцы с вышивкой, а, погасив свет, зажжет снова свечи и ёлку, с которой уже начнут осыпаться на ковер подсохшие иглы, и скажет:

— Однако, какими бы большими вы ни были, пора спать, завтра рано утром за вами приедут родители. Ложитесь, а мы с дедушкой посидим ещё немножко.

И они останутся одни возле ёлки, и глаза их станут грустными, потому что завтра дети уедут, их большой дом погрузится в скучную дремоту, зимние дни будут казаться длинными, а вечера грустными без детских голосов, смеха, ссор и примирений. Замерев в зимней спячке, они будут ждать лета, когда в пустых комнатах снова зазвучат детские голоса, серебрястыми колокольчиками зазвенит их смех, что-то будет падать и разбиваться, кто-то плакать, а кто-то смеяться, каждая минута их жизни наполнится смыслом, и дня не будет хватать для того, чтобы закончить намеченные дела.

Но это будет летом, а сейчас за окном зимняя ночь, морозная, светлая, длинная, на замерзших окнах ветви сказочных деревьев отсвечивают голубым и от ёлочных огней на них вспыхивают и гаснут разноцветные искры.

— Ну, бабуля, кончилась твоя новогодняя сказка, — скажет дед, пора и нам на покой. — И поцелует её в седую голову...

г. Снежинск

Людия Микрюкова

Ква-свадьба

Как-то раз на тихой речке,
На безветренном местечке
Были (как бы не соврать бы):
Лягушоночкины свадьбы.
В коробочочках примчались —
И ква-песни разливались:
«Ква да ква, да ква-ква-кважды,
Не засохнем мы от жажды!»

Ква-жених и ква-невеста,
всем на свадьбе хватит места.
Свадьба кваканьем богата —
Скоро будут лягушата.
Ква-сыночки и ква-дочки
Здесь заквакают у кочки.
То-то будет радость маме:
Квакать с вами вечерами.

г. Чебаркуль

Анатолий Омельчук

Погрейся под моим крылом

(стихи для детей)

Давно всё это было

Давно всё это было,
Я был тогда мальцом.
И бабка нас клеймила
Ругательским словом.

Из сада даже грушей
Она не угостит:
Трясётся своей тушей
И всё на нас ворчит:

«Вас нарожали с пьянки,
И вам неведом страх.
А ваши папы, мамки
Пьют самогон в кустах».

Купеческой породой
Гордилась каждый раз.
Но мы-то — из народа,
С рабочей жилкой класс.

Но вот пришла кончина,
Лежит в гробу родном.
Прощайте, баба Зина,
Покойтесь вечным сном.

Земля пусть будет пухом,
Душа — в родном раю.
Спокойно спи, старуха!
Баюшки-баю.

Окрошка

Редиска, яйцо, колбаса и картошка
В кастрюле решили поспорить немножко.
И каждый считал, что он в блюде не ноль,
И мнил из себя, будто тронный король.
Включился тут в спор молодой огурец:
«Ну что вы кричите — вот я молодец!»

И вкус я пикантный еде придаю,
И марку держу я достойно свою». —
Послышался громкий обиженный бас:
«Забыли, что всех вас роднит вкусный квас.
И знать вы обязаны только о том,
Что сила могучая кроется в нем».
На кухню явился с прогулки Алёшка,
И сразу он скушал две миски окрошки.
И бабушке вдруг, улыбаясь, сказал:
«Такого я чуда еще не едал».

Первоклассник Миша

Мише семь уже годочков,
Время так летит вперёд.
И любимого сыночка
В школу вся семья ведёт.

Он идёт такой нарядный,
Ранец на спине несёт.
И к двери спешит парадной,
Где учительница ждёт.

Праздник радует мальчишку,
Всей душой в него проник.
У него тетрадки, книжки,
Он примерный ученик.

В коллектив вольётся новый,
Тут теперь его друзья.
И почувствует он снова:
Класс — огромная семья.

Галчонок

Случилась страшная беда:
Галчонок выпал из гнезда.
Он на земле сидит сырой,
Такой беспомощный, смешной.

А глазки словно угольки,
В них столько горя и тоски.
И мир вдруг стал совсем иным:
Жестоким, кровожадным, злым.
Живую маму увидал —
И сразу духом он воспрял.
И голос слышится родной:
«Ты не ушибся, дорогой?
От холода ты весь продрог,
И можешь заболеть, сынок.
Погрейся под моим крылом
И подыши родным теплом.
Мы вместе полетим домой,
Нас ждут дела, уют, покой».

Обещалкин

Мой приятель Ваня Галкин
(Я со школы с ним знаком)
Обещал, что на рыбалку
Мы поедем вечером.

Приготовил рыбки снасти
И большой велосипед.
И бушуют во мне страсти,
А его всё нет и нет.

Я прождал его весь вечер,
Думал, что ко мне зайдёт.
Если б знать, что он нечестен,
И меня так подведёт.

Обещал он тёте Лиде
Огород перекопать,
Но пропал совсем из виду
И не знаем, где искать.

Младшую сестрёнку Зину
Обещал в кино сводить,
Принести ей мандарины,
Шоколадкой угостить.

Только плач услышал громкий,
Полон тягостных обид:
Обманул свою сестрёнку,
И его не гложет стыд.

Во дворе его все знают:
Галкин — тот ещё болтун.
И прозвали «Обещалкин»,
Он к тому же страшный лгун.

Дети! Вам я с назиданьем
От души хочу сказать:
«Если дали обещанье,
Надо с честью выполнять».

г. Челябинск

Валентина Почтарёва

Ладушки-оладушки

Оладушки

Как у нашей Ладушки
Кушали оладушки.
Сосед Серёжка,
Дружок Тимошка.
Галочка-скакалочка,
Верочка-припевочка.
И Лидушка с киской
Для оладушек с миской.
Прибежал и Стёпка,
Задира, растрёпка.
Тут пришла и Зиночка —
У неё корзиночка,
А в ней, как в лавке:
Бусы, булавки,
Платочки, носочки.
А в уголочке
Положила Ладушка
Вкусных два оладушка.
Всё маслом поливала,
Гостей угощала.
Благодарны бабушке
За её оладушки.

— Спасибо, — говорили,
В гости пригласили.
Вот как хорошо!

На базаре

Мы ходили на базар,
Чтоб купить себе товар:
Антошке — застёжки,
Аленке — гребёнки,
Галочке — каталочки,
Ниночке — ботиночки.
Дорогому Ванечке
Мы купили прянички:
Вкусные такие,
Мятные, резные.
Кушай, наш дружок,
Милый голубочек!

Ботинки

У нашей Иринки
 Пропали ботинки.
 Искали в чулане,
 Смотрели в диване,
 Искали и в печке —
 Сожгли мы две свечки.
 Быть может, в корзинке
 Лежат те ботинки?
 Но чьи это ножки
 Бегут по дорожке?
 Шалуњи Иринки.
 На ножках ботинки.

Шалунишка

Бабушка носок вязала
 И заснула, вот дела.
 Киска к бабке подбежала
 И клубок поволокла.
 Покатился тот клубочек,
 Словно в сказке колобок.
 Распускается носочек,
 Колобка хуеет бок.
 До дивана докатился,
 Закатился под кровать;
 Снова к бабке возвратился,
 Стал у ног её играть.

Замотали киске лапки
 Нитки бывшего носка.
 И залез он к бабке в тапки:
 Решил спрятаться пока.
 Тут и бабушка проснулась
 И хотела спицы взять.
 Влево, вправо повернулась —
 А носочка не видать.
 Сам в клубочек превратился
 Наш весёлый озорник:
 Рядом с бабкой очутился,
 На колени её — прыг.
 Бабка гладит у котёнка
 Его тёплые бока.
 — Не ругайте вы ребёнка:
 Он же маленький пока.

Алёнка

Как у нашей у Алёнки
 Носик, ротик — всё в сгущёнке.
 Кушала, старалась,
 Вот и замаралась.
 Ах! Какая красота!
 Только баночка пуста.
 Кончилась сгущёнка
 И грустит Алёнка.

г. Чебаркуль

Зоя Романова

Прибежала вся родня

В небе солнышко сверкнуло

В небе солнышко сверкнуло
 И в окошко заглянуло:
 «Просыпайтесь, ребяташки,
 И девчонки, и мальчишки!
 Во дворе резвиться будем,
 И обиды все забудем.
 Выходите поскорее,
 Вместе станет веселее.
 Обниму вас, пожалею,
 Ярким лучиком согрею,
 В прятки с вами поиграю,
 Поцелую, приласкаю».

Сон

Ох, какой же был кошмар:
 Прилетел ко мне комар,
 Нагло в ухо он залез —
 Я подпрыгнул до небес.
 А комар залез в мой нос,
 Он кусал меня до слёз.
 Я хотел его поймать,
 Из рогатки стал стрелять.
 Но опять не повезло:
 Выбил в форточке стекло.
 А комар тогда запел
 И на волю улетел.
 Тут я в зеркало взглянул,
 Крикнул громко: «Караул!
 Нос распух, и уха нет,
 Помоги скорее, дед!»
 Прибежала вся родня,
 Посмотрела на меня.
 Оказалось: сон приснился.
 Я заплакал, извинился...

г. Конейск

Женские лица войны: две истории

Известно выражение: «У войны не женское лицо». Наверно, эта фраза правильная, однако женские лица на войне присутствовали, и их было немало.

Мне давно хотелось рассказать о женщинах, чью молодость опалила война, которые были непосредственными участницами той Великой Отечественной. О двух из них постараюсь поведать в своём повествовании.

Одна из них — Мария Егоровна Ватутина (девичья фамилия Лисицина) — родилась в селе Большой Куяш в 1920 году. В 1939 году Мария окончила Троицкую фельдшерско-акушерскую школу по специальности «фельдшер». Как молодого специалиста её направили в посёлок Метлино, где она стала работать в должности фельдшера в местном фельдшерско-акушерском пункте.

В 1942 году двадцатидвухлетняя девушка была мобилизована в Красную Армию и направлена на службу в эвакогоспиталь 54-й армии 3-го Украинского фронта. Начинала Мария службу в госпитале операционной сестрой, а затем продолжила старшей медсестрой. Страшно было поначалу молодой девушке видеть искалеченных, окровавленных солдат, а затем и принимать участие в оперативных вмешательствах для их же спасения. Сердце Марии сжималось от жалости, а если боец не выживал, слёзы предательски лились из глаз, и ей приходилось с рыданием выбегать из операционной.

Но ко всему привыкает человек. И через пару месяцев Лисицина стала более стойким медработником, не позволяя себе расслабляться в ходе работы в операционной. Так месяц за месяцем шла тяжёлая, иногда сутками без сна, работа по оказанию экстренной медицинской помощи раненым. Бывало, спасали покалеченных бойцов и под бомбёжками.

Однажды в госпиталь, где служила Мария, поступила раненая землячка родом из Кунашакского района — Сакина Рахимова. Сакина родилась в деревне Усманово в сентябре 1926 года. Нелегкая ей досталась жизнь. Она рано осталась без родителей: мать ушла из жизни, когда ей было три года, отца потеряла в одиннадцать лет. Воспитывалась девочка у родственников, вернее, в няньках у них служила да по хозяйству помогала. В 1943 году, приписав себе возраст (якобы она родилась 25 марта 1925 года), она добровольцем ушла в Красную Армию и стала зенитчицей.

Нелегко приходилось воевать фактически семнадцатилетней девушке, однако она стойко переносила все тяготы фронтовой жизни. В боях под городом Ровно в ходе бомбёжки Сакина была тяжело ранена. Зенитчица увидела вздыбленную землю и тут же потеряла сознание. Рахимова не помнила, сколько времени прошло со времени налёта фашистских самолётов, не чувствовала боли, она лишь осознавала, что не может двигать левой рукой. Только по дороге в госпиталь Сакина стала ощущать боль в левой половине тела, которая становилась всё сильнее и сильнее. Но старания врачей и молодость раненой делали своё дело. Сакина стала поправляться. Рахимова оказалась в эвакогоспитале 54-й армии. Здесь и произошла встреча двух землячек. Узнав, что они из одного района, девушки стали общаться.

Раны Сакины долго не заживали, однако девушка стремилась на фронт в свою часть. Но врачи были против выписки, не давая разрешение на службу зенитчицей, так как левая сторона тела долго не восстанавливалась. И вот тогда Лисицина помогла с документами для возвращения Рахимовой в свою родную часть.

Противившись с землячкой, Мария продолжила службу в госпитале уже старшей медицинской сестрой. В составе пятьдесят четвертой армии прошла Венгрию и Австрию. Когда госпиталь находился в Венгрии в городе Секешфехерваре, она должна была встретиться со своим старшим братом Лисициным Егором Егоровичем. Но встреча не состоялась, так как брат погиб и был похоронен в этом венгерском городе. Горю Марии не было предела, но необходимо было выполнять свой воинский долг по излечению раненых. В самом конце войны к госпиталю прорвались немцы. Немногочисленная охрана приняла бой, но силы были неравными. Раненые и медперсонал были готовы к самому худшему, но в самый последний момент на помощь к ним подоспела танковая часть, и фашисты были уничтожены.

Прозвучали салюты Победы, но для военнослужащих госпиталей война не закончилась, они продолжали бороться за жизни и здоровье покалеченных бойцов. В 1946 году Мария Егоровна в звании младшего лейтенанта демобилизовалась из Красной Армии и вернулась в родное село, где стала работать фельдшером Куяшской участковой больницы.

Сакина Рахимова продолжила службу в родном полку, а затем из-за последствий тяжёлого ранения была переведена в военные регулировщицы.

Наступил месяц май 1945 года. Сакина, регулируя движение транспорта в Берлине, дважды останавливала автомобиль, в котором ехал маршал И. С. Конев. Когда машина военначальника была остановлена во второй раз, Конев, открыв дверь, обратился к Рахимовой:

— Сержант, почему меня останавливаете уже второй раз, Вы, наверняка, знаете мою машину?

— Товарищ Маршал Советского Союза, я регулирую движение транспорта, и здесь все равны, — отчеканила девушка, отдав честь.

— Ух ты, какая шустрая, — продолжал Конев, — до какого часа будешь здесь?

— Еще четыре часа быть на посту.

— Значит, я увижу тебя, когда буду возвращаться? Надеюсь обрадовать тебя отличными вестями.

Сакина еще находилась на своём посту, когда на обратном пути машина маршала остановилась около неё. Конев вышел из автомобиля и обнял Рахимову:

— Вот какую весть, дочка, я сообщаю тебе. Только что подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Победа!

Тут девушку прорвало:

— Победа, Победа, товарищ Маршал Советского Союза, Победа!!! — кричала она со слезами на глазах от счастья, по-ребячески прыгая возле Конева.

Так война закончилась для сержанта Рахимовой, наступала мирная жизнь.

Прибыв на родину, Сакина Рахимова стала работать в военкомате. Она ездила по сёлам района и обучала призывников обращению со стрелковым оружием. Часто приходилось оставаться на ночлег в какой-либо деревне, так как с транспортом в то время были проблемы. Однажды, заночевав у какой-то бабушки, Сакина увидела во сне ружьё. Она рассказала об этом хозяйке. Та, немного подумав, объяснила:

— Если девушка видит во сне ружьё, значит, муж её будет одноглазый. — Старушка тут же начала припоминать всех искалеченных войной в округе.

— Бабушка, а ружьё-то было двуствольное, — задумчиво проговорила Сакина.

— Значит, муж твой будет незрячий на оба глаза.

— Да не все сны сбываются, — успокаивала себя девушка, а вскоре забыла об этом.

В тот же день в райвоенкомате её увидела жена райвоенкома Хайруллина и пригласила Сакину познакомиться с фронтовиком, старшим лейтенантом в отставке, потерявшим в бою зрение, — Кадыром Закировым. Поначалу этот высокий красивый мужчина не произвёл на неё большого впечатления: много офицеров она видела на фронте, даже с маршалом общалась. Но потом, когда она увидела рядом с незрячим Закировым двух неопрятно одетых несовершеннолетних пацанов, Сакина Рахимовна прониклась к ним жалостью. Незрячий родитель не мог следить за их внешним видом, а родная мать оставила их на попечение отца-инвалида. Вскоре девушка из привезённого с фронта трофейного парашюта сшила для детей Закирова штаны. Ребята были счастливы, и эта радость передалась и Рахимовой. Она как-то незаметно для себя всё чаще стала общаться с Закировым, сначала ради детей, а потом эта привязанность перешла к их отцу, которая в последствии переросла в любовь. «Вот и сбывается мой сон», — думала девушка.

В 1948 году Кадыр Абдрахманович и Сакина Рахимовна сыграли свадьбу. Жили Закировы дружно, поддерживая друг друга. Глава семьи работал адвокатом (о нём писал Н. Шукшин в журнале «Графоман» № 2/2020), а жена была его секретарём и домохозяйкой. Всего супруги Закировы воспитали шестерых детей: двоих от первого брака Кадыра Абдрахмановича и четверых совместных. Все дети получили профессиональное образование, стали хорошими специалистами. Двое из них получили высшее образование. Зухра Кадыровна пошла по стопам отца, став адвокатом, а Лилия Кадыровна все свои творческие силы и талант отдаёт журналистике.

Марии Лисициной, поменявшей эвакогоспиталь на участковую больницу, не стало легче в работе. В разоренной войной стране не хватало медикаментов, аппаратуры, перевязочного материала и много другого. Ей приходилось и в мороз, и в распутицу на лошади и пешком отправляться на вызовы к больным, иногда за несколько километров, так как больница обслуживала население не только Большого Куяша, но и десяток близлежащих деревень. Однажды при посещении Урукуля она познакомилась с молодым человеком Михаилом Ватутиным. Они поженились, и в 1951 году у них родилась дочь Нина, которая в последствии выбрала профессию матери.

Со временем в больнице стали появляться врачи, но я, будучи мальчишкой, слышал разговоры старших: «Что-то нездоровится. Сегодня кто принимает: врач или Мария Его-

ровна? Я уж пойду к нашему фельдшеру». Разное отношение было к Ватутиной. Некоторые считали, что она слишком груба к больным. Я, лично обращаясь не однажды на приём к Марии Егоровне, никогда не замечал с её стороны грубости. Она бывала строга и иногда жёстка в выражениях, но это было отражение того жестокого военного времени.

Очень хорошо отзывается о Ватутиной Николай Шукшин. В семилетнем возрасте у него фельдшер выявила хронический бронхит. Она сама выезжала к нему в Малый Куяш по два раза в день и ставила уколы. Через год диагноз повторился, и Мария Егоровна госпитализировала его в больницу, а также разрешила положить вместе с ним в палату родную сестру для ухода за ним. Вскоре Колю выписали выздоровевшим. От многих жителей Большого Куяша я слышал о добром отношении к ним со стороны Ватутиной. Поражало умение Марии Егоровны ставить правильный диагноз заболевшему часто визуально без аппаратуры. До пенсии Ватутина проработала на одном месте, не покидая родного села.

Приезжая в Кунашак, Мария Егоровна частенько заходила в гости к Сакине Рахимовне. Сидя за чаем, они вспоминали фронтовые годы. Однажды в газете «Челябинский рабочий» о них была опубликована статья с их фотографиями.

Уходят из жизни фронтовики. Нет уже с нами Марии Егоровны и Сакины Рахимовны, но память о них жива. Мы все, особенно молодое поколение, должны знать, что на войне были и женские лица.

с. Еткуль

Валерий Дивянчин

Мы помним

Август 41-го года

Тополиного пуха пушистая роскошь.
Бьётся куст над пронизанной солнцем водой...
Тихим розовым утром у города Россошь
Умирает в траве командир молодой.
Ветер горькие ивы качает упруго,
Проступают вдали очертания сёл,
И зовёт он танкиста, отменного друга,
И ругает его: «Почему не пришёл?»
Но молчит его друг, весельчак черноусый:
Крепко пуля засела в шальной голове...
Свищут вихри пожарищ над Старою Руссой,
И горят наши танки в высокой траве.
А со свастикой танки мчатся, травы ломая,
Наступила година неслыханных бед:
Что пред дикой Европою орды Мамаю?
Все позиции выбиты, армии — нет.
Там, где стены белели, руины дымятся...
Обошли, подползли — и ударили встык!
Над красивой и нежной женою глумятся,
А детей — дочь и сына — нанижут на штык.
И в бреду он мучительно ищет причины:

Он с оружием был, и обучен, и смел...
Эта самая трудная смерть для мужчины:
Знать, что родину ты защитит не сумел!
А луга зеленеют от края до края,
Рядом с пятнами крови алеют цветы,
И тоскует в траве командир, умирая,
Что не смог отстоять он такой красоты.

* * *

Сыновний долг и уваженье
Мы вам родные, отдаём —
Живым и павшим в дни сражений,
Навек уснувшим крепким сном!
Да, многих нет той славной рати...
Пусть будет пухом им земля...
Вы полегли за мир и счастье,
Нам всем любить и жить веля!
Пусть нет на свете жизни вечной,
Но Родина навек — одна.
И это в нас так бесконечно,
Как память, как любовь. Весна!

г. Южноуральск

Елена Кожунова

Наступит снова мирная весна

Но завтра вспыхнула война

Гармонь играет в старом сквере,
Повсюду музыка слышна.
Я жизнь люблю, я в счастье верю —
Но завтра вспыхнула война.

Надежды рухнули и планы.
«Война» — страшнее слова нет.
Я помню только слёзы мамы:
«Тебе ведь восемнадцать лет...»

«Славянка» слышится с вокзала,
На фронт уходят поезда.
Под стук колёс, под гул металла
Умчалась юность навсегда.

А мы, мальчишки и девчонки,
Ещё пожить-то не успев,
Пошли под пули, взяв винтовки,
Смертельный страх преодолев,

Где рядом смерть и рвутся мины,
Земля уходит из-под ног.
Сквозь стон сплошной неодолимый
Вдруг мамин голос: «Мой родимый,
Ты береги себя, сынок».

Прости меня, моя родная,
Но мы не можем отступить.
Ребята, рядом погибая,
Как я, хотели тоже жить,

Любить, мечтать и улыбаться
Своим любимым и родным,
И мирной жизнью наслаждаться,
Цветущим праздником весны.

.....

Вновь соловей щебечет в сквере
В звенящей майской тишине.
Я жизнь любил, я в счастье верил...
Но я остался на войне...

Ветеранам

*Посвящается ветерану
Великой Отечественной войны
Матрёне Николаевне Бацуун,
моей бабушке, которая в военные годы
служила в Челябинской танковой части
поваром, а также всем,
кто защищал нашу Родину*

Тебя однополчане звали Мотя,
Любили все украинский твой борщ,
И слушать были вечером не против,
Как с грустью об Украине ты поёшь.

Ты пела так, что сердце замирало,
Как будто рядом не было войны.
Ты пела и, наверно, представляла
Своё село в объятиях весны.

Ну а наутро снова рвутся мины,
А ночью слепит свет прожекторов.
Война, война... когда ж твоя кончина?
Когда на землю вновь придёт покой?

Ты всех бойцов героями считала.
Ну а сама: «Какой же я герой?»
Вот только б сердце верить не устало,
Что будет он, последний самый бой,

Что прекратятся взрывы, стоны, крики,
Наступит снова мирная весна,
Что он придёт, Победы день великий,
И сгинет вся фашистская чума.

Прошла война... скупые отголоски
Её слышны в израненной судьбе...
А над могилой белая берёзка
Склонила нежно веточки к тебе...

г. Челябинск

Забывать нельзя

Ордена, медали гнутые в земле
Снова будоражат память о войне.
Штурмовик подбитый, устремлённый вниз,
Чёрный дым над лесом облаком завис.

Номера не стёрты — имена найдём,
Стлели гимнастёрки, останки соберём
Бережно, обмытые слёзною водой,
С орденами битыми ты для нас Герой.

Родина, что снилась, отчая земля
С почестями примет, как твоя семья.
Не встречают предки, не спешат обнять.
Разум помутнился, сердцем не понять.

Ты герой Отчизны, хоть и молодой,
Много лет томился во земле сырой.
Дом твой накренился, будто в землю врос,
Где с мячом резвился, слышен шум берёз.

Ты лежи спокойно на родной земле,
Звёздочка сияет в память о войне.
Смотрят с постамента ясные глаза,
Дождичком умытые, в сини небеса.

Ордена, медали гнутые в земле
Бережно хранятся в память о тебе.
Подвиг твой бессмертный: не щадя себя,
Приближал победу. Забывать нельзя!

г. Пласт

Каринэ Гаспарян

Преломление света

110

Трафакан № 4(44) - 2020

Писать — значит сначала читать. Книги проходят через нас, как свет через двояковыпуклую линзу. Он удивляет, мучает, восхищает, формирует. И уже преломленным выходит, освещая чистый лист перед нами и нашу судьбу.

В топку творчества пишущего, кроме прочитанного, кидается и сгорает весь его опыт, окружение, чувства и мысли. Когда твоя старшая сестра учится на филологическом факультете университета, тучи сгущаются над младшей сестрой быстро и незаметно. Особенно если она отличница и мышь в очках.

Уроки сделаны, из развлечений, удовольствий и радостей — одна — на много лет вперед — книги. Они были живыми и настоящими. У них был запах и вкус. Огромный том Д. Дидро «Монахиня», светло-бежевый, почти белый, был и внутри обманчиво прост. Странные откровения главной героини опрокидывали сознание в десять лет. Томик рассказов Ги де Мопассана в грязно-зеленой обложке шокировал и оставлял стойкое желание помыть руки. У. Теккерей в пудрово-розовых облатках баюкал и усыплял. Пройдя, но не «земную жизнь», а полный курс литературы для филологов, мышка могла выбирать, и на этом пути ее ждали восхитительные открытия. Это и А. Алексин, и К. Паустовский, и Лев Николаевич с Федором Михайловичем. Стихи я исправно учила наизусть, все, что задавали в школе. Кажется, в то длинное, жаркое и тягучее лето, похожее на таз с абрикосовым вареньем на плите, я открыла Марселя Пруста. И три месяца шла «По направлению к Свану». Третьего сентября Руфина Дмитриевна завершила урок литературы неприятным сюрпризом. «На следующий урок я жду от вас сочинение на тему», — решительно повернулась и написала на доске: «Как я провел лето». А я свое лето не провела, а промучила, проплакала, прорадала.

Вечером я долго сидела над пустой тетрадью. И вдруг мне на глаза попала синяя тетрадь сестры по языкознанию. Красивым почерком были записаны определения: Дактиль, Ямб, Хорей, Анапест, Амфибрахий. Через все испытания, города и годы я пронесла эту судьбоносную тетрадь. Четырехстопный ямб — вот мое спасение. Сочинение было написано и сдано на следующее утро. В нем не было ни слова обо мне. О птицах и травах, о шелковице под ногами и море, об этом чудесном мире, которому я совсем не нужна... Холодок под ложечкой не покидал юного автора до оглашения результатов.

Через неделю Руфина Дмитриевна положила на стол стопку с нашими сочинениями. «Вы все молодцы, но я хочу прочитать вам одно сочинение», — сказала она. Класс затих, и тридцать человек слушали мой четырехстопный ямб, льющийся легко и ладно... Прозвенел звонок, я боялась поднять глаза. Но никто не смеялся, все тихо разошлись. Мышка почувствовала силу слова.

Белая книжечка А. Вознесенского поразила, опрокинула... и вдохновила. С тех пор я пишу. Писала, пишу, буду писать. Если на необитаемый остров, — мне нужна только бумага и ручка. Если жить, то только для того, чтоб писать.

Взгляд, нечаянный разговор, обрывок песни, рассказанная кем-то история, старая любовь, объявление в газете, — все может стать предметом творчества. Может возникнуть закономерный вопрос: а как же собственные переживания, чувства и ощущения. Автор, который употребляет их в чистом виде, не разбавленными временем и осмыслением, — это или новичок, или пишущий для себя, про себя и только через себя.

Свет может преломиться и погаснуть, пройдя через призму осознания, и засиять найденной рифмой, ритмом, эпитетами и смыслами. Вот идет первый снег, робкий и молчаливый. Ждали ли мы его на этой земле? Ждали ли тебя? Рождается мгновенно:

Спрячь меня в дальнем распадке,
снегом припороши.
И положи для души
синюю ручку с обычной чистой тетрадкой.
Зверю дай жертвы в достатке,
птицам — рябины горсть.
Хромому — резную трость.
А я могу по памяти, без тетрадки.

В одиннадцать лет, прочитав «...Как кричит полоска света, / Прищемленная дверьми...», сочинишь что-то, как тебе кажется, такое же исцеляющее и новое:

Капает музыка,
Я набираю.
Чан,
и ведро,
и кастрюлю,
и таз.
Не забывайте,
что набираете.
Не то затопит
Музыка вас.
Музыка,
Музыка,
Музыка,
Которую пьете сейчас.

В шестнадцать лет встречаешься с известным поэтом, бледнеешь и краснеешь, когда он хвалит твои стихи. А на рассвете, в пятьдесят, вспоминаешь его лицо и тут же складывается:

Сказал Учитель,
— Вы, мой друг,
останьтесь.
У Вас нечётко
сделан диалог.
Он автор переводов, од,
и стансов.
Он мэтр, он гений,
Он почти что Бог.
Мела метель.
На подмосковной даче,
И в целом мире
Были мы одни.
Стихи и я,
Седой и грустный
Мальчик.
И поездов
Далёкие огни.

Стихи настигают ночью, когда весь город спит. В гостях, когда надо пить чай и говорить ни о чем. В автобусе, который мчит тебя в Челябинск.

Иногда в голове складывается строчка, нелепая строчка из двенадцати слогов. Ты пробуешь ее на слух сто раз, ты приделываешь к ней строфу, ты живешь, как во сне. Все не важно, кроме этой длинной строки:

Касаться друг друга не плотью и платьем,
Тем неосязаемым светом, что в нас и из нас.
Быть в замкнутом круге сестрою и братом.
Прощаться на сутки, и, переступая проклятье,
Быть самой немислимой твердью
И небом,
Встречаясь в нечаянном месте
В назначенный час.

Как рождаются стихи, как пишутся, как живут? Может, ты наполняешься стихами всю жизнь, а потом вспоминаешь их по одному? Может, ты рожден, чтоб складывать строчки в чудесном чередовании. Я существую в потоке, из которого мне приходят стихи. Не знаю, за что мне эта радость. Приходит строчка, и носишь, носишь ее в себе. Перекатываешь на языке, повторяешь и повторяешь. Через день или неделю складывается вторая, третья, пятая

строка. И только потом на бумагу, на свет. Свет, который прошел через двояковыпуклую линзу, свет твоей жизни, твоей любви, твоей памяти:

Этой судьбоносной орфографией
 Не испытывай меня до срока, Господи,
 Соколиным пёрышком ты правь меня.
 Только не кори впотьмах вполголоса.
 Осудить нельзя, ты мне помиловать
 Предлагаешь лёгким рук касанием,
 Но меня заколют после вилами,
 Вот такие знаки препинания.

г. Миасс

Александр Мшутин

12 строк

Зацепило. Уже не однажды и не дважды задевала меня беспардонность невежества: во всё горло, нахально, с утверждением... Вот и сейчас: застолье, сад, баня — и молодая поросль банкует. (Впрочем, какая молодая — сороколетние!) Не однажды поправлял неграмотность, но... Как известно: невежество всегда агрессивно и только распаляется от замечаний: «Грамотный, да!»

Не усугубляя конфликта, ушёл в баню.
 — Во, во! Иди в баню!

И уже там, на полкё, пришли в голову три слова, в один ряд: *невежество, прощаю, совра- щую*. «Невежество глухих прощая, та-та-та-та я совращаю». Ну, не слышат языка, глухие к лю- дям, знаниям. Очень понравилось — «совращаю». Ассоциации хорошие возникают. Прощаю? Ну конечно: не борюсь же ведь! Да и победить их невозможно. Так же, как и словоблудов. О! А с другой стороны — словесный блуд умных. Вот что мне не нравится. Сильно не нравится. *«Невежество глухих прощая, Не принимая умных блуд, Я всех ущербных совращаю На осуждение и суд»*. Именно — «совращаю». Провоцирую. Они только распаляются от моего, как им кажется, высокомерия: «Он прощает! Игнорирует умных! Нашёлся тут!» Хорошо! Надо обязательно записать, а то забуду. Да, пожалуй, и перегрелся уже в бане.

— С лёгким паром!
 — Спасибо. Где-то есть ручка?
 — Умная мысль пришла?
 — Да вроде бы...

Пусть полежит **зафиксированная мысль**. Теперь не потеряю.

День прошёл — лежит бумажка. Два. Но где-то в паузах от дел нет-нет, да и загляну в неё. Плавает где-то простая мысль: не такой, как они. Они — в ногу, а ты — нет. На третий день записал для «ногу», для сохранения ритма: «Они, конечно, ходят в ногу». Нет, не так, а вот как: «Конечно, все шагают в ногу». Они же правильные. Лучше «все», чем «они», шире. Не только же «умные» и «тупые», и другие есть, не принимающие тебя. А почему — «тупые»? Ага, разозлился. Хорошо! Это — хорошо. А уж следующая строка выскочила сама собой: *«Конечно, все шагают в ногу, И лишь стреноженный один»*. «Нормально. А то ишь ты, умный выискался! — торжествуют тупые и словоблуды. — Слава богу, что один». *«И слава богу, слава богу, что он один, что он один»*.

*Конечно, все шагают в ногу,
 И лишь стреноженный один.
 И слава богу, слава богу,
 Что он один, что он один.*

Ну и что в этом конфликте? Мысль-то какая вызревает? А — никакой. Пока никакой. **А должен быть вывод какой-то**. Еду в маршрутке, иду ли из магазина — стихи уже не отпускают. Так что же с выводом? А ничего. Мир как жил, так и живёт: ничего не меняется. Так было, так есть. Не знаю — как будет. Но должно быть ему некомфортно, должно! Почему? Выплюнет и не заметит. Ну а сам-то я чего хочу? Чтоб не было так; чтоб миру было **неудобно**,

повинно, стыдно, чтоб его терзала эта мысль, вернее — это отношение к личности; чтоб его глодала вина, ела. Во как!

*А мир живёт, как жить и должен:
В своих печалях и гульбе...*

Но что-то гложет, что-то гложет

*Конечно, все шагают в ногу,
И лишь стреноженный один.
И слава богу, слава богу,
Что он один, что он один.
А мир живёт, как жить и должен:
В своих печалях и гульбе...*

Но что-то гложет, что-то гложет

Что?

Это сейчас, когда все слова нашлись и выстроены, кажется, чего проще: не это слово, так это; вот эпитеты, вот сравнения, метафоры — выбирай. Не выберешь. Нет этих слов изначально, они прячутся. И неизвестно, когда придут, при условии, что ты думаешь о теме, погружён в неё.

Если не «ЧТО», то хотя бы «КАК». Сравнение нужно.

В глухой, как заповедь, мольбе. Хорошая строка. Вернее — красивая. Лексически мощные, классические слова. Но... Что-то гложет — в мольбе. Когда молюсь — гложет, свербит, царапает. А в другое время? А сейчас? А вчера? «В глухой» — в скрытной, интимной, спрятанной — не для всех. «В глухой, как заповедь». А может ли быть такой «заповедь»: скрытной, спрятанной? Я не уверен. Заповедь — правило, предписание, и совсем не тайное. Получается: **В тайной, как правило, мольбе.** Чепуха какая-то. К сожалению — пустая, хотя и красивая строка. Жаль: всё-таки красивая.

Потанцуем вокруг. В этом же ритме. Метр менять-то нельзя.

**Как суеверие в мольбе.
Как боль и таинство в мольбе.**

Рифму ведь тоже не хотелось бы менять, хорошая рифма «гульбе — мольбе». «Суеверие» в молитве не «гложет»: оно — составная часть веры.

«Таинство», может быть, в молитве и присутствует чаще всего. А «боль»? Ведь «боль и таинство» — в мольбе. Тоже, наверное, да. Но не верю, что у них, у «тупых» и у «словоблюдов», — такая боль за «кретина». Хотя «боль» и «мольба» хорошо звучат в строке. Жаль...

Как стон вины в глухой мольбе. «Стон» у этой категории, которая меня презирает? Стон, связанный с осуждением меня?! Не может такого быть. Хотя — **«ВИНЫ»** — в том направлении: совесть, покаяние, стыд... **«Как СТЫД вины в глухой мольбе».** Как это по-русски: стыд чего? кого? Вины? Получается, что это «вина» стыдится? А надо, чтобы — «они». Всё, хватит пока.

А ночью пришла строчка, вернее, нужное слово: «яд».

«Как ЯД вины в глухой мольбе». Именно яд вины гложет! Ну что — получилось?

**А мир живёт, как жить и должен
В своих печалях и гульбе...
Но что-то гложет, что-то гложет,
Как яд вины в глухой мольбе.**

Здрасьте, приехали! А **что же** «гложет», как «яд вины»?! **ЧТО** — это **что-то**? Кто оно? Что оно? А если «осужденье» гложет, как яд вины? Может быть? Очень даже. Даже: так и должно быть! Очень хорошо! Так понятно — **«что»: ОСУЖДЕНИЕ!**

Но в осуждении что-то гложет,
Как яд вины в глухой мольбе.

Спать уже не пришлось, где уж там: «причесать» теперь его (стихотворение) надо. И пошло-поехало заново.

«Тупых» — очень грубо. «Лихих»? Расплывчато; и потом: что все «лихие» невежественны?

«Других». Кто они — «другие»? Все, кто — не я? Чушь.

И только в следующую бессонницу пришла строка: «Невежество, как грех, прощая». Ох, как понравилась! Как не хотелось от неё уходить! Заканчивается стихотворение «мольбой», а слово «грех» в одном лексическом ряду с «мольбой». Хорошо. Но... Я что бог — прощать грехи? И потом: «прощать» — значит, не обращать на них внимания, не придавать значения. А я-то как раз подчёркиваю, акцентирую внимание на невежестве. Если бы я не обращал внимания на невежество, с чего бы «тупые» (глухие, другие, лихие) на меня злились, спускали собак? Так что — не проходит эта хорошая (действительно хорошая) строка. Пусть остаются «тупые».

«На осуждение и суд» — продолжаю «причёсывать».

Когда в бане выпарилась эта строка, она мне очень понравилась. И только сейчас обратил внимание на ошибку: «осуждение» и «суд» — тавтология, масло масляное, одно и то же. Поэтому вместо «осуждения» — «отвержение». Отверженный, его отвергает общество. «На отвержение и суд».

Дальше: «И лишь стреноженный один». Кто тебя треножил? Ты — свободен. Но — отторгнут, отвергнут, презираем. А если так: «И лишь не в ногу ты один». Ритм сохраняется, и смысл вроде не теряется... Вроде. Если строку «выпрямить», превратить в прозаическую, то она будет выглядеть так: **ЛИШЬ ТЫ ОДИН** шагаешь не в ногу. А в стихах: **ЛИШЬ НЕ В НОГУ**. И дело не в порядке слов. А в смысле. По стихам получается, что во всём у тебя синхронность, кроме ног (лишь не в ногу). А речь-то не об этом, а о том, что ты **один**. Может быть так: «**Не в ногу лишь один кретин**». А что — «кретин»? Это — отношение к тебе. Возможно. Все в ногу, только ты выпадаешь из **такта**, из ритма. То есть: ты — бестактен. То есть: ты — груб, невоспитан(!) шагаешь не в ногу. Хо-ро-шо! «**БЕСТАКТЕН ЛИШЬ ОДИН КРЕТИН**». Так и оставим.

И дальше: «И, слава богу, слава богу, Что он один, что он один». Кто славит бога? Кто его благодарит? А почему благодарят? Боятся, что ли? Маловероятно: этот народец — самонадеян, самоуверен. А вот — **ГОРЕ богу** — уже что-то. Мысль. «**Слава богу!** — благодарность от «тупых» и «словоблудов», а — «**горе богу**» — сожаление автора о том, что мало таких «**одних**» и упрёк богу: куда же ты смотришь? И слово «Бог» должно быть с заглавной буквы. И тогда логична следующая строка: «Что он один, **УВЫ**, один». Вот теперь, кажется всё.

Невежество тупым прощая,
Не принимая умных блуд...

Я уже сбросил стихи в социальные сети и на «стихи.ру». Уже получил отзывы и вдруг поймал себя, перечитывая стихи, на мысли: что такое «умных блуд»? Аморальность? Беспринципность? Что? Значит, «умных блуд» я не принимаю, а блуд остального человечества меня не трогает? Нет, это совсем не так. Да и не об этом я хотел сказать. Я хотел сказать о СЛОВОБЛУДИИ, а сказал о бдуде умных. Я хотел сказать, что и невежественные и умные, играющие словами (словоблудие), для меня одинаково неприемлемы (впрочем, как и я им). Значит, так: **Не принимая слова блуд**. Нет, лучше — **И презирая**. Резче, конфликтнее. Ой-ё ёй! И здесь — прокол... Нет, всё, устал. Сдаюсь. Только вместо «***» нужно название придумать. **Личность, Как все, Не в ногу, Отверженный?** Оставляю: «**ОТВЕРЖЕННЫЙ**».

Вот как выглядят муки ради 12 строк.

* * *

Личность (Как все) (Не в ногу) (Отверженный)

Невежество глухих (тупых) (других) (лихих) (тупым) прощая, (Невежество, как грех, прощая,

Не принимая умных блуд — (И не приняв словесный блуд)

Я всех ущербных (согласных) **(Я их тем самым)** совращаю
На осуждение **(на отвержение)** и суд.

Конечно, все шагают **(Они-то все шагают)** в ногу,

И лишь стреноженный один **(кретин)** **(Не в ногу лишь один кретин)** **(Бестактен лишь один кретин)**

И — слава Богу, слава **(горе)** Богу —

Что он один, что он **(увы)**, один.

И мир живёт, как жить и должен:

В своих **(своЕЙ)** печалях **(печалИ)** и гульбе...

Но что-то гложет, что-то гложет **(Но в осужденье что-то гложет)**

Как боль и таинство в мольбе. **(Как таинство в глухой мольбе)**

(В глухой, как заповедь, мольбе) **(Как суеверие в мольбе)**

(Как стыд вины в глухой мольбе)

(Как стон вины в глухой мольбе)

(Как яд вины в глухой мольбе)

В результате получилось вот что:

Отверженный

Невежество тупым прощая,
И презирая слова блуд —
Я сам ущербных совращаю
На отторжение и суд.

Они-то все шагают в ногу,
Бестактен лишь один кретин;
И — слава Богу, горе Богу,
Что он один, увы, один.

И мир живёт, как жить и должен:
В своих печалях и гульбе...
Но в осужденье что-то гложет,
Как яд вины в глухой мольбе.

P. S.

«ОТТОРЖЕНИЕ» возникло уже ПОСЛЕ написания этого эссе.

г. Челябинск

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 4(44)/2020
Литературный альманах
Редактор *А. А. Мишутин*

Корректор *Е. С. Меньшенина*
Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 12.11.2020 г. Гарнитура «Constantia».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 9,43.

Заказ № 150.
Тираж 75 экз.
Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Фотохудожник»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.

Телефон редактора альманаха «Графоман»: 8 908 570 83 97.
E-mail: mishutin1940@mail.ru